СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

СКИФ

№7 (119)
ИЮЛЬ 2026

СКИФ. ВОПРОСЫ СТУДЕНЧЕСКОЙ НАУКИ №7 (119) ИЮЛЬ 2026

СКИФ

sciff.ru

Вопросы студенческой науки

Сборник научных статей

№7 (119)

Июль 2026 г.

Санкт-Петербург
2026

УДК 3

Ответственный редактор: Пуляк А.В.

Редакционная коллегия:
Баранец С.Н. – кандидат философских наук
Бурухина Е.Н. – кандидат исторических наук
Бычков С.Н. – кандидат юридических наук
Ильин А.С. – кандидат экономических наук
Козырев А.А. – кандидат экономических наук
Матвеев А.А. – кандидат политических наук
Носков А.И. - кандидат экономических наук
Осипова Д.В. – кандидат социологических наук
Рященко А.Б. - кандидат экономических наук
Смирнов Л.Б. – доктор юридических наук
Ушаков М.В. – кандидат технических наук
Шматко А.Д. – доктор экономических наук
Щербакова Д.В. - кандидат социологических наук
Чубинская-Надеждина С.В. - кандидат экономических наук
Янцен А.В. – кандидат юридических наук

Социология

Историко-культурная динамика поколений: от традиционных обществ до цифрового века 5

Маркетинг

Разработка рекламной кампании организации и оценка ее эффективности 24

Педагогика

Использование интеллектуального потенциала несовершеннолетних, находящихся в воспитательных колониях 30
Генеративный искусственный интеллект как инструмент обратной связи при обучении академическому письму студентов-филологов 104

Психология

Психологические признаки кризиса молодой семьи 54
Ранние дезадаптивные схемы у людей с разными типами привязанности к матери 74
Взаимосвязь образа партнера и ранних дезадаптивных схем 92

История

Роль простых горожан в Пражском восстании 1547 года 35

Экономика

Анализ преимуществ и трудностей при переходе к безбумажным технологиям в международной торговле10
Оценка и налогообложение объектов автомобильных дорог и аэродромов как инструмент управления имущественным комплексом транспортной инфраструктуры 40
Анализ механизма добровольного ограничения торговых наценок на социально значимые товары в России (на примере Постановления Правительства РФ №662 от 26.04.2023) 49
Экономический кризис в Судане и Южном Судане: макроэкономическая деструкция и сценарии развития на 2026–2031 годы 87

Юриспруденция

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПАРАЛЛЕЛЬНОГО ИМПОРТА: ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ 17
Правовые модели привлечения инвестиций в стартапы: проблемы и перспективы развития. 69
КРИТЕРИИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ КОМПЕТЕНЦИИ МЕЖДУ АРБИТРАЖНЫМИ СУДАМИ И СУДАМИ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ СПОРОВ 82

Военная наука

ОТНОШЕНИЕ К СМЕРТИ У УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ 61

Историко-культурная динамика поколений: от традиционных обществ до цифрового века
Historical and cultural dynamics of generations: from traditional societies to the digital age

Воронцова С.М.,
студентка 2 курса
Института государственного управления и права
(направление подготовки «Психология»)
Государственного университета управления,
Р.Ф, г. Москва
e-mail: vorontsova.sofi@bk.ru
Научный руководитель:
доцент кафедры социологии, психологии управления и истории
Государственного университета управления,
к.п.н., доцент Колчин А.А.
Р.Ф, г. Москва
e-mail: andrei_kolchin@mail.ru

Vorontsova S.M.,
2nd year student
Institute of public administration and law
(field of study "Psychology")
State University of Management,
Russia, Moscow
e-mail: vorontsova.sofi@bk.ru
Scientific adviser:
associate professor of the department of sociology, management psychology and history
State University of Management,
PhD, associate professor Kolchin A. A.
Russia, Moscow
e-mail: andrei_kolchin@mail.ru

Аннотация.
В данной статье рассматривается феномен историко-культурной динамики поколений через отслеживание пути от традиционных обществ, характеризующихся устойчивостью и конформизмом, до современной цивилизации с сосуществованием таких поколений, как «бэби-бумеры», «поколение X», «миллениалы», «зумеры». Анализируются ключевые факторы, обусловившие формирование названных поколений, а также причины, лежащие в основе социально-экономических и культурных изменений, произошедших в последние десятилетия, что связано с появлением так называемого постиндустриального или цифрового общества. Целью работы было выявление механизмов трансформации ценностей, норм и образов жизни в процессе длительного временного промежутка, обусловленных демографическими, технологическими и социально-политическими факторами, которые позволяют типологизировать соответствующие поколения.

Annotation.
This article examines the phenomenon of historical and cultural generational dynamics by tracing the path from traditional societies, characterized by stability and conformism, to modern civilization, where generations such as the Baby Boomers, Generation X, Millennials, and Zoomers coexist. The key factors that shaped these generations are analyzed, as well as the reasons underlying the socio-economic and cultural changes that have occurred in recent decades, which are associated with the emergence of the so-called post-industrial or digital society. The aim of this work was to identify the mechanisms of transformation of values, norms, and lifestyles over an extended period of time, driven by demographic, technological, and socio-political factors that allow for the typologization of the corresponding generations.

Ключевые слова: историко-культурная динамика, традиционные общества, индустриализация, цифровое общество, поколенческая концепция, «бэби-бумеры», «поколение X», «миллениалы», «зумеры».

Keywords: historical and cultural dynamics, traditional societies, industrialization, digital society, generational concept, Baby Boomers, Generation X, Millennials, Zoomers.

Вопросы, касающиеся изменений, происходящих в обществе вследствие исторического и культурного развития, привлекают пристальное внимание ученых различного профиля. Одним из центральных направлений исследований последних десятилетий стала теория поколений, представленная работами американских социологов Уильяма Штрауса и Нила Хау, предложивших оригинальную концепцию классификации поколений на основе исторических событий, культурных явлений и социальных изменений. Данная теория получила широкую популярность и используется для объяснения особенностей поведения, мотивации и ценностей различных возрастных групп.

Важно отметить, что теоретические предпосылки поколенческого анализа были заложены задолго до работ У. Штрауса и Н. Хау. Еще в XIX веке Огюст Конт связывал темпы социального прогресса со сменой поколений, а Карл Маннгейм в своей работе «Проблема поколений» (1928) [4, с.7-47] определил поколение не просто как возрастную когорту, а как общность людей, чье мировоззрение сформировалось под влиянием уникальных исторических событий в «период социальной чувствительности» (примерно 17-25 лет). Именно этот механизм «свежего контакта» с миром, по Маннгейму, объясняет, почему каждое новое поколение по-своему интерпретирует накопленный культурный багаж, создавая динамику, а не просто воспроизводя опыт предков. Автор и его научный руководитель опираются на этот фундаментальный принцип, прослеживая, как конкретные социально-экономические сдвиги – от аграрной стабильности до цифровой турбулентности – преломлялись в коллективном сознании сменяющих друг друга поколений, формируя их уникальный «дух времени». Это позволяет избежать упрощенного биологического детерминизма, рассматривая поколения как продукт сложного взаимодействия исторических, культурных и технологических сил [14, с.6-25].

Целью настоящей статьи является анализ историко-культурной динамики поколений, демонстрирующий, как в течение длительного времени происходили глубинные изменения в социальной структуре, системах ценностей и моделях поведения. Особое внимание уделяется сравнению характеристик традиционных обществ и современных стадий развития, иллюстрирующих значительные трансформации, вызванные модернизационными процессами и внедрением цифровых технологий.

В традиционных обществах культурная преемственность поддерживалась через строгую систему ритуалов и конформизма. Ценности, такие как семья, патриотизм, коллективизм и уважение к старшим, передавались из поколения в поколение посредством устных традиций, религиозных обрядов и общинных институтов. Как отмечают исследователи: «Под традиционными ценностями мы понимаем такие как семья, патриотизм, коллективизм, трудолюбие, уважение к старшим» [1, с.159]. Эта система снижала вероятность ценностных конфликтов, создавая прочный социальный каркас. Механизм передачи знаний между поколениями в доиндустриальную эпоху основывался на непосредственном участии молодежи в трудовой и повседневной жизни старших. Отсутствие письменных записей знаний компенсировалось фольклором, мифами и обрядами, которые служили носителями коллективного опыта. Ритуализация жизненных циклов (инициации, свадьбы, похороны) закрепляла возрастные роли, исключая возможность индивидуальных отклонений от нормы.

Индустриализация, пик которой пришелся на XIX и XX века, оказала глубокое влияние на общественные структуры, разрушив монолитность традиционных ценностей, которые долгое время определяли жизнь людей. Этот процесс был в значительной степени обусловлен урбанизацией и появлением новых форм занятости, что привело к кардинальным изменениям в образе жизни и мышлении людей. Переход от аграрного труда к фабричному производству не только изменил экономическую структуру общества, но и дифференцировал опыт различных поколений. Молодежь начала осваивать профессии и навыки, которые были совершенно неизвестны их родителям, что способствовало формированию новых поколенческих идентичностей.

После Второй мировой войны сформировалось «поколение бэби-бумеров», представители которого отличались патриотизмом и решительностью, рано создавали свою семью и старались построить карьеру. Следующее за ним «поколение X» отличалось прагматичным подходом к жизни и работе, стремилось к стабильности и материальному благополучию. Затем приходят «миллениалы», для которых характерен акцент на самореализацию, личностный рост и поиск смысла в жизни. Указанные изменения в ценностных ориентациях стали возможны благодаря образовательной мобильности и росту городов, которые создали предпосылки для плюрализма поведенческих позиций, позволяя людям выбирать из множества различных жизненных путей и идеалов.

Помимо технологических и политических сдвигов, фундаментальное влияние на поколенческую динамику оказала трансформация экономических моделей. Переход от экономики товаров к экономике услуг, а затем и к экономике впечатлений [3, с.304], кардинально изменил структуру занятости и карьерные стратегии. Если для «бэби-бумеров» и «поколения X» была характерна линейная карьера в рамках одной-двух корпораций, гарантировавшая стабильность и предсказуемый социальный пакет, то «миллениалы» столкнулись с феноменом «прекариата» – класса работников с нестабильной, негарантированной занятостью [12, с.328]. Распространение фриланса и аутсорсинга сформировало у них установку на «карьерный портфель» и необходимость непрерывного самообучения для поддержания конкурентоспособности, что размыло традиционное понятие профессиональной идентичности.

Параллельно происходило ослабление роли традиционных социальных институтов. Если в традиционном обществе социализация была монополизирована семьей, общиной и церковью, то в индустриальную эпоху к ним добавились государство и профсоюзы. В постиндустриальном же мире эти вертикальные структуры уступают место горизонтальным, сетевым сообществам. Для «зумеров» такими институтами социализации становятся не семья и школа, а виртуальные сообщества по интересам, геймерские гильдии и блогосфера, где авторитет формируется не иерархическим статусом, а репутацией, подтверждённой вкладом в сообщество. Этот сдвиг от институционального доверия к сетевому объясняет растущую пропасть в восприятии легитимности, что является одной из ключевых осей социокультурного напряжения в современном мире [2, с.564].

В нашей стране особенно ярко этот процесс проявился в постсоветском пространстве, где, как отмечают исследователи, «Российское общество стремительно дифференцировалось, советские коллективистские и патерналистские ценности и ожидания сосуществовали параллельно с новыми принципами индивидуализма, свободы самовыражения и рыночными отношениями» [7, с.23]. Распад единого идеологического поля, который произошел в результате политических и экономических изменений, создал уникальные условия для формирования «поколения миллениалов». Оно оказалось в ситуации, где жизненные траектории варьировались от стремительного карьерного роста до маргинализации, что подчеркивает разнообразие и сложность их опыта в условиях быстро меняющегося мира.

Цифровая трансформация, которая произошла в конце XX – начале XXI века, спровоцировала более резкое разделение поколений. В частности, у «зумеров» (поколение Z) сформировались такие особенности поведения, как: клиповое мышление, культура мгновенной обратной связи и доверие к алгоритмам, что и определяет их повседневную жизнь и взаимодействие с окружающим миром. Социальные сети стали для «зумеров» основным полем социализации, заменив семью и школу и кардинально изменив общение. Как следствие, возник «цифровой разрыв» с предыдущими поколениями («бэби-бумерами» и «миллениалами»), которые испытывают трудности в освоении новых технологий, привычных для современного цифрового общества.

Конфликт между «бесцифровым» и «цифровым» поколениями проявляется в таких аспектах, как восприятие приватности, авторитета и трудовой этики. Например, для «миллениалов» карьера и

профессиональный рост остаются ключевыми ценностями, в то время как «зумеры» отдают предпочтение балансу между работой и личной жизнью (work-life balance), а также экологической ответственности. Такое различие в приоритетах и ценностях создает дополнительные сложности в коммуникации и взаимодействии между поколениями.

Конфликт поколений, обостренный цифровым разрывом, проявляется не только в сфере труда и образования, но и в области гражданской активности и политического участия. Если для «миллениалов» характерно участие в традиционных формах политической жизни – через НКО, петиции и митинги, то «зумеры» реализуют свою гражданскую позицию через новые цифровые форматы: онлайн-активизм, краудфандинг социальных проектов, вирусные флешмобы и бойкот брендов в социальных сетях. Этот переход от «политики улиц» к «политике платформ» создает иллюзию аполитичности младшего поколения для старших, в то время как его реальная вовлеченность и влияние на общественные процессы могут быть недооценены. [5, с.140-152].

Отсутствие общего «языка» и символов между поколениями затрудняет диалог, особенно в образовании и бизнесе, где разные мотивации и подходы к работе порождают недопонимание и конфликты. Важно осознавать эти различия и стремиться к взаимопониманию, чтобы создать гармоничное и продуктивное общество, в котором все поколения смогут свободно взаимодействовать.

Модель историко-культурной динамики поколений должна быть основана на интеграции адаптивных механизмов, которые характерны для ключевых социальных институтов. В частности, образовательные программы в современных условиях требуют включения методик с опытом предыдущих поколений, где цифровые навыки, необходимые для успешной жизни в современном мире, гармонично сочетаются с исторической памятью, позволяющей сохранять и передавать культурные традиции.

Средства массовой информации играют важную роль в смягчении социальных конфликтов, и они могут достичь этого через создание контента, который транслирует не противоречащие, а взаимодополняющие ценности. Например, продвижение патриотической тематики может происходить при помощи цифровых технологий, что позволяет создать более позитивный и конструктивный общественный дискурс.

Важным методом решения видится создание платформ для диалога (например, всероссийский проект «Связь поколений») [11], в рамках которого представители разных поколений смогут совместно решать практические задачи, начиная от цифровизации городской среды и заканчивая сохранением культурного наследия.

Для эффективного управления поколенческим многообразием в организациях и обществе необходимо перейти от политики адаптации к политике синергии. Практическим решением может стать внедрение программ менторства (reverse mentoring), где младшие сотрудники выступают наставниками для старших в области цифровых трендов, технологий и новых моделей коммуникации. В свою очередь, старшие коллеги передают им экспертные знания, стратегическое видение и навыки в области интеллектуального роста. Такие программы, активно внедряемые в технологических компаниях, способствуют не только сокращению цифрового разрыва, но и формированию культуры взаимного уважения, где опыт и инновация рассматриваются не как антагонисты, а как взаимодополняющие ресурсы. Подобный диалоговый подход, основанный на признании ценности каждой поколенческой модели, является ключом к устойчивому развитию в эпоху, где скорость изменений продолжает нарастать, а «точки невозврата» в культурной динамике становятся все более частыми.

Таким образом, рассмотренная в статье историко-культурная динамика поколений от традиционных обществ до цифрового века демонстрирует сложный и многокомпонентный процесс трансформации,

затрагивающий широкий спектр аспектов социальной жизни. Перемещение от стойкости и пассивности традиционных обществ к активному творческому началу и персональной инициативе современных поколений произошло под влиянием множества факторов, среди которых важнейшую роль сыграли технологии, экономика и геополитика.

Поколенческая концепция остается мощным инструментом для анализа социальных изменений и выработки стратегий эффективного функционирования организаций, бизнеса и государства. Глубокий анализ особенностей различных поколений способен повысить качество взаимодействия и минимизировать риски недопонимания и конфликтов в цифровом обществе.

Список используемой литературы:

1. Белогорская Л.В. Многоуровневая модель ценностных ориентаций современной российской молодежи // Вестник педагогических наук. — 2025. — № 9. — С. 157–162. [Электронный ресурс]. URL: https://vpn-journal.ru/wp-content/uploads/2025/10/vpn-2025-9.pdf/ (дата обращения: 10.03.2026).

2. Кастельс М. Власть коммуникации / пер. с англ. Н.М. Тылевич. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. — 564 с.

Ковба Д.М. Цифровые технологии в образовании: история, проблемы и возможности // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире. — Екатеринбург, 2019. — С. 472–480. [Электронный ресурс]. URL: https://pdfs.semanticscholar.org/eea6/3b504231e721fc6c17d54e9c805ca4ae81a5.pdf/ (дата обращения: 10.03.2026).

3. Манхейм К. Проблема поколений // Новое литературное обозрение. — 1998. — № 2. — С. 7–47.

4. Морозова Е.В., Мирошниченко И.В. Сетевые сообщества в условиях чрезвычайных ситуаций: новые возможности для граждан и для власти // Полис. Политические исследования. — 2011. — № 1. — С. 140–152.

5. Носакова Т.В. Возможности и риски цифровой среды: психологические механизмы адаптации, развития и диагностики // International journal of medicine and psychology. — 2025. — № 2. — С. 206–212. [Электронный ресурс]. URL: https://ijmp.ru/wp-content/uploads/2025/04/intern-journal-of-med-and-psychol-t.8.-2-2025.pdf/ (дата обращения: 11.03.2026).

6. Омельченко Е.Л. Забытое поколение X. Ретроспективный взгляд из будущего // Интеракция. Интервью. Интерпретация. — 2024. — № 2. — С. 10–28. [Электронный ресурс]. URL: https://www.inter-fnisc.ru/index.php/inter/article/view/6006/ (дата обращения: 11.03.2026).

7. Пайн Д.Б., Гилмор Д.Х. Экономика впечатлений: работа — это театр, а каждый бизнес — сцена / пер. с англ. — М.: Вильямс, 2005. — 304 с.

8. Петраш М.Д., Стрижицкая О.Ю. Типы межпоколенных социальных отношений и профессиональное развитие студентов на начальном этапе обучения // Мир науки. Педагогика и психология. — 2021. — № 6. — С. 1–5. [Электронный ресурс]. URL: https://mir-nauki.com/PDF/44PSMN621.pdf/ (дата обращения: 12.03.2026).

9. Санакоева Я.И., Моргоева А.Д., Моргоев И.Д. Человек в цифровой трансформации общества: вызовы и риски // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. — 2022. — С. 170–177. [Электронный ресурс]. URL: http://www.publishing-vak.ru/file/archive-philosophy-2022-2/c12-sanakoeva.pdf/ (дата обращения: 12.03.2026).

10. Социальный проект ГУУ «Связь поколений». — Текст: электронный // vk.com : [сайт]. — URL: https://vk.com/svyazpokoleniy2026 (дата обращения: 12.03.2026).

Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс / пер. с англ. Н. Усовой. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. — 328 с.

11. Хадисова К.В. Социокультурные особенности социальной работы: историко-философский анализ // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2014. — № 11. — С. 183–186. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gramota.net/article/hss20142146/pdf (дата обращения: 12.03.2026).

12. Шанин Т. История поколений и поколенческая история России // Человек. Сообщество. Управление. — 2005. — № 3. — С. 6–25.

Анализ преимуществ и трудностей при переходе к безбумажным технологиям в международной торговле

Analysis of advantages and difficulties in the transition to paperless technologies in international trade

Качалов Вадим Юрьевич
кандидат социологических наук, доцент
заместитель директора
Института физической культуры ПГУФКСиТ,
доцент кафедры педагогики и психологии в сфере ФКиС ПГУФКСиТ;
доцент кафедры таможенного дела
Казанского кооперативного института РУК;
член-корреспондент Академии экосоциальных технологий
e-mail: kITE70@yandex.ru

Kachalov Vadim Yurievich
Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor,
Deputy Director Institute of Physical Culture
of Volga State University of Physical Education, Sports and Tourism,
Associate Professor of the Department of Pedagogy and Psychology in the field of Physical Education
of Volga State University of Physical Education, Sports and Tourism;
Associate Professor of the Department of Customs
Kazan Cooperative Institute of Russian University of Cooperation;
Corresponding Member of the Academy of Eco-social Technologies
e-mail: kITE70@yandex.ru

Щигорцова Елена Сергеевна
кандидат социологических наук, доцент
заведующий кафедры социально-гуманитарных дисциплин ПГУФКСиТ;
доцент кафедры таможенного дела
Казанского кооперативного института РУК

Shchigortsova Elena Sergeevna
Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor
Head of the Department of Social and Humanitarian Disciplines
of Volga State University of Physical Education, Sports and Tourism;
Associate Professor of the Department of Customs
Kazan Cooperative Institute of Russian University of Cooperation

Аннотация.
В данной работе проводится комплексный анализ процесса перехода к безбумажным технологиям в международной торговле. Рассматриваются ключевые преимущества цифровизации, такие как сокращение операционных издержек, повышение прозрачности цепочек поставок и ускорение таможенных процедур. Особое внимание уделено трудностям перехода: юридической неопределенности в признании электронных оборотных документов, отсутствию технической совместимости различных цифровых платформ и высокому уровню нетарифных барьеров для развивающихся стран. Автор анализирует роль международного правового регулирования, в частности Типового закона ЮНСИТРАЛ об электронных передаваемых записях, как критического фактора для достижения глобальной совместимости цифровых торговых экосистем.

Abstract.
This paper provides a comprehensive analysis of the transition to paperless technologies in international trade. It examines the key benefits of digitalization, such as reducing operational costs, improving supply chain transparency, and accelerating customs procedures. The paper also highlights the challenges of the transition, including legal uncertainties in the recognition of electronic negotiable documents, the lack of technical compatibility between different digital platforms, and the high level of non-tariff barriers for developing countries. The author explores the role of international legal regulation, particularly the UNCITRAL Model Law on Electronic Transferable Records, as a critical factor in achieving global compatibility between digital trade ecosystems.

Ключевые слова: безбумажная торговля, цифровизация международной торговли, упрощение процедур торговли, цепочки поставок, устойчивое развитие.

Keywords: paperless trade, digitalization of international trade, simplification of trade procedures, supply chains, sustainable development

Введение

В условиях глобальной нестабильности и стремления к устойчивому развитию, традиционная «бумажная» логистика становится критическим узлом, замедляющим мировые товарные потоки. Актуальность перехода к безбумажным технологиям обусловлена необходимостью радикального сокращения издержек и углеродного следа.

Цифровизация торговых документов – это не просто техническое обновление, а фундаментальный сдвиг в сторону создания прозрачных и отказоустойчивых цепочек поставок. Как говорится в исследовании Алексеева Д.М.: «Цифровизация в международной торговле представляет собой внедрение цифровых технологий и решений в торговые процессы с целью повышения их эффективности, прозрачности и адаптации к современным требованиям глобализации. Этот процесс включает в себя использование электронных платформ для обработки сделок, автоматизацию документооборота и применение аналитических инструментов для прогнозирования спроса» [1, с.78]. Более того, согласно мнению Томаса Багге, генерального директора DCSA: «… оцифровка документов является критически важным элементом для упрощения и повышения эффективности глобальной торговли…. Безбумажная торговля принесет пользу всем сторонам, участвующим в сделке, с точки зрения снижения затрат, качества обслуживания клиентов, эффективности, роста, инноваций и устойчивости» [3]. Официальная позиция государства также идёт в канве данной событийности. Как отметил директор Департамента многостороннего экономического сотрудничества и специальных проектов Минэкономразвития России Никита Кондратьев (23 июня 2025 года): «… среди приоритетных задач для совместной работы видим выстраивание доверия к электронным документам и содержащимся в них данным. Рамочное соглашение ЭСКАТО – уникальная платформа, с помощью которой страны с разной степенью цифровой зрелости могут согласовать подходы, обеспечить юридическую совместимость и создать условия для устойчивого роста трансграничной торговли» [5].

Цель исследования провести комплексный анализ ключевых факторов, способствующих внедрению цифровых технологий в международную торговлю, а также выявить основные барьеры, препятствующие повсеместному отказу от бумажных носителей.

В работе использованы методы системного анализа, сравнения и обобщения данных международных организаций (ВТО, ЮНКТАД, ЮНСИТРАЛ).

Исследование базируется на изучении практики внедрения электронных коносаментов и анализа темпов имплементации Типового закона ЮНСИТРАЛ в различных юрисдикциях.

Обсуждение и результаты.

В ходе исследования были выделены два полюса процесса цифровизации:

1. Внедрение безбумажных технологий радикально трансформирует экономику трансграничных сделок, обеспечивая беспрецедентное ускорение операционных циклов.

В традиционной логистической парадигме осуществление отправки оригиналов сопроводительных и подтверждающих документов, включающих коносаменты, сертификаты и инвойсы, представляет собой процедурный цикл, характеризующийся длительностью, находящейся в интервале 5–10 дней, что обусловливает образование простоев грузов в портовых логистических узлах и проявление связанных с этим временных и стоимостных издержек, тогда как переход на использование цифровых оригиналов обеспечивает возможность сокращения продолжительности указанного процедурного цикла до величин, измеряемых минутами. В Типовом законе ЮНСИТРАЛ об электронных передаваемых записях говорится, что одним из

основополагающих понятий является контроль, который служит функциональным эквивалентом владения оборотным документом или инструментом: «… требование относительно владения считается выполненным в отношении электронной передаваемой записи, если используется надежный метод, который позволяет: a) установить исключительный контроль над электронной передаваемой записью, осуществляемый тем или иным лицом; и b) идентифицировать это лицо как лицо, осуществляющее контроль» [2].

Критичность оперативности в отношении скоропортящихся товаров представляется как детерминированная зависимость, выражающаяся в том, что временные задержки на этапах таможенного оформления находятся в причинно-следственной связи с ухудшением качественных характеристик продукции и с формированием финансовых убытков, при этом внедрение механизмов мгновенной верификации документов рассматривается как инструмент обеспечения синхронизации информационных и товарных потоков и как фактор, обуславливающий исключение расходов, связанных с организацией хранения.

В результате цифровизации торговых процедур фиксируется снижение административных и транзакционных издержек, при этом экономия, возникающая вследствие отказа от печати, курьерской доставки и ручной обработки документов, оценивается и интерпретируется как составляющая в диапазоне 2–3% от общей стоимости сделки. Так, например, с апреля 2019 года Конвенция FAL обязывает суда и порты обмениваться электронными декларациями, определенными Конвенцией, а с января 2024 года принцип "единого окна" является обязательным во всех портах. Таким образом, все ссылки на бумажные документы или формы были удалены из Конвенции FAL [6].

Кроме того, автоматизация сверки данных значительно снижает операционные риски, связанные с «человеческим фактором» - ошибками в заполнении форм, которые в бумажном обороте требуют длительного перевыпуска документов.

Для банковского сектора безбумажные технологии ускоряют процессы торгового финансирования (выпуск аккредитивов, проверка документов), что высвобождает оборотный капитал компаний и повышает общую ликвидность мировой торговой системы.

Прямой экономический эффект от внедрения безбумажных технологий наиболее наглядно проявляется в полном исключении затрат на физическую логистику документации. В традиционной торговле отправка пакета оригиналов международными курьерскими службами обходится участникам сделки в сотни долларов за каждую транзакцию.

В масштабах крупного экспортера или логистического оператора, совершающего тысячи отгрузок в год, ежегодная экономия только на почтовых расходах и расходных материалах достигает внушительных сумм. Кроме того, цифровизация снимает необходимость содержания обширных физических архивов и штата сотрудников для их обслуживания, переводя хранение данных в облачные инфраструктуры с мгновенным доступом и минимальной стоимостью поддержки.

Ценность автоматизации заключается не только в высвобождении драгоценного времени, но и в ее способности искоренять погрешности. С переходом на унифицированную систему «единого окна», где данные перемещаются без участия человека, отпадает всякая нужда в кропотливом ручном заполнении бланков. Поскольку система самостоятельно контролирует и обновляет сведения, вероятность возникновения опечаток или неточностей сводится к абсолютному минимуму.

Автоматизация документооборота нивелирует риски, связанные с человеческим фактором. Точная сверка данных в цифровом формате исключает ошибки в коносаментах, предотвращая простои и расходы на демередж. Это не только защита от претензий таможни, но и подтверждение надежности бизнеса, работающего по современным стандартам.

Основная проблема традиционного бумажного документооборота в сфере логистики заключается в уязвимости коносамента – ключевого товаросопроводительного документа. Случаи подделки оттисков печатей и генерации дубликатов («зеркальных» копий) ведут к серьёзным экономическим убыткам. Внедрение технологии блокчейн позволяет нивелировать данные риски за счет гарантии неизменности информации и исключения нелегитимной передачи прав владения грузом. Лысенко Ю.В. и соавторы прямо утверждают в своей работе, что: «Блокчейн, по сути, является наиболее важным и результативным методом взаимообмена информацией между несколькими сторонами. Он создает неизменяемый цифровой регистр операций, который ведется по распределенной сети компьютеров» [7, с.241].

Производимая цифровая репрезентация документа на базе блокчейна представляет собой трансформацию материального или электронного носителя в уникальный токен, обладающий свойством невозможности копирования или модификации, что детерминирует сохранение целостности исходного содержимого. Фиксация каждого регистрационного действия, включающего этап выпуска, передачу права собственности и погашение коносамента, осуществляется посредством записи в неизменяемой цепочке блоков, снабженной криптографической защитой, при этом указанная процедура обеспечивает достоверность и неизменность соответствующих данных.

В дополнение к обеспечению защиты от мошеннических практик использование распределенного реестра обеспечивает гарантию прозрачности всей цепочки владения (provenance) в режиме реального времени, при этом функционирование совокупности участников сделки, а именно экспортера, импортера, банка и перевозчика, осуществляется в единой доверенной среде, в которой подлинность документа подтверждается автоматизированными алгоритмами сети и в результате указанного механизма устраняется необходимость применения дорогостоящих процедур верификации посредством посредников.

Блокчейн рассматривается не как простая технология оцифровки документов, а как механизм формирования системы «программируемого доверия», направленный на минимизацию риска выдачи груза на основании поддельных документов.

2. Несмотря на технологическую готовность, правовая фрагментация фиксируется в качестве основного барьера, проявление которой состоит в существовании разрыва между юрисдикциями, принявшими Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронных записях, и государствами, требующими наличия физической подписи и «мокрой» печати для признания документов, что обуславливает формирование правовых «серых зон» в практике трансграничного перемещения грузов, при котором документ, легитимный в порту отправления, может утратить юридическую силу в порту назначения [2].

Фиксируется практика, при которой, например, участниками сделки осуществляется применение гибридных схем и осуществляется дублирование цифровых записей в бумажной форме. На наш взгляд такие процессы влекут за собой снижение реализуемых преимуществ цифровизации. В частности примерно об этом же говориться в работе Ложникова П.С. и Самотуга А.Е.: «… в отдаленных филиалах организации возникает необходимость защищенный документ в электронном формате распечатать и сохранить возможность проверки его целостности и аутентичности» [9, с.405]. В своей работе авторы достаточно подробно освещают данную проблематику. Примерно о том же ведут речь в своём труде Талалаев А.К. и соавторы: «… объективное возрастание в жизни общества роли электронного документооборота и стремительное нарастание объема документов, создаваемых, обрабатываемых и хранимых в электронной форме, диктуют необходимость развития новых подходов и технологических решений, таких как гибридные электронно-микрографические технологии» [10, с.410].

Неоднородность международного права обуславливает появление повышенных юридических рисков при передаче прав на товар, в особенности в контексте судебных споров, при этом, когда передача права собственности производится в цифровом формате, а судебными органами отдельной юрисдикции не осуществляется признание электронной записи как эквивалента бумажного оригинала, фиксируются ситуации «зависания» прав на груз, что детерминирует проявление банковского консерватизма при открытии аккредитивов и выражается в требовании традиционных документов с целью снижения сопутствующих рисков.

В результате технологическое совершенство информационно-технологических систем фиксируется в противоречии с инерцией национальных правовых систем, что выступает в качестве основного сдерживающего фактора для реализации глобального перехода к безбумажной торговле.

Технологический ландшафт современной торговли представляет собой совокупность разрозненных «цифровых островов». Из-за отсутствия единых стандартов межоперабельности платформы крупнейших морских перевозчиков, логистических операторов и международных банков функционируют в закрытых экосистемах. Это приводит к тому, что, к сожалению, данные, созданные в одной системе, не могут быть автоматически считаны и обработаны в другой без существенных доработок или ручной конвертации [8].

В результате участники цепочки поставок вынуждены интегрироваться с множеством различных интерфейсов, что требует значительных инвестиций в ИТ-инфраструктуру и усложняет масштабирование безбумажных процессов.

Проблема несовместимости стандартов данных, таких как форматы JSON, XML или специфические протоколы блокчейн-сетей создает ситуацию, когда информация «застревает» на стыке зон ответственности разных контрагентов.

Например, электронный коносамент, выпущенный одной судоходной линией, может не приниматься банком импортера, если их системы используют разные стандарты безопасности или верификации. Например, как утверждает Шавалеев М.В.: «… прогресс в сокращении сроков доставки грузов и усложнение финансовых сделок, в которых коносамент используется в качестве обеспечения при выдаче кредита, привели к тому, что при морских перевозках груз зачастую перемещается быстрее, чем выпущенный в отношении него коносамент, что приводит к задержке выдачи груза и увеличению расходов на демередж» [11, с.125]. Несогласованность современных технологий вынуждает компании использовать на сегодня бумажный документооборот как единственный понятный всем участникам рынка формат. Пока мировая экономика не выработает единые протоколы передачи информации, сопоставимые по эффективности с принципами работы интернета, идея «бесшовной» международной торговли не выйдет за рамки теоретических дискуссий. Оптимизировать логистические процессы при отсутствии необходимости смены владельца груза позволяет переход на морские накладные (Sea Waybill). Главное отличие от коносамента здесь заключается в именном характере документа, что намного упрощает выдачу товара в порту: получателю достаточно подтвердить личность, не дожидаясь доставки оригинала накладной. Это решение помогает избежать многочисленных задержек транспорта и значительно снизить финансовые затраты на хранение.

Трансформация торговых процессов в цифровую форму обуславливает рост зависимости глобальной экономической системы от устойчивости сетевых инфраструктур. В то время, как аккумуляция прав собственности и конфиденциальной информации в цифровых экосистемах расширяет вектор атак для киберпреступности, интенсификация цифровизации прямо пропорциональна системным рискам: сбой в работе одного узла способен привести к серьёзной дестабилизации всей мировой торговой сети. Ярким примером чего-то аналогичного можно наблюдать в ситуации с конфликтом в Ормузском проливе на сегодня.

Согласно отчету Международной торговой палаты (ICC), посвященному цифровым стандартам, системы управления таможенными данными и электронные коносаменты превратились в критические зоны риска. Специалисты подчеркивают: кибератака на подобные инфраструктурные узлы чревата не только компрометацией конфиденциальной информации, но и параличом деятельности портовых терминалов и логистических цепочек [4].

Поскольку киберугрозы сегодня несут не меньшую опасность, чем физическое вторжение, мы убеждены, что затраты на ИТ-безопасность должны стать такой же неотъемлемой статьей расходов, как и содержание службы охраны.

Действующее законодательство вынуждает компании постоянно вкладываться в защиту информационных систем и систематически проверять их на уязвимости. А поскольку такие меры требуют значительных ресурсов, то они становятся зачастую непосильным бременем для представителей в основном малого и среднего предпринимательства, что в конечном итоге ведёт к углублению цифрового разрыва на глобальном рынке. Если в прошлом утрата физического носителя информации была вполне досадным, но ограниченным по масштабам инцидентом, то в современную цифровую эпоху ситуация кардинально изменилась. Теперь даже незначительный системный сбой способен парализовать деятельность целых корпораций. В этих условиях для бизнеса становится критически важным внедрение эшелонированной системы кибербезопасности и разработка чётких протоколов оперативного восстановления данных.

Заключение.

Проведённое нами исследование вполне подтверждает, что переход на безбумажные стандарты активно поддерживается развитием инновационных инструментов. Технический потенциал блокчейна и облачных вычислений позволяет реализовать этот переход уже сегодня. Тем не менее сами темпы цифровизации существенно сдерживаются несовершенством текущей нормативно-правовой базы, которая требует качественного оперативного обновления.

Для достижения стратегического приоритета по цифровизации необходимо, по нашему мнению, сфокусироваться на двух аспектах: унификации стандартов обмена данными и повсеместном признании цифровых документов. И именно такой подход, как мы полагаем, и позволит не только сократить издержки в глобальной торговле, но значительно расширить экспортный потенциал для компаний, прежде всего именно малого и среднего бизнеса.

Список используемой литературы:

1. Алексеев Д.П. Цифровое будущее международной торговли // Электронный научный журнал «Век качества». – 2025. – №2. – С. 76-101.
2. Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронных передаваемых записях: принят на пятидесятой сессии Комиссии Организации Объединенных Наций по праву международной торговли 13 июля 2017 г. - Вена: Организация Объединенных Наций, 2017 // Режим доступа: https://uncitral.un.org/ru/texts/ecommerce/modellaw/electronic_transferable_records.
3. Стандарты eB/L Ассоциации цифрового контейнерного судоходства (DCSA) // Режим доступа: https://infotrans.by/2020/12/08/assocziacziya-czifrovogo-kontejnernogo-sudohodstva-dcsa-opublikovala-standarty-eb-l/.
4. Digital Standards Initiative: Key Trade Documents and Data Elements // Access mode: https://dsi.iccwbo.org/.
5. Минэкономразвития России представило в Бангкоке прогресс в трансграничном электронном документообороте с партнерами по СНГ // Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_rossii_predstavilo_v_bangkoke_progress_v_transgranichnom_elektronnom_dokumentooborote_s_partnerami_po_sng.html.
6. International Maritime Organization (IMO) FAL Convention: Mandatory electronic data exchange in ports // Access mode: https://www.imo.org/en/ourwork/facilitation/pages/falconvention-default.aspx.

7. Лысенко Ю.В., Лысенко М.В., Гарипов Р.И. Блокчейн в логистике // Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration. – 2019. – Т 8. – №3(28). – С. 240-242.

8. Доклад о мировой торговле за 2024 год // Режим доступа: https://www.wto.org/english/res_e/publications_e/wtr24_e.htm.

9. Ложников П.С., Самотуга А.Е. Технология проверки целостности и аутентичности документов в гибридном документообороте // Известия ТулГУ. Технические науки. – 2013. – Вып.2 – С.402-408.

10. Талалаев А.К., Евсеев Е.Е., Завалишин П.Е., Проскуряков Н.Е. Мировой опыт создания и хранения информационных ресурсов в современных условиях // Известия ТулГУ. Технические науки. – 2013. – Вып.2 – С.408-421.

11. Шавалеев М. В. Внедрение электронного коносамента: международный опыт. Часть I //Lex russica. – 2024. – Т.77. – № 2. – С.123-139.

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПАРАЛЛЕЛЬНОГО ИМПОРТА: ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF PARALLEL IMPORTS: SELECTED ISSUES AND POTENTIAL PROSPECTS OF STATE REGULATION

Мишина Елена Вячеславовна
кандидат юридических наук, доцент
заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин,
Санкт-Петербургский филиал
Российской таможенной академии им. В.Б. Бобкова
Санкт-Петербург, Россия
e-mail: elena4818@gmail.com

Mishina Elena Vyacheslavovna
Candidate of Law, Associate Professor,
Head of the Department of Public Law Disciplines,
St. Petersburg Branch
Russian Customs Academy named after V.B. Bobkov
Saint Petersburg, Russia
e-mail: elena4818@gmail.com

Матвеев Сергей Николаевич
студент юридического факультета,
Санкт-Петербургский филиал
Российской таможенной академии им. В.Б. Бобкова
Санкт-Петербург, Россия
e-mail: matveev2004@mail.ru

Matveev Sergey Nikolaevich
Law student,
Department of State and Legal Disciplines,
St. Petersburg Branch of the V.B. Bobkov
Russian Customs Academy
Saint Petersburg, Russia
e-mail: matveev2004@mail.ru

Аннотация.

В статье рассмотрены отдельные аспекты административно-правового регулирования параллельного импорта, введенного в качестве оперативной меры для обеспечения национальной экономической безопасности на фоне беспрецедентного санкционного давления в отношении российского государства. Авторский коллектив подчеркивает, что данный шаг принципиально изменил подход к обеспечению национальной экономической безопасности и насыщению внутреннего рынка необходимыми товарами, выступив мощным стабилизатором экономики и потребовав от государства оперативного выстраивания новой системы контроля, целью которого является соблюдение баланса национальных интересов и интересов функционирования рынка. Кроме того, были предложены альтернативные пути совершенствования текущей ситуации, потенциально позволяющие решить или нивелировать выявленные отдельные проблемные аспекты в сфере параллельного импорта путем внесения изменений в существующий механизм его административно-правового регулирования.

Abstract.

The article examines certain aspects of the administrative and legal regulation of parallel imports, which was introduced as an urgent measure to ensure national economic security in the face of unprecedented sanctions pressure on the Russian state. The author team emphasizes that this step has fundamentally changed the approach to ensuring national economic security and saturating the domestic market with necessary goods, acting as a powerful stabilizer of the economy and requiring the state to quickly establish a new system of control aimed at maintaining a balance between national interests and market functioning. In addition, alternative ways of improving the current situation have been proposed, which could potentially solve or mitigate certain identified problems in the field of parallel imports by making changes to the existing mechanism of its administrative and legal regulation.

Ключевые слова: параллельный импорт, легализация, интеллектуальная собственность, принцип исчерпания исключительных прав, административно-правовое регулирование, защита национальных интересов, национальная экономическая безопасность, санкционное давление

Keywords: parallel imports, legalization, intellectual property, the principle of exhaustion of exclusive rights, administrative and legal regulation, protection of national interests, national economic security, and sanctions pressure

Текущая геополитическая ситуация в мире, активизация международных противоречий привнесли вектор чрезвычайных изменений в устоявшийся механизм глобальных экономических алгоритмов и логистических цепочек. В условиях беспрецедентного санкционного давления российское государство было вынуждено искать действенные инструменты для защиты национальных интересов и альтернативные механизмы внешнеэкономической деятельности (далее – ВЭД). Легализация параллельного импорта стала одним из подобных инструментов. Принятое стратегически важное решение в сфере интеллектуальной собственности кардинально трансформировало понимание процесса обеспечения национальной экономической безопасности и наполнения внутреннего товарного рынка с точки зрения соблюдения оптимального баланса национальных интересов в сложившейся ситуации. Переход от национального к международному принципу исчерпания исключительных прав, обусловленный необходимостью реализации механизма параллельного импорта явился важным стабилизирующим фактором, вместе с тем выявившим определенные проблемы и моменты дискуссионного характера, анализ которых позволит предложить возможные пути потенциальной оптимизации законодательных положений в обозначенном направлении.

Итак, сложившийся механизм правового регулирования параллельного импорта нацелен на предотвращение дефицита товаров на российском рынке. Данные, озвученные на «Неделе российского бизнеса», которые свидетельствуют о том, что «объём параллельного импорта за 2025 г. составил более 23,1 млрд долларов США» [1], тогда, как «общий импорт товаров составил 279 млрд долларов США» [2], фиксируют долю параллельного импорта в 2025 г. на уровне 8 % и подтверждают востребованность анализируемого механизма.

Помимо основной задачи по наполнению внутреннего товарного рынка, востребованность параллельного импорта связывается экспертами со стимулированием сегмента малого/среднего предпринимательства, то есть стимулированием российских производителей качественных аналогов товаров; прозрачностью рынка, связанной с легальным ввозом товаров и последующей уплатой обязательных пошлин и налоговых сборов и т.д. Тем не менее, гармоничная практическая реализация потенциала указанного механизма не всегда свободна от моментов дискуссионного характера и противоречий, возникающих в реалиях правоприменительной практики.

В частности, обращает на себя пристальное внимание отсутствие базового системного подхода в рамках формирования нормативно-правовой базы, связанной с легализацией параллельного импорта. Данное обстоятельство логически объясняется принятием экстренных мер в ответ на спланированный в рамках санкционного давления недружественных стран масштабный уход иностранных производителей с российского рынка, когда в кратчайшие сроки был принят Федеральный закон от 08.03.2022 № 46-ФЗ [3], а также Приказ Министерства промышленности и торговли РФ от 19.04.2022 № 1532 [4], закрепивший первоначальную версию перечня (далее – Перечня) товаров, в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации [5] (далее – ГК РФ) о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности.

Как следует из норм Федерального закона № 46-ФЗ, предполагалось, что полномочия Правительства РФ по формированию Перечня не являются бессрочными, они ежегодно продлевались на последующий год. В совокупности указанные обстоятельства позволяют оценить принятые на тот период государственные меры регулирования сложившейся ситуации рациональными и логичными. Но, со временем насущная потребность в систематизации и единообразии стала всё более очевидной, в связи с тем, что первоначально принятые меры

оказались не временными, список товаров из Перечня постоянно расширялся, а сокращение объема параллельного импорта на текущий момент не произошло.

Внесенные поправки в Постановление Правительства [6], вступление в силу нового приказа Министерства промышленности и торговли РФ [7], откорректировавшего список неприменяемых статей ГК РФ в отношении товаров, ввозимых посредством параллельного импорта, стали попыткой оптимизации и приведения текущего законодательства к единообразию. В первоначальных редакциях этих документов упоминались подп. 6 ст. 1359 и ст. 1487, в связи, с чем подчеркивалось, что «указание на эти нормы могло повлечь правоприменительную практику, которая противоречила бы изначальному замыслу законодателя» [8, с. 21]. Контекст приведенных норм связан с описанием действий, не являющихся нарушениями исключительных прав и особенностей национального принципа исчерпания исключительных прав на товарный знак. Сложившаяся правовая коллизия была устранена в последующих редакциях данных актов [7]. Отсутствие системного подхода законодателя было сопряжено, в том числе, и со сложившейся ситуацией противоречия норм ГК РФ формально продолжающих защищать национальный принцип исчерпания прав и ведомственных актов, приостанавливающих для определенных товаров их действие. Переход к прямому закреплению международного принципа исчерпания прав в ГК РФ (в том числе с сохранением сформированного Перечня товаров), можно было бы осуществить путем конкретизации положений ст. 1487 ГК РФ: «Не является нарушением исключительного права на товарный знак использование этого товарного знака другими лицами в отношении определенных товаров или категорий товаров, утверждаемых федеральным органом исполнительной власти, которые были введены в гражданский оборот за пределами территории Российской Федерации непосредственно правообладателем или с его согласия». Обозначенный алгоритм в предложенных обстоятельствах представляется оправданным, позволяющим зафиксировать возможность выборочного международного исчерпания прав на уровне федерального законодательства и способствующим реализации системного подхода законодателя в контексте обеспечения единства правового регулирования.

Отдельным дискуссионным аспектом административно-правового регулирования параллельного импорта представляется структура и непосредственно способ формирования Перечня, связанный с кодом товара в соответствии с товарной номенклатурой ВЭД (далее – ТН ВЭД) или средством индивидуализации. Указанные характеристики, на наш взгляд, учитывая акцент на словесные обозначения товарных знаков, не представляется возможным идентифицировать в качестве исчерпывающих. Так, в качестве показательного примера судебной практики в обозначенном направлении можно обратить внимание на Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда [9] и отметить, что в долгосрочной перспективе определенные проблемы гибкости правового регулирования могут быть связаны с отсутствием дополнительных уточнений средств индивидуализации. Так, Шахназаров Б.А. [10, с. 75] подчеркивает: «… с учетом того, что нормы связаны с правами на товарные знаки, целесообразно формулировать перечни с привязкой к конкретным товарным знака, классам товаров и видам товарных знаков».

Более того, анализируя специфику формирования соответствующих реестров, обращает на себя внимание в ряде случаев не соответствие учитываемых характеристик в реестре Министерства промышленности и торговли и реестре Роспатента, что негативным образом влияет на достижение единообразия законодательных подходов (в министерском реестре кроме товарных знаков указывается код ТН ВЭД ЕАЭС, в реестре Роспатента - международная классификация товаров и услуг (МКТУ)). В рамках достижения более гибкого правового регулирования параллельного импорта и обеспечения унификации в классификации товаров, предлагается для более детального их отграничения использовать информацию правообладателя товарного знака. 21.04.2026 Минпромторг РФ анонсировало разработку обновленного перечня товаров для параллельного

импорта [11], частично отразившего выводы и предложения, сформулированные ранее. Руководство Министерства отчиталось, что проделана работа по корректировке в части конкретизации характеристик товарных знаков.

Стоит признать, что неопределенность критериев формирования Перечня является основанием для экономической и правовой неопределенности, не существует на текущий момент единого, систематизированного акта, содержащего четкие характеристики, гарантирующие включение/исключение товарного знака в Перечень. А значит именно конкретизация подобных индикаторов на законодательном уровне, позволит избежать возникновения противоречий и проблем в правоприменительной сфере.

В таможенной сфере в соответствии со ст. 334 Федерального закона «О таможенном регулировании…» [12], федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзору в области таможенного дела, ведет Таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности (далее – ТРОИС), сформированный с целью защиты правообладателей товарных знаков от незаконного ввоза контрафакта на территорию РФ и фактически представляющим собой один из элементов правозащитного механизма. С легализацией параллельного импорта эффективность ТРОИС заметно снизилась. Ранее таможенные органы правообладателей информировали о приостановке выпуска товаров для уточнения их позиции и возможного инициирования гражданско-правовых споров в случае наличия подозрений в отношении ввозимых товаров. В сложившейся ситуации уведомления приходят значительно реже или не поступают вовсе, что ставит под сомнение целесообразность и результативность работы Реестра в текущих правовых реалиях [13]. Если ввозимый товар не числится в перечне Минпромторга РФ, то применяется стандартный подход, когда приостанавливается выпуск товаров и взаимодействие с правообладателем, после которого принимается решение о выпуске товаров. Если товар указан в Перечне, то таможенные органы России осуществляют контроль только на предмет контрафактности, после чего принимают решение о выпуске товаров. При ввозе товаров уполномоченным импортером, вне зависимости от наличия товара в Перечне, товар выпускается таможенными органами. Такое отграничение процедур для различных категорий товаров обуславливает указанную проблему в текущих правовых реалиях в контексте недостаточно эффективной работы Реестра, а также является основанием для целого ряда противоречий и недочетов механизма административно-правового регулирования. Контроль за импортерами, ввозящими товары при помощи механизма параллельного импорта, ослабевает, создавая правовой вакуум и предоставляя недобросовестным участникам ВЭД возможность регистрировать декларации о соответствии на основе недостоверных или заведомо сфальсифицированных сведений о связях импортера с иностранным производителем. Отсутствие прямого канала связи с правообладателями серьезно затрудняет, а в ряде случаев делает невозможным оперативное подтверждение легальности происхождения товаров, что повышает риски проникновения на рынок некачественной или контрафактной продукции, угрожающей безопасности потребителей. Решением видится смещение фокуса деятельности государственных органов в направлении модернизации методик таможенных экспертиз в части анализа товаров в зонах таможенного контроля (в том числе с использованием искусственного интеллекта), а также внедрение правовых механизмов в договоры между импортерами и их зарубежными поставщиками с закреплением обязанности поставщика предоставлять непрерывную цепочку документов, детализирующую путь товара от производителя до конечного экспортера. Внедрение указанных алгоритмов будет способствовать усилению экономических преимуществ механизма параллельного импорта, минимизировав его критические риски.

Выявленные отдельные аспекты механизма административно-правового регулирования параллельного импорта оказывают существенное влияние на функционирование всего рынка и на его отдельные сегменты. Так,

некоторые исследователи указывают на отсутствие учета специфики товаров для различных регионов [14, с. 267]. Товары, произведенные одним производителем для различных потребительских рынков, могут иметь существенные отличия, затрудняющие дальнейшее их использование. Ярким примером подобной специфики является сегмент электронных товаров/устройств (в частности, смартфонов, беспроводных наушников, смарт-часов и т.д.), которые выпускаются с учетом законодательства различных государств. Данное обстоятельство зачастую влечет существенные отличия, когда одна модель товара может иметь вариации под конкретные запросы потребительского рынка и не учитывается параллельным импортом. Аналогичная ситуация складывается в области послепродажного обслуживания (особенно в отношении автомобилей и высокотехнологичных товаров, ввезенных в РФ по параллельному импорту) и зачастую влечет увеличение стоимости и потенциальное снижение качества оказываемых сервисных работ.

Вышеобозначенные отдельные аспекты административно-правового регулирования параллельного импорта предопределили возможность формулировки потенциальных предложений по преодолению выявленных моментов проблемного и дискуссионного характера, а также оценить перспективы дальнейшего применения используемого механизма. Политика российского государства по преодолению санкционного давления со стороны недружественных стран, связанная с легализацией параллельного импорта, на текущий момент представляет собой переход от экстренной меры к более адресному и сбалансированному регулированию конкретных групп товаров Перечня, в перспективе возможных для замены конкурентноспособными аналогами российского производства или производства дружественных стран. Данный подход предполагает плавную трансформацию к модели узкоспециализированного сегмента в случае, когда создание аналогов параллельно импортируемых товаров невозможно или нецелесообразно.

Анализируя вероятность и потенциальные риски снижения стандартов качества и роста доли импорта контрафактной продукции под видом оригинальной, стоит предположить усиление надзорной функции со стороны государства в обозначенном направлении. Представляется, в том числе, что активное внедрение специальной маркировки, альтернативных механизмов гарантийного обслуживания, законодательное закрепление административных стандартов для независимых технических центров, уполномоченных проводить экспертизу и ремонт товаров, ввезенных без согласия правообладателя, будет способствовать усилению эффективности уже существующего механизма.

Вместе с тем, логично отметить необходимость дальнейшей оптимизации нормативно-правовой базы, регламентирующей отдельные аспекты параллельного импорта и последующее внедрение гибкого и одновременно жестко контролируемого государством режима его использования. Так, учитывая ежегодную пролонгацию функционирования указанного режима для отдельных групп товаров, можно предположить переход от срочных мер к их фиксации в контексте устоявшихся норм гражданского и таможенного законодательства. Целесообразным станет и дальнейшая конкретизация законодателем уточняющих характеристик/критериев для включения товаров в Перечень. Внедрение автоматизированного мониторинга дефицита также положительным образом может сказаться на эффективности процесса импортозамещения.

Проведенное исследование, позволило сформулировать вывод о том, что своевременная легализация параллельного импорта оказала существенное положительное влияние на функционирование отечественной экономики и поддержание стабильности рынка, однако, в условиях политико-экономических реалий нуждается в значительной и своевременной оптимизации. Исследуемый механизм представляет собой сложный межотраслевой институт, характеризующийся специфическим комплексом предпосылок для правового регулирования точечного и динамичного характера. Ключевым элементом анализируемой конструкции является нормативно закрепленный механизм ведения Перечней. В связи, с чем был сделан вывод об

относительной гибкости административно-правового регулирование параллельного импорта. Были предложены альтернативные пути совершенствования текущей ситуации, потенциально позволяющие решить или нивелировать выявленные отдельные проблемные аспекты в сфере параллельного импорта путем внесения изменений в существующий механизм его административно-правового регулирования.

Систематизированное и углубленное понимание специфики процесса административно-правового регулирования параллельного импорта продемонстрировало важность и необходимость его функционирования, подчеркнув, что принятое решение выполнило свою задачу по стабилизации российской экономики в чрезвычайных обстоятельств международно-правовых угроз и беспрецедентного санкционного давления. Вместе с тем, было подчеркнуто, что данная сфера требует дальнейшего совершенствования, с последующим переходом от модели экстренного инструмента к сбалансированной стратегической модели.

Список используемой литературы:

1. Объем параллельного импорта в РФ в 2025 году составил более $23,1 млрд [Электронный ресурс] // Официальный сайт Информационного агентства ТАСС. - URL: https://tass.ru/ekonomika/26512347 (дата обращения: 04.05.2026).

2. Положительное сальдо внешней торговли России за 2025 год снизилось на 8,17% [Электронный ресурс] // Официальный сайт Информационного агентства ТАСС. - URL: https://tass.ru/ekonomika/26398331 (дата обращения: 04.05.2026).

3. Федеральный закон от 08.03.2022 № 46-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 14.03.2022. - № 11. - Ст. 1596.

4. Приказ Министерства промышленности и торговли РФ от 19.04.2022 № 1532 «Об утверждении перечня товаров (групп товаров), в отношении которых не применяются положения подпункта 6 статьи 1359 и статьи 1487 Гражданского кодекса Российской Федерации при условии введения указанных товаров (групп товаров) в оборот за пределами территории Российской Федерации правообладателями (патентообладателями), а также с их согласия» (документ не действует) [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система Гарант. - URL: http://www.garant.ru (дата обращения: 13.05.2026).

5. Гражданский кодекс Российской Федерации, часть четвертая от 18.12.2006 № 230-ФЗ [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. - URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 10.06.2026).

6. Постановление Правительства РФ от 29.03.2022 № 506 «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 04.04.2022. - № 14. - Ст. 2286.

7. Приказ Министерства промышленности и торговли РФ от 21.07.2023 № 2701 «Об утверждении перечня товаров (групп товаров), в отношении которых не применяются положения статей 1252, 1254, пункта 5 статьи 1286.1, статей 1301, 1311, 1406.1, подпункта 1 статьи 1446, статей 1472, 1515 и 1537 Гражданского кодекса Российской Федерации при условии введения указанных товаров (групп товаров) в оборот за пределами территории Российской Федерации правообладателями (патентообладателями), а также с их согласия» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. - URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 20.05.2026).

8. Шахназаров Б.А. Параллельный импорт и исчерпание исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности. Сотрудничество в сфере развития национальной промышленности и импортозамещение: монография. - М.: Проспект, 2023. - 266 с.

9. Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 6 марта 2026 г. № 19АП-5642/25 по делу № А36-2223/2025 [Электронный ресурс] // URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 15.05.2026).

10. Шахназаров Б.А. Отдельные вопросы реализации правового режима параллельного импорта и смежные проблемы правовой охраны интеллектуальной собственности в России в условиях санкций // LexRussica. - 2023. - № 10 (203). - С. 71-81.

11. Минпромторг обновит перечень для параллельного импорта с привязкой к Роспатенту [Электронный ресурс] // Сетевое издание «Интерфакс.ру». - URL: https://www.interfax.ru/russia/1085168 (дата обращения: 15.05.2026).

12. Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. - URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 15.05.2026).

13. Елисанова И. Параллельный импорт: текущие результаты и развитие законодательства [Электронный ресурс] // URL: https://www.alta.ru/expert_opinion/100367/ (дата обращения: 05.05.2026).

14. Панова Е.А. Параллельный импорт: теория, практика и специфика в условиях санкционных ограничений // Вестник Московского университета. - Серия 6. Экономика. - 2023. - № 5. - С. 262-279.

Разработка рекламной кампании организации и оценка ее эффективности

Development of an organization's advertising campaign and evaluation of its effectiveness

Серопян Рафик Робертович
студент 4 курса,
«Менеджмент»
Профиль «Маркетинг и логистика в бизнесе»
Форма обучения: очно-заочная
ГАОУ ВО ЛО «ЛГУ им. А.С. Пушкина»,
Россия, г. Санкт-Петербург,
rafael.seropyan@yandex.ru

Seropyan Rafik Robertovich
4th-year student,
Management,
Profile: Marketing and Logistics in Business,
Part-time (evening) form of study,
Pushkin Leningrad State University,
Russia, Saint Petersburg.
rafael.seropyan@yandex.ru

Ефимова Светлана Владимировна
Руководитель практики
канд. экон. наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления
ГАОУ ВО ЛО «ЛГУ им. А.С. Пушкина»,
Россия, г. Санкт-Петербург.
efimovasvetlanavladimirovna@mail.ru

Efimova Svetlana Vladimirovna
Practice Supervisor,
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration,
Pushkin Leningrad State University,
Russia, Saint Petersburg.
efimovasvetlanavladimirovna@mail.ru

Аннотация.

В статье рассматриваются теоретические и прикладные аспекты разработки и реализации рекламной кампании в условиях современной цифровой экономики. Актуальность темы обусловлена высокой степенью неопределенности при выборе медиаканалов и распределении рекламного бюджета, а также необходимостью внедрения измеримых показателей эффективности на всех этапах планирования. На основе анализа научной литературы и лучших практик автор систематизирует этапы стратегического планирования рекламной кампании: от ситуационного анализа и сегментации целевой аудитории до выбора инструментов и формирования системы ключевых показателей. Эмпирическая часть работы выполнена на примере ООО «СР-Групп» – компании, работающей в сфере теплоснабжения и промышленной безопасности. Проведенный SWOT-анализ позволил выявить основные маркетинговые разрывы: низкую узнаваемость бренда, отсутствие единой коммуникационной стратегии и недостаточную адаптацию цифровых каналов. В ответ на эти вызовы предложена комплексная рекламная кампания, включающая контекстную рекламу, таргетированные публикации в социальных сетях, SEO-оптимизацию и контент-маркетинг. Особое внимание уделяется двухуровневой системе оценки результатов – коммуникативной (охват, узнаваемость, вовлеченность) и экономической (ROAS, CAC, количество лидов). Разработанный медиаплан рассчитан на три месяца с возможностью промежуточной корректировки. Практическая значимость работы состоит в том, что предложенный подход может быть адаптирован для малых и средних предприятий различных отраслей, стремящихся к системному повышению эффективности маркетинговых инвестиций.

Annotation.

The article examines theoretical and applied aspects of the development and implementation of an advertising campaign in the modern digital economy. The relevance of the topic is determined by the high degree of uncertainty in

the selection of media channels and the distribution of the advertising budget, as well as the need to introduce measurable performance indicators at all stages of planning. Based on the analysis of scientific literature and best practices, the author systematizes the stages of strategic planning of an advertising campaign: from situational analysis and target audience segmentation to the selection of tools and the formation of a system of key performance indicators. The empirical part of the work is carried out on the example of LLC "SR-Group" – a company operating in the field of heat supply and industrial safety. The conducted SWOT analysis made it possible to identify the main marketing gaps: low brand awareness, lack of a unified communication strategy, and insufficient adaptation of digital channels. In response to these challenges, a comprehensive advertising campaign is proposed, including contextual advertising, targeted publications in social networks, SEO optimization, and content marketing. Special attention is paid to a two-level system for evaluating results – communicative (reach, awareness, engagement) and economic (ROAS, CAC, number of leads). The developed media plan is designed for three months with the possibility of intermediate adjustment. The practical significance of the work lies in the fact that the proposed approach can be adapted for small and medium-sized enterprises in various industries seeking to systematically improve the efficiency of marketing investments.

Ключевые слова: рекламная кампания, маркетинговые коммуникации, медиаплан, целевая аудитория, эффективность рекламы, брендинг, SWOT-анализ, ключевые показатели эффективности, контекстная реклама, таргетинг.

Keywords: advertising campaign, marketing communications, media plan, target audience, advertising effectiveness, branding, SWOT analysis, key performance indicators, contextual advertising, targeting.

В условиях стремительной цифровой трансформации экономики рекламная деятельность приобретает стратегическое значение для устойчивого развития любой организации. Современный рынок характеризуется высокой интенсивностью информационного потока, фрагментацией медиаканалов и изменением потребительских паттернов, что предъявляет новые требования к планированию и реализации рекламных кампаний. Эффективно выстроенная рекламная коммуникация способна не только привлечь внимание к продукту или услуге, но и сформировать устойчивые ассоциативные связи с брендом, повысить лояльность клиентов и обеспечить долгосрочный рост продаж. Однако, несмотря на обилие доступных инструментов – от классической наружной рекламы до сложных алгоритмов программного таргетинга, – значительная часть рекламных бюджетов расходуется нерационально. По оценкам экспертов международных консалтинговых агентств, до 45–55 % рекламных затрат не приносят ожидаемого результата именно из-за отсутствия системного подхода на этапе предварительного планирования и последующей оценки эффективности [1; 3].

Настоящее исследование выполнено на примере ООО «СР-Групп» – компании, специализирующейся на предоставлении услуг в сфере теплоснабжения и промышленной безопасности. Данная отрасль характеризуется высоким уровнем конкуренции, длительным циклом принятия решений со стороны клиентов (особенно в B2B-сегменте) и высокой степенью доверия как ключевым фактором выбора поставщика. В ходе предварительного диагностического этапа была выявлена основная проблема: компания обладает конкурентоспособным продуктом и квалифицированным персоналом, однако уровень узнаваемости бренда среди потенциальных заказчиков остается низким. Существующие маркетинговые активности носят фрагментарный и ситуативный характер – отсутствует единая коммуникационная стратегия, не определены четкие цели, а оценка результативности проводимых мероприятий не осуществляется. Данное обстоятельство обусловило актуальность темы исследования и определило его основную цель – разработать комплексную рекламную кампанию, интегрирующую цифровые и традиционные инструменты, а также предложить систему показателей, позволяющую объективно оценить ее эффективность на всех этапах реализации.

Разработка любой результативной рекламной кампании должна начинаться с этапа стратегического анализа, который позволяет выявить внутренние ресурсы компании и внешние факторы, влияющие на ее рыночную позицию. В рамках данного исследования автором был проведен SWOT-анализ маркетинговой деятельности ООО «СР-Групп», результаты которого систематизированы в Таблице 1. Данный аналитический инструмент позволил структурировать сильные стороны (качественный продукт, опытный персонал,

положительные отзывы клиентов, конкурентные цены) и слабые стороны (низкая узнаваемость, отсутствие маркетинговой стратегии, неудобный корпоративный сайт, малое число подписчиков в социальных сетях), а также сопоставить их с внешними возможностями и угрозами. На основе проведенного анализа были сформулированы ключевые маркетинговые цели предстоящей кампании: повышение узнаваемости бренда в целевом сегменте (не менее чем на 15 % по итогам первого этапа), увеличение количества входящих заявок (лидов) до 500 единиц за три месяца и формирование лояльности среди существующих клиентов через регулярную коммуникацию и качественный контент.

Таблица 1 – SWOT-анализ маркетинговой деятельности ООО «СР-Групп»

Сильные стороны	Слабые стороны
1. Качественный продукт/услуга. 2. Квалифицированный персонал. 3. Положительные отзывы существующих клиентов. 4. Конкурентные цены.	1. Низкая узнаваемость бренда. 2. Отсутствие структурированной маркетинговой стратегии. 3. Устаревший / неудобный сайт. 4. Отсутствие накопленной аудитории в соцсетях.
Возможности	Угрозы
1. Рост рынка. 2. Активное использование цифровых каналов коммуникации. 3. Возможность вывода новых услуг/продуктов. 4. Ослабление позиций некоторых конкурентов.	1. Высокая конкуренция. 2. Снижение покупательской способности. 3. Рост стоимости рекламы в онлайн-каналах. 4. Изменение алгоритмов поисковых систем и соцсетей.

Примечание: составлено автором на основе внутренних данных компании.

Следующим ключевым шагом в процессе разработки рекламной кампании является детальное определение целевой аудитории (ЦА). Для ООО «СР-Групп» целевая аудитория была сегментирована по трем основным признакам: географическому (Москва и Московская область, а также крупные промышленные центры Центрального федерального округа), социально-демографическому (возраст, уровень дохода, должностной статус) и поведенческому (мотивы выбора поставщика, источники информации, характер принятия решений). В результате сегментации были выделены два приоритетных сегмента, требующих дифференцированного коммуникационного подхода.

Сегмент А (B2B): юридические лица, а именно руководители предприятий, главные инженеры и специалисты по закупкам в возрасте от 30 до 55 лет, заинтересованные в надежных поставщиках с доказанной экспертизой и готовых к долгосрочным партнерским отношениям. Для этого сегмента критически важны такие факторы, как репутация компании, наличие сертификатов, реализованные кейсы и отзывы коллег по отрасли. Медиа-предпочтения данного сегмента сосредоточены вокруг профессиональных тематических порталов, отраслевых электронных журналов, контекстной рекламы в поисковых системах (по коммерческим запросам) и деловых социальных сетей (профессиональные сообщества в LinkedIn и аналогичных платформах).

Сегмент Б (B2C): частные лица в возрасте от 25 до 45 лет со средним и выше среднего уровнем дохода, проживающие в городских агломерациях и ценящие качество, комфорт обслуживания и индивидуальный подход. В отличие от корпоративного сегмента, данная аудитория в большей степени ориентирована на визуальный контент, отзывы других потребителей и рекомендации («сарафанное радио»). Для ее привлечения

наиболее эффективными каналами признаны социальные сети (VK, Telegram, Instagram* – запрещенная в РФ экстремистская организация), а также таргетированная реклама и сообщества по интересам [2].

Анализ медиа-предпочтений, проведенный с использованием данных сервисов веб-аналитики и опросов репрезентативной выборки, показал, что для первого сегмента приоритетными каналами являются профессиональные тематические сайты, контекстная реклама в поиске и LinkedIn, а для второго – социальные сети (VK, Telegram), а также рекомендации и вирусный контент. Эти различия были учтены при разработке медиаплана и распределении бюджета.

На основе проведенного анализа была разработана концепция рекламной кампании ООО «СР-Групп». Ключевая креативная идея строится на демонстрации экспертизы и надежности компании через трансляцию реальных кейсов, цифр и фактов. Визуальная и текстовая коммуникация выдержана в едином корпоративном стиле, подчеркивающем технологичность и профессионализм. Основные элементы кампании включают:

Контекстная реклама в Яндекс.Директ и Google Ads – размещение объявлений на коммерческие и информационные запросы, связанные с теплоснабжением и промышленной безопасностью. Цель – быстрый привлечение целевого трафика на сайт с высоким намерением совершить действие. Бюджет данного направления составляет 40 % от общего бюджета кампании.

Таргетированная реклама в социальных сетях (VK, Telegram) – показы рекламных сообщений сегменту «теплой» аудитории, которая уже проявила интерес к тематике или взаимодействовала с контентом компании. Цель – формирование узнаваемости и углубление вовлеченности. Бюджет – 25 % от общего.

SEO-оптимизация сайта – комплекс мероприятий по улучшению видимости корпоративного сайта в результатах поисковой выдачи по целевым запросам. Включает технический аудит, оптимизацию мета-тегов, работу с внутренней перелинковкой и контент-стратегию. Цель – долгосрочное привлечение органического трафика без дополнительных затрат на клик. Бюджет – 15 % от общего.

Создание контента (статьи в корпоративный блог, видео-кейсы, интервью с экспертами, отзывы клиентов) – фундаментальный элемент стратегии, обеспечивающий смысловое наполнение всех каналов. Цель – построение доверия, демонстрация экспертизы и формирование базы для долгосрочных коммуникаций. Бюджет – 20 % от общего.

Медиаплан кампании рассчитан на три месяца с разбивкой по неделям. Этапность реализации позволяет на промежуточных этапах (каждые 30 дней) оценивать эффективность каждого канала в отдельности и при необходимости перераспределять бюджет в пользу наиболее результативных инструментов. Такой итеративный подход минимизирует финансовые риски и повышает общую адаптивность кампании к изменениям рыночной конъюнктуры.

Критически важным элементом разработанной стратегии является система оценки эффективности. В научной литературе и практике маркетинга традиционно выделяются два уровня оценки – коммуникативный (промежуточный) и экономический (итоговый). Автором предложен интегрированный подход, объединяющий оба уровня в единую систему ключевых показателей (см. Таблицу 2). Коммуникативная эффективность отслеживается по показателям охвата (суммарное количество уникальных пользователей, увидевших рекламу), частоты контакта (среднее число контактов с одним пользователем), изменения уровня узнаваемости бренда (измеряется методом опроса до и после кампании) и вовлеченности (ER) в социальных сетях. Экономическая эффективность оценивается через соотношение затрат на рекламу к полученной выручке (ROAS), стоимость привлечения одного клиента (CAC), общее количество сгенерированных лидов и коэффициент конверсии из лида в продажу.

Таблица 2 – Ключевые показатели

эффективности (КПЭ) рекламной кампании

Показатель	Метод расчета	Целевое значение
Коммуникативные КПЭ		
Охват аудитории	Суммарное количество уникальных пользователей, увидевших рекламу	500 000 чел.
Узнаваемость бренда (Brand Lift)	Опрос среди целевой аудитории (до/после)	+15%
Вовлеченность (ER)	(Кол-во взаимодействий / Охват) * 100%	> 3,5%
Экономические КПЭ		
Кол-во лидов	Количество заявок / звонков с рекламы	500
ROAS (Return on Ad Spend)	(Доход от рекламы / Затраты на рекламу) * 100%	> 200%
CAC (Customer Acquisition Cost)	Затраты на рекламу / Количество новых клиентов	-

Примечание: составлено автором.

Важно подчеркнуть, что предложенная система КПЭ не является статичной. В ходе реализации кампании предусмотрена регулярная (еженедельная) сверка фактических показателей с плановыми, анализ отклонений и оперативная корректировка тактики. Например, в случае низкой вовлеченности в социальных сетях возможна смена креативов или форматов контента, а при недостаточном количестве лидов – пересмотр семантики для контекстной рекламы. Такой подход обеспечивает управляемость кампании и повышает вероятность достижения целевых значений.

Таким образом, разработанный комплекс мероприятий позволяет системно подойти к решению маркетинговых задач ООО «СР-Групп». Предложенная методика оценки эффективности обеспечивает прозрачность результатов и дает возможность своевременно корректировать ход кампании на основе объективных данных, что значительно снижает риски нецелевого расходования бюджета. Практическая значимость исследования заключается не только в конкретных рекомендациях для компании-объекта, но и в возможности адаптации предложенного алгоритма – от анализа до оценки – для других предприятий малого и среднего бизнеса, находящихся на этапе выстраивания или реорганизации своей коммуникационной стратегии. В условиях ограниченных ресурсов и высокой конкуренции системный подход к планированию и оценке рекламной деятельности становится не просто конкурентным преимуществом, но и необходимым условием выживания и роста. Дальнейшие направления исследований могут быть связаны с углублением методики оценки долгосрочного влияния рекламных кампаний на капитал бренда, а также с разработкой

специализированных цифровых инструментов для автоматизации сбора и анализа КПЭ в режиме реального времени.

Список используемой литературы:

1. Котлер Ф., Келлер К.Л. Маркетинг менеджмент. – 15-е изд. – СПб.: Питер, 2020. – 800 с.
2. Аакер Д.А. Создание сильных брендов. – М.: Издательский дом Гребенникова, 2019. – 440 с.
3. Ольшанский Д.В., Семенов А.В. Оценка эффективности рекламных кампаний в цифровой среде // Маркетинг и маркетинговые исследования. – 2022. – № 4 (112). – С. 34–42.
4. Данченко Е.А. Методика интегрированной оценки эффективности маркетинговых коммуникаций // Вопросы экономики и управления. – 2023. – № 1 (37). – С. 15–21.
5. Капферер Ж.-Н. Бренд навсегда: создание, развитие, поддержка ценности бренда. – М.: Эксмо, 2021. – 448 с.
6. Рожков И.Я., Кисмерешкин В.Г. Реклама. Планирование. Технологии. Оценка. – М.: МедиаМир, 2020. – 360 с.
7. Шарков Ф.И. Интегрированные коммуникации: правовое регулирование, стратегии, практика. – М.: Дашков и К°, 2022. – 504 с.
8. Brynjolfsson E., McAfee A. The Second Machine Age: Work, Progress, and Prosperity in a Time of Brilliant Technologies. – New York: W.W. Norton & Company, 2019. – 320 p.
9. Chaffey D., Ellis-Chadwick F. Digital Marketing: Strategy, Implementation and Practice. – 7th ed. – Harlow: Pearson, 2021. – 536 p.
10. Hall S. The Marketing Book. – 8th ed. – London: Routledge, 2020. – 600 p.

Использование интеллектуального потенциала несовершеннолетних, находящихся в воспитательных колониях

Using the intellectual potential of minors in correctional institutions

Тарарыкова Мария Станиславна
студентка 3 курса Юридического института РУТ (МИИТ)
Email: migdalva@internet.ru

Maria Stanislavna Tararykova
Third-year student, Law Institute, Russian University of Transport (MIIT)
Email: migdalva@internet.ru

Научный руководитель —
Дроздова Елена Анатольевна
доцент кафедры «Уголовное право, уголовный процесс и правоохранительная деятельность» Юридического института Российского университета транспорта (ЮИ МИИТ), кандидат юридических наук, доцент, г. Москва
Email: GorbunovaLA@ya.ru

Scientific supervisor:
Drozdova Elena Anatolyevna
Associate Professor of the Department "Criminal Law, Criminal Procedure and Law Enforcement Activities" of the Law Institute of the Russian University of Transport (RUT MIIT), Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Moscow, Russia
Email: GorbunovaLA@ya.ru

Аннотация:
В статье рассматривается проблема раскрытия и практического применения интеллектуального потенциала несовершеннолетних осуждённых, отбывающих наказание в воспитательных колониях. Эта тема остаётся дискуссионной в научном и педагогическом сообществе, а также среди специалистов по защите прав ребёнка. Автор анализирует пути вовлечения подростков-осуждённых в образовательные и социальные процессы как необходимого условия их ресоциализации и возвращения к полноценной жизни в обществе. Особое внимание уделено роли образовательной среды, профессиональной подготовки и психологического сопровождения, а также преградам, с которыми сталкивается реализация подобных программ на практике.

Abstract:
The article addresses the problem of unlocking and applying the intellectual potential of juvenile offenders serving sentences in correctional colonies. The topic remains a matter of debate among researchers, educators, and specialists in the field of children’s rights. The author analyses ways of involving juvenile offenders in educational and social processes as a necessary condition for their resocialization and return to full life in society. Particular attention is paid to the role of the educational environment, vocational training, and psychological support, as well as to the obstacles that hinder the implementation of such programmes in practice.

Ключевые слова: несовершеннолетние осуждённые; воспитательная колония; интеллектуальный потенциал; ресоциализация; исправление; интеграция в общество; профессиональная подготовка.

Keywords: juvenile offenders; juvenile correctional colony; intellectual potential; resocialization; correction; social integration; vocational training.

ВВЕДЕНИЕ

Ресоциализация несовершеннолетних осуждённых относится к приоритетным задачам современной уголовно-исполнительной политики. Раскрытие и практическое применение интеллектуального потенциала этой категории лиц занимает особое место в обеспечении их дальнейшей социализации. Актуальность темы обусловлена прямой зависимостью между качеством воспитательно-исправительной работы в колониях и уровнем рецидивной преступности среди молодёжи. Подростковый возраст — сензитивный период личностного становления, когда сохраняется высокая восприимчивость к воспитательным и образовательным воздействиям; именно поэтому своевременная и методически выверенная работа с осуждёнными подростками оказывается особенно результативной.

Воспитательная колония — один из видов исправительных учреждений для лиц, осуждённых к лишению свободы, предусмотренный статьёй 74 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации; в таких

учреждениях отбывают наказание несовершеннолетние осуждённые. В отличие от иных форм социальной защиты детей — опеки, детских домов — воспитательная колония совмещает исполнение наказания, коррекцию поведения, общее образование и профессиональную подготовку. Такое сочетание создаёт особые условия для комплексного воздействия на личность подростка. Задача учреждения не сводится к изоляции воспитанника от общества: ключевым ориентиром выступает его подготовка к правопослушному образу жизни и возвращение в социум как полноценного и ответственного гражданина.

Настоящая работа опирается на анализ действующего законодательства, научно-педагогической литературы и практики деятельности воспитательных колоний. Цель исследования — определить условия и направления, при которых образовательная среда учреждения способна не только выполнять карательно-исправительную функцию, но и служить площадкой для интеллектуального и личностного роста несовершеннолетнего.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА В ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЯХ

Образовательная система для несовершеннолетних осуждённых призвана создавать условия для полного раскрытия их личностного и интеллектуального потенциала. Согласно федеральному законодательству, каждый ребёнок имеет право на образование независимо от обстоятельств. В условиях воспитательной колонии это право реализуется через программы, развивающие критическое мышление, самостоятельность и творческие способности воспитанника. Образование здесь не только передаёт знания, но и корректирует ценностно-смысловую сферу личности: систематическая учёба формирует самодисциплину, умение ставить цели и отвечать за результат собственного труда.

Воспитательная работа с подростками строится на индивидуальном подходе с учётом психофизических и иных особенностей каждого воспитанника. Применяются разные формы и методы психолого-педагогического воздействия, адаптированные к конкретным условиям отбывания наказания. Важное значение имеет доступ к современным образовательным ресурсам и технологиям, которые формируют у молодых людей устойчивое положительное отношение к учёбе и самообразованию. Диагностика исходного уровня знаний и способностей воспитанника позволяет выстроить образовательную траекторию под его реальные возможности и последовательно расширять зону достижений, закрепляя мотивацию к дальнейшему обучению.

Наряду с общеобразовательными дисциплинами значительным исправительным потенциалом обладают программы профессионального обучения и курсы развития личностных компетенций. Согласно статье 112 УИК РФ, в исправительных учреждениях организуется обязательное получение общего образования осуждёнными, не достигшими 30 лет. Развитие профессиональных навыков открывает воспитанникам реальные возможности для трудоустройства, а занятия по развитию личностных компетенций формируют ответственность, уважение к окружающим и умение работать в коллективе. Освоение конкретной профессии даёт подростку ощущение социальной востребованности и собственной состоятельности, что принципиально важно для устойчивой жизненной перспективы после освобождения.

Взаимодействие с общественными организациями и волонтёрскими объединениями — один из значимых факторов успешной реализации программ развития интеллектуального потенциала. Волонтёры, установившие доверительный контакт с воспитанниками, помогают им обрести уверенность в себе, поддерживают в учёбе и профессиональной ориентации, мотивируют к позитивным изменениям. Присутствие рядом с подростком авторитетного взрослого, не связанного с системой исполнения наказания, нередко становится дополнительным ресурсом доверия и помогает преодолеть отчуждение от социальных институтов.

ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ КОЛОНИЯ КАК СРЕДА ДЛЯ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

Воспитательная колония выполняет не только функцию исполнения уголовного наказания, но и служит средой, в которой несовершеннолетний осуждённый способен раскрыть свой интеллектуальный потенциал. Система образования и профессиональной подготовки в этих учреждениях нацелена на выявление способностей воспитанников и формирование устойчивой мотивации к учёбе и труду. Организованная и предсказуемая структура жизни учреждения, при всей её ограничительной природе, способна стать стабилизирующим фактором для подростков, чей прежний опыт нередко был хаотичным и лишённым чётких ориентиров.

Осужденный, находящиеся в условиях ограниченной свободы и социальной изоляции, остро нуждаются в признании и поддержке своих способностей. Воспитательные колонии располагают реальными возможностями для профессионального самоопределения воспитанников и освоения ими новых знаний и навыков. Своевременное выявление и поощрение даже небольших успехов формирует у подростка позитивную самооценку и постепенно вытесняет установки, ранее закреплённые асоциальным окружением.

Значительная часть несовершеннолетних осуждённых — выходцы из социально неблагополучных семей, нередко лишённые опыта нормальных семейных отношений и представлений об элементарных нравственных ценностях [3, с. 11]. Поэтому в колониях организуются систематические беседы и лекции о нравственных ориентирах, нормах семейной жизни и культуре поведения. Воспитательно-коррекционная работа сосредоточена прежде всего на личности подростка — его мотивационно-ценностной сфере, характере и социальных установках. Восполнение дефицита нравственного и социального опыта требует последовательности и терпения, поскольку устойчивые изменения в системе ценностей достигаются лишь при длительном и целенаправленном педагогическом сопровождении.

Перспективное направление — вовлечение воспитанников в научно-исследовательскую деятельность, проектную работу, творческие и технические соревнования. Такие формы способствуют интеллектуальному развитию и формируют социально значимые навыки: умение работать в команде, планировать деятельность и достигать целей, принимать самостоятельные решения. Психологическая поддержка остаётся неотъемлемым элементом образовательных и коррекционных программ: атмосфера принятия и значимости напрямую влияет на успешность ресоциализации. Опыт достижения конкретного результата в проектной или творческой работе убеждает подростка в собственной способности созидать и нередко становится поворотным моментом в переосмыслении им своего места в обществе.

ПРЕИМУЩЕСТВА И ВЫЗОВЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Вовлечение несовершеннолетних осуждённых в образовательные и социальные процессы связано как со значительными преимуществами, так и с определёнными трудностями. Главное преимущество — создание реальных перспектив для развития и самореализации воспитанников. Независимо от совершённых в прошлом противоправных действий каждый подросток обладает потенциалом, который при должной поддержке можно направить в конструктивное русло. Это повышает шансы на успешную социальную адаптацию после освобождения и снижает риск рецидива. Вложения в интеллектуальное развитие подростка оправданы и с точки зрения общественной безопасности: профилактика повторных преступлений через воспитание и образование заметно эффективнее исключительно карательных мер.

Активизация интеллектуальной и творческой деятельности положительно влияет на психологический климат внутри колонии. Занятость учебным трудом снижает напряжённость и агрессию, создаёт условия для здоровых отношений между воспитанниками. Личность, владеющая навыками саморегуляции, эмоционального

контроля и эмпатии, получает очевидные преимущества при социальной интеграции. Содержательная и осмысленная деятельность вытесняет деструктивное поведение, лишая его питательной почвы — вынужденной незанятости и внутреннего напряжения.

Вместе с тем реализация этого подхода сталкивается с рядом серьёзных препятствий. У значительной части несовершеннолетних осуждённых устойчиво выражены признаки антисоциального и девиантного поведения, что существенно затрудняет их включение в учебную и трудовую деятельность [2; 4]. Преодоление таких трудностей требует высокого профессионализма педагогов и психологов, а также значительных организационных ресурсов. Отдельную сложность создаёт неоднородность контингента по уровню подготовки и степени педагогической запущенности, вынуждающая специалистов сочетать групповую работу с интенсивным индивидуальным сопровождением.

Существенным вызовом остаются и системные социальные барьеры: предвзятость общества и его неготовность принимать бывших осуждённых способны обесценить даже очевидные достижения воспитанника. Поэтому параллельно с развитием программ в колониях необходима целенаправленная работа по изменению общественного восприятия этой категории граждан. Грамотно выстроенное психологическое взаимодействие с несовершеннолетним как с лицом, оказавшимся в трудной жизненной ситуации [1, ст. 1], помогает выявить мотивы противоправного поведения и создать условия для осознания подростком своих поступков, что заметно облегчает ресоциализацию. Не менее важна преемственность между работой в учреждении и постпенитенциарным сопровождением, без которого достигнутые результаты рискуют оказаться неустойчивыми.

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА

Комплекс приоритетных направлений использования интеллектуального потенциала несовершеннолетних осуждённых включает несколько взаимосвязанных блоков.

Образовательные программы — доступ к качественному общему и профессиональному образованию, включая дополнительные курсы по развитию критического мышления и творческих компетенций, а также воспитательную работу, формирующую уважение к личности, обществу и нормам социального общежития [6, ст. 5].

Психологическая поддержка — квалифицированная помощь в преодолении негативного опыта пребывания в колонии и стимулировании стремления к саморазвитию.

Научно-исследовательская и творческая деятельность — участие в проектной работе и творческих конкурсах, формирующих навыки, необходимые для жизни после освобождения.

Профессиональная подготовка — программы, ориентированные на востребованные на рынке труда специальности и повышающие конкурентоспособность выпускника колонии.

Спортивные и культурные программы — коллективные мероприятия, укрепляющие физическое и психологическое здоровье и развивающие коммуникативные компетенции.

Волонтёрская и социальная деятельность — включение воспитанников в волонтёрские проекты, формирующие социальную ответственность и активную гражданскую позицию.

Индивидуальная воспитательная работа должна занимать центральное место в реализации этих направлений и вестись в методически обоснованной последовательности с учётом динамики личностных изменений воспитанника. Перечисленные направления нельзя рассматривать изолированно: наибольший эффект достигается при их согласованном применении в рамках единой программы сопровождения, объединяющей усилия педагогов, психологов, представителей общественных организаций и самого

воспитанника. Оценка результативности такой работы опирается не только на формальные показатели успеваемости, но и на качественные изменения в поведении и системе ценностей подростка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развитие интеллектуального потенциала несовершеннолетних осуждённых в воспитательных колониях — стратегическая инвестиция в будущее как самих молодых людей, так и общества в целом. Чтобы создать эффективную инфраструктуру самореализации воспитанников — лаборатории, мастерские, библиотеки — необходимо объединить усилия государственных органов, образовательных учреждений, гражданского общества и бизнеса. Расширение возможностей для развития личности в условиях колонии требует комплексного подхода: разработки специальных образовательных программ, привлечения высококвалифицированных специалистов и создания условий для творческой самореализации.

Только системная, последовательная работа на всех уровнях — от нормативного регулирования до непосредственного педагогического взаимодействия — обеспечит значимые результаты в социальной реабилитации несовершеннолетних осуждённых и их успешное возвращение к продуктивной жизни. Дальнейшее совершенствование этого направления предполагает как научное осмысление накопленного опыта, так и распространение наиболее результативных методик в масштабах всей уголовно-исполнительной системы, что позволит превратить отдельные достижения в устойчивую и воспроизводимую практику.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ (ред. от 20.02.2026) «Об основных гарантиях прав ребёнка в Российской Федерации», ст. 1 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19558/ (дата обращения: 28.03.2026).

2. Гладкова Е. А. Воспитательные колонии для несовершеннолетних как система исправления и перевоспитания подростков [Электронный ресурс]. — URL: https://elar.uspu.ru/handle/ru-uspu/56637 (дата обращения: 29.03.2026).

3. Васкэ Е. В. Несовершеннолетние правонарушители: учебник для вузов. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Юрайт, 2026. — 175 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-13746-0 [Электронный ресурс] // Образовательная платформа Юрайт. — URL: https://urait.ru/bcode/587982/p.11 (дата обращения: 28.03.2026).

4. Наговицина Т. А. Ретроспектива и современные тенденции воспитательного воздействия на несовершеннолетних осуждённых в воспитательной колонии // Актуальные проблемы экономики и права. — Казань: Познание, 2008. — № 3 (7).

5. Савенков А. И. Эмоциональный и социальный интеллект как предикторы жизненного успеха // Вестник практической психологии образования. — 2006. — Т. 3. — № 1.

6. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 25.04.2026) «Об образовании в Российской Федерации», ст. 5 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 28.03.2026).

Роль простых горожан в Пражском восстании 1547 года
The role of ordinary citizens in the Prague Uprising of 1547

Дорофеев Савелий Романович
Студент 2 курса
Факультет Исторический факультет
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
РФ, г. Москва
e-mail: sawamrgold@mail.ru

Dorofeev Savelii Romanovich
Student 2 term
Faculty of Faculty of History
M. V. Lomonosov Moscow State University
Russia, Moscow
e-mail: sawamrgold@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу роли простых горожан в Пражском восстании 1547 года на основе хроники Сикста из Оттерсдорфа. Рассматриваются предпосылки восстания, вызванные политикой абсолютизма Фердинанда I Габсбурга, нарушением земских прав и провокационными действиями императорских наёмников. Основное внимание уделяется действиям «народа» (ремесленников и городских низов), которые, обладая значительным военным потенциалом, несколько раз демонстрировали решимость противостоять королевским войскам, однако каждый раз поддавались увещеваниям городских властей и королевских посланников. Показан яркий контраст между радикальным настроем пассивными действиями восставших, объясняемый относительным материальным благополучием пражских ремесленников, отсутствием позитивной политической программы и нежеланием заходить в конфликте слишком далеко. Делается вывод о ключевой роли городских низов в горячей фазе восстания и о их способности оказывать давление на городской магистрат, а также о том, что отсутствие единства и решимости в конечном счёте предопределило поражение восстания.

Annotation

This article analyzes the role of ordinary citizens in the Prague Uprising of 1547, drawing on the chronicle of Sixtus of Ottersdorf. It examines the preconditions for the uprising, which were triggered by the absolutist policies of Ferdinand I of Habsburg, the violation of provincial rights, and the provocative actions of imperial mercenaries. The focus is on the actions of the "people" (artisans and the urban lower classes), who, possessing significant military potential, repeatedly demonstrated their determination to resist the royal troops, but each time succumbed to the persuasions of city authorities and royal envoys. A striking contrast can be seen between the radical attitude and the passive actions of the rebels, explained by the relative material prosperity of Prague's artisans, the lack of a positive political program, and a reluctance to push the conflict too far. The conclusion is drawn about the key role of the urban lower classes in the hot phase of the uprising and their ability to put pressure on the city magistrate, as well as the fact that the lack of unity and determination ultimately predetermined the defeat of the uprising

Ключевые слова: Пражское восстание 1547 года, Чешское восстание 1547 года, Фердинанд I Габсбург, Сикст из Оттерсдорфа, чешские сословия, городские ремесленники, городской патрициат, королевские города

Key words: Prague Uprising of 1547, Bohemian Estates Revolt of 1547, Ferdinand I of Habsburg, Sixtus of Ottersdorf, Czech Estates, urban artisans, urban patriciate, royal cities

Восстание сословий 1547 года является важнейшей вехой в истории противостояния чешского короля и чешских сословий. Рассматриваемое восстание было логичным завершением того противостояния, которое началось с приходом к власти в Чехии династии Габсбургов.

После смерти в битве при Мохаче Людовика II, династия Ягеллонов на чешском престоле пресеклась и новым монархом был избрал Фердинанд Габсбург. Фердинанд принёс с собой концепцию габсбургского абсолютизма, ставившего интересы отдельных земель, входящих в состав монархии, на второе место. Это вступало в жесточайший конфликт с исторически сложившейся сословной системой в Чехии [1, с. 4], в которой очень значительное по политическому весу место принадлежало королевским городам. После гуситских войн города получили почти полную автономию в делах самоуправления, а также полностью перестали платить регулярные налоги в королевскую казну. Городское сословие также имело свой голос в сейме, главном органе чешского государства. Правление Фердинанда в Чехии характеризуется постоянной необходимостью для

сословий отстаивать свои права (Фердинанд пытался ограничить права не только городского сословия, но и двух других сословий Чехии — панов, крупных землевладельцев, и рыцарей, средних и мелких землевладельцев).

Противостояние короля и сословий усугубилось с началом войны Шмалькальденской лиги, когда, в нарушение земских законов [5, s. 198] Фердинанд I издал мандат, обязывающий чешские сословия собрать ополчение для похода на протестантскую Саксонию. Для защиты своих интересов чешские сословия заключили «Дружественное соглашение». Состав данного соглашения, однако, был очень неоднороден. То есть у членов данного соглашения могли быть самые различные интересы. Фердинанд I об этом знал и сделал всё возможное для привлечения на свою сторону значительной части дворянства, а также многих городов Чехии. В конечном итоге, к июню 1547 года единственным крупным политическим игроком, остававшимся в составе соглашения, была Прага.

Восстание 5-6 июля в Праге было вызвано как общим недовольством пражан политикой Фердинанда I, так и теми провокационными действиями, которые были предприняты немецкими наёмниками в составе войска Фердинанда.

Важнейшим и, по сути, единственным источником, по истории данного восстания является хроника Сикста из Оттерсдорфа.

Важнейшую роль в восстании 1547 года играли простые горожане.

«Народ» или «простой люд», как данную группу населения называет Сикст, был ключевым актором в рассматриваемом восстании. Именно с народных волнений начинается горячая фаза восстания. Судя по «Хронике», богатые слои населения города в бунте практически не участвовали. Об этом будет сказано позже во второй главе. Хоть Сикст и не сообщает нам, кто именно скрывается под названием «народ», исходя из сведений о населении Праги того времени, это были городские ремесленники, составлявшие 71,3% от полноправных горожан [2, с. 6]. Важно сказать о том, что к выводу о таком числе ремесленников Мельников пришёл на основе сохранившихся завещаний. Их осталось около 800 за период с конца 15 века до середины 16 века [там же, с. 4], в то время как общее количество людей, проживших в Праге за этот период составляло, по-видимому, десятки, а может даже и сотни, тысяч человек. Таким образом, выборка здесь, к сожалению, весьма не основательная, что не позволяет дифференцировать данную группу населения ещё больше.

Впервые Сикст упоминает простых горожан в связи со следующими событиями. Перед въездом короля в Прагу, его наёмное войско вошло в город и заняло стратегические точки (мост, мостовую башню на Малой Стране), а также расквартировалось в домах горожан, выгнав оттуда их самих. После этого, наёмники начали портить виноградники и огороды и даже стрелять в горожан. Возмутившись этому, «большое количество вооружённого народа» ворвалось на пражский мост и вытеснило наёмников на Малую Страну. Однако дальше они не пошли, в том числе благодаря уговорам неких «разумных людей», как их называет Сикст [4, с. 53]. То есть, если верить сообщениям Сикста, пражские горожане представляли из себя весьма значительную военную силу. Чешский историк Яначек вообще считал, что пражане могли вытеснить немецких наёмников из города [5, с. 296]. Такое развитие событий, когда горожане начинают бунтовать, но их в итоге успокаивают либо члены пражского магистрата, либо должностные лица короля, мы увидим ещё не раз.

Само восстание началось 5 июля и продолжалось всего сутки. Поводом к нему также послужило поведение немецких наёмников, причинявших «большой вред садам и виноградникам» [4, с. 58] жителям Уезда, одного из предместий Праги. После этого, по сообщению Сикста, восстал «весь народ» [там же, с. 57]. Что под этим подразумевается, не совсем понятно, так как в Прага на тот момент была одним из крупнейших городов Европы с населением, по разным оценкам, от 40 до 80 тысяч человек (данные на 1594 год) [6, с. 34-35].

Вряд-ли немецким наёмникам удалось бы противостоять такому количеству пражан. Так что, скорее всего, это либо прувеличение, либо народ в своих действиях был не слишком активен, что привело к быстрому затуханию восстания.

Далее, пражане начали перестреливаться из огнестрельного оружия с немцами через реку и даже готовить осаду пражского замка [4, с. 58], где находился король. Сикст отмечает настроение горожан: «в то время люди открыто говорили, что король хочет лишить их жизни и имущества» [там же]. И также: «… пражане, не желая обманным путём отдать свою жизнь и имущество, решили, что лучше с честью умереть, защищаясь и сражаясь как добрые люди» [там же]. То есть можно сделать вывод, что горожане были настроены крайне решительно.

Надо сказать, что Сикст не всегда отзывается о народе положительно. Так, он говорит, что во время расправы над одним предателем, убили двух невинных людей. Одного по причине созвучности его фамилии с фамилией предателя, а другого из-за его костюма «сшитого по-гусарски» [там же, с. 60], одной из частей войска Фердинанда были гусары).

Один из эпизодов восстания показывает, что пражские горожане были действительно значимой силой. После одного из инцидентов, «городской люд», собравшись у ратуши Старого Места, заставила староместского бургомистра (главу совета коншелов, главного городского магистрата) разослать по всей Чехии послание, призывавшее все чешские сословия на помощь восставшим. Однако вскоре после извинения короля, о котором будет сказано ниже, гонцы с посланиями были возвращены назад [там же, с. 62].

Таким образом, мы видим, что горожане во время восстания имели самое непосредственное влияние на городской магистрат. Нужно сказать, что из предшествующей истории Праги мы видим, что городские ремесленники, бывшие главной движущей силой восстания 1547 года, могли оказывать серьёзное давление на городскую верхушку и даже свергать её. Именно это произошло во время восстания 1483 года, когда городской патрициат был свергнут и ему на смену пришла цеховая верхушка [2, с.12]. Городские массы также принимали активное участие и в восстании 1524 года.

Возвращаясь к событиям восстания 1547 года, перестрелка пражан с немцами продолжалась целые сутки. Успокоить народ получилось только после того, как король через своих посланников «… милостиво обещал позаботиться о том, чтобы военный народ Е.К.М. [4, с. 62] не чинил ущерба и не создавал причин для недовольства и волнений» [там же, с. 62].

Однако после этого гусары короля схватили Арношта Крайиржа из Крайка, знатного дворянина, направлявшегося на помощь восставшим пражанам. После этого «Люди стали говорить, что нельзя больше верить красивым словам и обещаниям короля, ибо он никогда и ни в чём их не выполняет» [там же, с. 63] И далее про отношение чехов к королю: «Поскольку войска его уже явно начали предавать страну огню … люди решили … выступить против него как против разорителя страны …» [там же]. Здесь мы также видим очень решительный настрой восставших. Фердинанд I даже назван «разорителем страны».

После этого, однако, никаких решительных действий со стороны горожан не последовало и королю снова удалось успокоить восставших обещанием «подвергнуть смертной казни виновников» [там же]. После чего, «этим весьма многочисленным королевским обещаниям … люди поверили, как Священному писанию, сразу успокоились и пошли по домам» [там же]. Здесь мы можем наблюдать разительный контраст между сообщением Сикста о настроениях горожан и их реальными действиями. Однако уже на следующий день после извинений короля, горожане собрались в городской ратуше и начали обсуждать дальнейшие возможные действия. Из всего рассказа Сикста о данном эпизоде вытекает, что это были именно простые горожане, а не

городская верхушка. В отрывке про обещания короля он пишет о народной массе, а в абзаце про собрание в ратуше он употребляет местоимение «они» [там же], не вводя между этими событиями никаких новых лиц.

На этом же собрании обсуждался вопрос о королевском вызове пражан на суд. Многочисленные пререкания вызвала формулировка «на милость и немилость короля», [там же, с. 63] тогда как в то время стандартной формулировкой была «на милость». Но в конечном итоге горожане согласились и на такую формулировку. Она была введена Габсбургами и означала априорное признание восставшими своей вины [3, с. 40].

В конечном итоге восстание закончилось ничем. Королю удалось собрать городскую верхушку в пражском замке и устроить там показательный суд, в результате которого у пражан были отняты почти все их привилегии, а Прага практически полностью потеряла своё значение как крупного политического игрока в Чехии.

Исходя из всех разобранных выше упоминаний участия простых горожан в восстании напрашивается несколько важных выводов. Во-первых, пражане (по-видимому, в основном ремесленники) могли оказывать значительное влияние на принятие решений городским магистратом. Во-вторых, пражане обладали значительным военным потенциалом и даже могли целые сутки перестреливаться с немецким войском, а также выгнать их с пражского моста. В-третьих, бросается в глаза странное на первый взгляд поведение горожан, которые несколько раз расходились, поддаваясь уговорам либо правящей верхушки города, либо должностных лиц короля.

Почему же народ не пошёл дальше и не выгнал из Праги короля, о котором, если верить Сиксту, так негативно отзывался? Исследователи выделяют несколько причин. Во-первых, у горожан, по-видимому, просто не было значительной мотивации идти настолько далеко, чтобы изгонять короля с войском. На тот момент уровень благосостояния населения Праги можно характеризовать как среднезажиточный [2, с. 8]. Видимо, материальное благополучие породило в среде ремесленников настроение удовлетворённости собственным положением, что привело к отсутствию позитивной политической программы и желаю оставить всё так, как оно есть [там же, с.14]. Именно нежелание заходить слишком далеко и упование на поддержку со стороны короля и привели к указанному выше поведению пражских горожан, даже несмотря на их реальные возможности бороться с немецким войском.

Интересно также отметить тот факт, что в «Хронике» нет указаний на какие-либо разделения «простого люда» на группировки. Хотя это могло произойти как по причине наличия социальной дифференциации среди простых горожан (особенно выделялись по уровню благосостояния строители и производители продуктов питания) [там же, с. 9]., так и по той причине, что, как уже было сказано, Прага не была единым городом и делилась на три самостоятельных города (Старе Место, Нове Место, Мала Страна). Однако Сикст не разделяет горожан Праги исходя из их принадлежности к одному из трёх городов.

Народ, казалось бы, был настроен достаточно радикально, так как постоянно делались попытки пойти на открытый конфликт с королём. Однако при этом городским должностным лицам и королевским чиновникам каждый раз удавалось уговорить людей сбавить пыл. В итоге восстание так и закончилось, после обещаний послов Фердинанда I уладить ситуацию.

Городская верхушка, напротив, с самого начала не хотела конфликтовать с королём. Постоянно делались попытки договориться с Фердинандом I. Эти попытки, однако оказались тщетными и в конечном итоге привели городское сословие к королевскому суду.

Список используемой литературы:

1. Медведева К.Т Австрийские Габсбурги и сословия в начале XVII века. М., 2004.

2. Мельников Г.П. Социально-экономическая структура населения Праги и политическая борьба пражских горожан в первой половине XVI в. : автореф. дис.… канд. ист. наук / Г.П. Мельников. М., 1978.
3. Мельников Г.П. Чешское восстание 1547 года и Сикст из Оттерсдорфа как его хронист // Сикст из Оттерсдорфа. Хроника событий, свершившихся в Чехии в бурный 1547 год / Под. ред М., 1989. С. 5-45.
4. Сикст из Оттерсдорфа. Хроника событий, свершившихся в Чехии в бурный 1547 год. М., 1989.
5. Janáček J. České dějiny: Doba předbělohorská. Pr., 1984. Kn. 1. D. 2.
6. Janáček J. Dějiny obchodu v předbělohorské Praze. Pr., 1955.

Оценка и налогообложение объектов автомобильных дорог и аэродромов как инструмент управления имущественным комплексом транспортной инфраструктуры

Assessment and taxation of road and airfield facilities as a tool for managing the property complex of transport infrastructure

Денисов Дмитрий Сергеевич
Магистр 2 курса
Инженерно-строительный факультет
ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет»
Российская Федерация, г.Тверь
e-mail: denisovfizz@gmail.com

Denisov Dmitry Sergeevich
Master 2 term
Faculty of Faculty of Civil Engineering
Tver State Technical University
Russian Federation, Tver
e-mail: denisovfizz@gmail.com

Карцева Вера Викторовна
Кандидат экономических наук., доцент кафедры геодезии и кадастра
Инженерно-строительный факультет
ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет»
Российская Федерация, г.Тверь
email: vera.v.kartseva@gmail.com

Kartseva Vera Viktorovna
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Geodesy and Cadastre
Faculty of Faculty of Civil Engineering
Tver State Technical University
Russian Federation, Tver
email: vera.v.kartseva@gmail.com

Аннотация

В статье рассматриваются особенности стоимостной оценки и налогообложения объектов недвижимости транспортной инфраструктуры — автомобильных дорог и аэродромов. Показано, что с функционально-технической точки зрения они образуют единый имущественный комплекс, однако для целей гражданского права, кадастрового учёта и налогообложения распадаются на самостоятельные объекты — земельный участок и расположенные на нём объекты капитального строительства. Обосновано, что такие объекты обладают рядом признаков — линейный или площадной характер, низкая ликвидность, ограниченная оборотоспособность, преобладание публичной формы собственности, высокая капиталоёмкость, — которые делают неприменимыми многие стандартные приёмы рыночной оценки и требуют адаптации методического аппарата. Определена иерархия подходов к оценке: затратный подход выступает основным, доходный применяется к платным и концессионным объектам, сравнительный играет вспомогательную роль. Раскрыта роль результатов оценки и кадастровой стоимости как информационной основы имущественного налогообложения и как инструмента принятия управленческих решений на уровне собственника комплекса. Показано, что качество оценки напрямую определяет справедливость налоговой нагрузки и бюджетные последствия. Сформулированы основные проблемы действующей практики и предложены направления её совершенствования.

Annotation

The article examines the specifics of valuation and taxation of transport-infrastructure real estate — public roads and airfields. It is shown that, from a functional and technical standpoint, such objects form a single property complex, yet for the purposes of civil law, cadastral registration and taxation they break down into separate objects — a land plot and the capital construction facilities located on it. It is substantiated that these objects possess a number of features — a linear or areal character, low liquidity, limited marketability, a predominance of public ownership and high capital intensity — that render many standard market-valuation techniques inapplicable and require adaptation of the methodological framework. A hierarchy of valuation approaches is established: the cost approach serves as the principal one, the income approach applies to toll and concession facilities, and the sales-comparison approach plays an auxiliary role. The role of valuation results and cadastral value is revealed both as the information basis of property taxation and as a tool for management decision-making at the level of the complex's owner. It is shown that the quality of valuation directly determines the fairness of the tax burden and its budgetary consequences. The key problems of current practice are formulated and directions for its improvement are proposed.

Ключевые слова: оценка недвижимости, кадастровая стоимость, налогообложение, автомобильные дороги, аэродромы, транспортная инфраструктура, управление имуществом, затратный подход, линейные сооружения.
Keywords: real estate valuation, cadastral value, taxation, highways, airfields, transport infrastructure, property management, cost approach, linear facilities.

Транспортная инфраструктура образует материальную основу экономики и одновременно представляет собой один из наиболее капиталоёмких видов недвижимого имущества. Автомобильные дороги и аэродромы — это не просто инженерные сооружения, а сложные имущественные комплексы, функционально объединяющие земельные участки, дорожное полотно или искусственные покрытия, искусственные сооружения (мосты, путепроводы, водопропускные трубы), системы водоотвода, освещения, связи, светосигнального оборудования, здания и сооружения вспомогательного назначения. При этом функциональное единство такого комплекса не означает, что он является единым объектом недвижимости: с гражданско-правовой, кадастровой и налоговой точки зрения комплекс распадается на самостоятельные объекты — земельный участок и расположенные на нём объекты капитального строительства (сооружения и здания), которые учитываются и облагаются налогами раздельно [1, 9]. Управление таким комплексом невозможно без достоверной информации о его стоимости, а стоимость, в свою очередь, выступает базой для целого ряда фискальных и управленческих процедур.

Актуальность темы определяется тем, что оценка и налогообложение объектов дорожно-аэродромной инфраструктуры находятся на пересечении трёх предметных областей: оценочной деятельности, налогового права и теории управления имуществом. Ошибки и пробелы в любой из них приводят к искажению налоговой нагрузки, к неэффективному распределению бюджетных средств на содержание и развитие сети, а также к затруднению учёта и контроля. При этом специфика рассматриваемых объектов такова, что прямое перенесение методик, разработанных для коммерческой или жилой недвижимости, оказывается некорректным.

Цель статьи — выявить взаимосвязь между процедурами оценки, механизмом налогообложения и задачами управления имущественным комплексом автомобильных дорог и аэродромов. Для достижения цели поставлены следующие задачи: охарактеризовать эти объекты как особый вид недвижимости; определить применимость подходов к оценке; раскрыть структуру налогообложения и роль кадастровой стоимости как его базы; показать, каким образом стоимостные показатели встраиваются в систему управления; обозначить проблемы и предложить пути их решения.

Объекты автомобильных дорог и аэродромов как особый вид недвижимого имущества

С правовой точки зрения автомобильная дорога определяется как объект транспортной инфраструктуры, предназначенный для движения транспортных средств и включающий конструктивные элементы (земляное полотно, дорожную одежду) и дорожные сооружения, являющиеся её технологической частью; располагается такая дорога на земельных участках в границах полосы отвода, которые при этом остаются самостоятельными объектами прав, а не составной частью сооружения [7]. Аэродром, в свою очередь, представляет собой участок земли или акватории с расположенными на нём зданиями, сооружениями и оборудованием, предназначенный для взлёта, посадки, руления и стоянки воздушных судов, — то есть также сочетает земельный участок и возведённые на нём объекты капитального строительства [5]. Оба объекта относятся к недвижимости как прочно связанные с землёй и не перемещаемые без несоразмерного ущерба назначению [1].

Принципиально важно разграничить два уровня рассмотрения этих объектов. С функционально-технической точки зрения дорога или аэродром — единый имущественный комплекс, элементы которого работают как одно целое. С точки зрения гражданского права, государственного кадастрового учёта и налогообложения этот комплекс не образует единого объекта недвижимости: он состоит из земельного участка и расположенных на нём объектов капитального строительства (сооружений и зданий), каждый из которых

является самостоятельным объектом прав, учитывается обособленно и имеет собственный налоговый статус [3, 9]. Именно поэтому оценка и налогообложение комплекса не сводятся к работе с одним объектом, а требуют раздельного рассмотрения земельного участка и объектов капитального строительства с последующим согласованием результатов. Это разграничение является сквозным для дальнейшего изложения и определяет как структуру оценки (раздел 2), так и структуру налогообложения (раздел 3).

Вместе с тем они существенно отличаются от привычных объектов недвижимости. Целесообразно выделить признаки, формирующие их специфику и предопределяющие особенности оценки и налогообложения:

— Протяжённый (линейный) либо площадной характер. Автомобильная дорога — линейное сооружение, проходящее через множество кадастровых кварталов и муниципальных образований, что усложняет учёт, кадастрирование и распределение налоговой базы между бюджетами.

— Низкая ликвидность и ограниченная оборотоспособность. Дороги общего пользования и аэродромы федерального значения, как правило, не обращаются на рынке; для многих из них установлен особый правовой режим, а земля под ними часто ограничена в обороте или изъята из него.

— Преобладание публичной собственности. Значительная часть объектов принадлежит Российской Федерации, субъектам РФ или муниципальным образованиям, что переносит акцент с рыночной стоимости на стоимость воспроизводства и на бюджетную эффективность.

— Высокая капиталоёмкость и длительный срок службы при выраженном физическом и функциональном износе конструктивных слоёв, требующем регулярного капитального ремонта.

— Комплексность: функционально единый объект юридически делим и состоит из разнородных элементов (земельный участок, покрытие, искусственные сооружения, инженерные системы), каждый из которых имеет собственный характер износа, собственный правовой режим и собственный налоговый статус.

Эти признаки означают, что при работе с дорожно-аэродромными объектами оценщик и налоговый администратор имеют дело не с типовым товаром, имеющим активный рынок, а со специализированным имуществом, ценность которого определяется главным образом затратами на его создание и общественной полезностью, а не возможностью продажи [16, 17].

Особенности стоимостной оценки объектов дорожной и аэродромной инфраструктуры

Оценочная деятельность опирается на три классических подхода — затратный, доходный и сравнительный [6, 16]. Применимость каждого из них к рассматриваемым объектам различна и определяется именно теми признаками, которые описаны выше. При этом, как отмечено в разделе 1, объектом оценки выступает не единый объект недвижимости, а два самостоятельных объекта — земельный участок и расположенные на нём объекты капитального строительства, — которые оцениваются по разным правилам, а их стоимости затем согласуются в рамках стоимости комплекса [12]. Рассмотрим подходы последовательно.

Затратный подход

Для специализированных сооружений, к которым относятся автомобильные дороги и большинство элементов аэродромов, затратный подход является основным, а нередко и единственно применимым [12, 16]. Его логика состоит в том, что стоимость объекта определяется суммой затрат, необходимых для его воссоздания или замещения, за вычетом накопленного износа и с прибавлением стоимости права пользования земельным участком, на котором расположено сооружение. При этом в полную стоимость воссоздания включаются не только строительные затраты, но и предпринимательский доход — вознаграждение инвестора за вложенный капитал, время и риск создания объекта. В развёрнутом виде расчёт включает следующие шаги [16, 19]:

1) Определение полной стоимости воспроизводства или замещения, то есть затрат на строительство аналогичного по полезности объекта в текущих ценах. Она включает прямые и косвенные (сопутствующие) затраты, а также предпринимательский доход (прибыль предпринимателя) — часть стоимости, отражающую вознаграждение инвестора за организацию строительства и принятый риск. Источниками служат сметные нормативы, укрупнённые показатели стоимости строительства, индексы пересчёта [14]. Для дорог общего пользования, создаваемых и содержащихся за счёт бюджета без цели извлечения прибыли, предпринимательский доход нередко принимается минимальным или нулевым.

2) Расчёт физического износа — потери стоимости вследствие эксплуатации, старения материалов, накопления деформаций дорожной одежды или покрытия.

3) Учёт функционального устаревания, связанного с несоответствием технических параметров (категории дороги, несущей способности покрытия, классификационного числа аэродрома) современным требованиям.

4) Учёт внешнего (экономического) устаревания, обусловленного изменением транспортных потоков, перераспределением маршрутов, снижением спроса на использование объекта.

Поскольку земельный участок не создаётся в процессе строительства и остаётся самостоятельным объектом прав, к стоимости сооружения, полученной затратным методом, добавляется стоимость права пользования земельным участком в границах полосы отвода или под аэродромом. Для участков, ограниченных в обороте или изъятых из него, вместо рыночной стоимости права собственности оценивается именно стоимость права пользования — методами, применимыми к земле (капитализация земельной ренты, метод выделения, нормативные методы) [12, 16].

Итоговая стоимость комплекса складывается из стоимости права пользования земельным участком и стоимости сооружения, определяемой как разность между полной стоимостью воспроизводства (включающей предпринимательский доход) и совокупным накопленным износом. Преимущество подхода — опора на проверяемые сметные данные; ограничение — высокая чувствительность результата к корректности оценки износа, которую для линейных сооружений трудно измерить напрямую.

Доходный подход

Доходный подход исходит из способности объекта генерировать денежный поток. Для платных автомобильных дорог и для аэродромов гражданской авиации он становится уместным: источником дохода выступают плата за проезд, аэропортовые и аэронавигационные сборы, плата за обслуживание воздушных судов. Стоимость в этом случае определяется капитализацией ожидаемого чистого операционного дохода или дисконтированием прогнозируемых денежных потоков за период эксплуатации [16, 18].

Однако применимость подхода ограничена. Подавляющее большинство автомобильных дорог в России являются дорогами общего пользования бесплатного проезда и непосредственного дохода не приносят. Их экономический эффект носит косвенный характер (сокращение транспортных издержек, рост связанности территорий) и не капитализируется в традиционном смысле. Поэтому доходный подход применяется выборочно — преимущественно к концессионным и платным объектам, а также к доходным элементам аэродромного комплекса.

Сравнительный подход

Сравнительный подход основан на анализе цен сделок с аналогичными объектами. Его ключевое условие — наличие активного рынка и достаточного числа сопоставимых продаж. Применительно к автомобильным дорогам и аэродромам это условие, как правило, не выполняется: сделки единичны, объекты уникальны, информация о ценах закрыта или отсутствует. Вследствие этого сравнительный подход в чистом виде практически неприменим к сооружениям и может использоваться лишь фрагментарно — например, при оценке

земельных участков под объектами или отдельных зданий вспомогательного назначения, имеющих рыночные аналоги [16, 20].

Таким образом, для дорожно-аэродромной инфраструктуры формируется устойчивая иерархия: затратный подход выступает ядром оценки, доходный применяется к платным и доходным объектам, а сравнительный играет вспомогательную роль. Согласование результатов разных подходов проводится с присвоением наибольшего веса наиболее обоснованному для конкретного объекта методу [11, 12].

Сводная характеристика применимости подходов представлена в таблице 1.

Таблица 1 — Применимость подходов к оценке объектов дорожно-аэродромной инфраструктуры

Подход	Применимость	Комментарий
Затратный	Высокая (основной)	Опора на сметные нормативы и оценку накопленного износа; пригоден для специализированного имущества без активного рынка
Доходный	Ограниченная	Применим к платным дорогам, концессиям, доходным элементам аэродромов через капитализацию или дисконтирование денежных потоков
Сравнительный	Низкая	Затруднён из-за отсутствия активного рынка и сопоставимых сделок; применим к земельным участкам и типовым зданиям

Налогообложение объектов транспортной инфраструктуры

Налогообложение недвижимости транспортной инфраструктуры реализуется главным образом через два имущественных налога — земельный налог и налог на имущество (организаций либо физических лиц), — а также косвенно затрагивается при операциях, облагаемых иными налогами [4]. Важнейшая особенность состоит в том, что налоговой базой по этим налогам всё чаще выступает кадастровая стоимость, то есть результат массовой государственной оценки [8]. Тем самым процедуры оценки и налогообложения оказываются жёстко связанными: качество оценки напрямую определяет справедливость и размер налогового обязательства.

Земельный налог

Земельный налог уплачивается в отношении земельных участков, в том числе участков в границах полосы отвода автомобильной дороги и под аэродромом. Базой выступает кадастровая стоимость участка, ставки устанавливаются нормативными актами муниципальных образований в пределах, заданных налоговым законодательством [4, 10]. Существенное значение имеет категория земель и вид разрешённого использования: участки транспорта имеют собственную специфику кадастровой оценки [2]. Для ряда земель, ограниченных в обороте и предоставленных для обеспечения обороны, безопасности и таможенных нужд, законодательством предусмотрены особенности налогообложения, что необходимо учитывать применительно к аэродромам двойного и государственного назначения.

Налог на имущество

Налогом на имущество облагаются учитываемые на балансе сооружения и здания, входящие в имущественный комплекс. Здесь возникает методически тонкий вопрос разграничения: какие элементы дорожно-аэродромного комплекса признаются самостоятельными объектами налогообложения, а какие

являются неотделимой технологической частью сооружения. От ответа на него зависит и состав налоговой базы, и величина налога. База определяется либо как среднегодовая (балансовая) стоимость имущества, либо — для отдельных категорий объектов — как их кадастровая стоимость, что вновь возвращает нас к результатам оценки [4].

Кадастровая стоимость как база налогообложения

Государственная кадастровая оценка проводится методами массовой оценки: объекты группируются по сходным характеристикам, для каждой группы строится оценочная модель, на основе которой рассчитывается стоимость множества объектов одновременно [8, 13]. Для специализированных сооружений транспортной инфраструктуры массовая оценка опирается преимущественно на затратные модели [13]. Достоинство такого подхода — возможность единообразно оценить огромный массив объектов; недостаток — снижение точности по каждому конкретному объекту, поскольку индивидуальные особенности усредняются.

Несоответствие кадастровой стоимости реальной (рыночной или обоснованной затратной) стоимости порождает практические следствия: завышение базы ведёт к избыточной налоговой нагрузке, занижение — к недополучению бюджетных доходов. Поэтому законодательство предусматривает механизмы оспаривания и пересмотра кадастровой стоимости, а также периодическую её актуализацию [8]. Для управляющего имуществом субъекта мониторинг кадастровой стоимости становится самостоятельной задачей, поскольку её величина прямо влияет на расходную часть бюджета содержания комплекса.

Оценка и налогообложение в системе управления имущественным комплексом

Управление имущественным комплексом транспортной инфраструктуры — это совокупность процессов планирования, учёта, контроля и принятия решений в отношении совокупности взаимосвязанных объектов на протяжении всего их жизненного цикла. Стоимостная оценка и налогообложение являются не внешними по отношению к управлению процедурами, а его встроенными инструментами. Рассмотрим основные функции, которые они выполняют.

Учётная функция. Достоверная стоимость объектов необходима для бухгалтерского и управленческого учёта, для формирования реестров имущества, расчёта амортизации и определения остаточной стоимости. Без корректной первоначальной оценки невозможно построить адекватную картину активов, которыми распоряжается собственник [16].

Фискально-бюджетная функция. Имущественные налоги формируют расходную нагрузку владельца и одновременно доходную часть бюджетов. Управляющий субъект обязан прогнозировать налоговые платежи, оптимизировать структуру имущества в рамках закона и контролировать обоснованность кадастровой стоимости, инициируя при необходимости её пересмотр [4, 8].

Инвестиционно-аналитическая функция. Стоимостные показатели лежат в основе обоснования инвестиций в строительство, реконструкцию и капитальный ремонт. Сопоставление стоимости воссоздания объекта с затратами на его содержание и с величиной накопленного износа позволяет принимать решение о целесообразности ремонта, модернизации или вывода объекта из эксплуатации.

Контрольная функция. Регулярная переоценка и сопоставление фактического состояния объектов с их учётной стоимостью служат инструментом контроля сохранности имущества и эффективности расходования средств на его содержание.

Особенно отчётливо взаимосвязь проявляется в управлении жизненным циклом дорожной одежды и аэродромного покрытия [14, 15]. По мере эксплуатации накапливается физический износ, снижается стоимость и одновременно растут эксплуатационные расходы. В определённый момент затраты на поддержание объекта в работоспособном состоянии начинают превышать выгоду от его дальнейшей эксплуатации без реконструкции.

Именно стоимостной анализ, опирающийся на результаты оценки износа, позволяет определить экономически обоснованный момент капитального ремонта, что напрямую связывает оценочную процедуру с операционным управлением.

Таким образом, оценка задаёт стоимостную картину комплекса, налогообложение переводит эту картину в плоскость денежных обязательств перед бюджетом, а управление использует обе компоненты для принятия решений. Контур замыкается: управленческие решения (ремонт, реконструкция, изменение разрешённого использования земли) меняют характеристики объектов, что влечёт пересмотр их стоимости и, как следствие, налоговых обязательств.

Таблица 2 — Взаимосвязь оценки, налогообложения и управления

Оценка	Налогообложение	Управление
Определяет стоимость объекта и величину накопленного износа	Формирует налоговую базу (кадастровая или балансовая стоимость)	Использует стоимость для учёта, планирования и контроля
Поставляет данные о состоянии и ценности активов	Переводит стоимость в денежные обязательства перед бюджетом	Принимает решения о ремонте, реконструкции, выводе объектов

Проблемы практики и направления совершенствования

Анализ сложившейся практики позволяет выделить ряд проблем, снижающих эффективность оценки, налогообложения и управления объектами дорожно-аэродромной инфраструктуры.

1) Неполнота и противоречивость учёта линейных объектов. Прохождение автомобильной дороги через множество кадастровых кварталов и муниципальных образований затрудняет постановку на учёт, идентификацию границ и распределение налоговой базы между бюджетами [9].

2) Недостаточная точность массовой кадастровой оценки специализированных сооружений. Усреднённые затратные модели слабо учитывают индивидуальный износ и техническое состояние конкретного объекта, что порождает расхождение между кадастровой и обоснованной стоимостью [13].

3) Сложность разграничения облагаемых и необлагаемых элементов комплекса. Отсутствие однозначных критериев отнесения инженерных систем к технологической части сооружения создаёт правовую неопределённость и налоговые споры [3, 4].

4) Слабая интеграция стоимостных данных в управленческие процессы. Результаты оценки нередко используются формально, для целей учёта, и не превращаются в инструмент обоснования ремонтно-инвестиционных решений.

В качестве направлений совершенствования целесообразно рассматривать следующие меры. Во-первых, развитие единого цифрового учёта объектов транспортной инфраструктуры с привязкой стоимостных, технических и кадастровых характеристик к каждому элементу комплекса; это повышает прозрачность как оценки, так и налогообложения. Во-вторых, уточнение методик массовой кадастровой оценки специализированных сооружений за счёт включения показателей фактического состояния и износа, получаемых в ходе диагностики дорог и обследования аэродромных покрытий [14, 15]. В-третьих, формализация критериев отнесения элементов к недвижимости и к технологической части сооружения, что снизит число налоговых споров. В-четвёртых, встраивание стоимостного анализа в систему управления

жизненным циклом, при котором решение о ремонте или реконструкции принимается на основе сопоставления стоимости, износа и эксплуатационных затрат.

Реализация этих мер позволяет перейти от разрозненного применения процедур оценки и налогообложения к их согласованному использованию в интересах рационального управления имущественным комплексом, что особенно важно в условиях ограниченности бюджетных ресурсов на содержание и развитие транспортной сети.

Заключение

Проведённое рассмотрение показало, что оценка и налогообложение объектов автомобильных дорог и аэродромов представляют собой не самостоятельные, изолированные процедуры, а связанные звенья единой системы управления имущественным комплексом транспортной инфраструктуры. Специфика этих объектов — линейный или площадной характер, низкая ликвидность, преобладание публичной собственности, высокая капиталоёмкость и комплексность — делает основным инструментом их оценки затратный подход, отводя доходному и сравнительному подходам вспомогательную роль.

Результаты оценки, прежде всего кадастровая стоимость, выступают базой имущественного налогообложения, а значит, качество оценки напрямую определяет справедливость налоговой нагрузки и бюджетные последствия. В свою очередь, стоимостные показатели и налоговые обязательства являются исходными данными для управленческих решений — от учёта активов до обоснования капитального ремонта и реконструкции. Совершенствование цифрового учёта, повышение точности массовой оценки, формализация критериев разграничения облагаемых объектов и интеграция стоимостного анализа в управление жизненным циклом позволяют повысить эффективность распоряжения имущественным комплексом дорожно-аэродромной инфраструктуры.

Список используемой литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в действующей редакции) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.

2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ (в действующей редакции) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 44. — Ст. 4147.

3. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ (в действующей редакции) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2005. — № 1 (ч. 1). — Ст. 16.

4. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (в действующей редакции) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2000. — № 32. — Ст. 3340.

5. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ (в действующей редакции) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1997. — № 12. — Ст. 1383.

6. Об оценочной деятельности в Российской Федерации : Федеральный закон от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ (в действующей редакции) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1998. — № 31. — Ст. 3813.

7. Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 8 ноября 2007 г. № 257-ФЗ (в действующей редакции) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2007. — № 46. — Ст. 5553.

8. О государственной кадастровой оценке : Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 237-ФЗ (в действующей редакции) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2016. — № 27 (ч. I). — Ст. 4170.

9. О государственной регистрации недвижимости : Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ (в действующей редакции) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2015. — № 29 (ч. I). — Ст. 4344.

10. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (в действующей редакции) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2003. — № 40. — Ст. 3822.

11. Об утверждении федеральных стандартов оценки и о внесении изменений в некоторые приказы Минэкономразвития России о федеральных стандартах оценки : приказ Минэкономразвития России от 14 апреля 2022 г. № 200. — Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. — URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 15.06.2025).

12. Об утверждении Федерального стандарта оценки «Оценка недвижимости (ФСО № 7)» : приказ Минэкономразвития России от 25 сентября 2014 г. № 611. — Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. — URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 15.06.2025).

13. Об утверждении Методических указаний о государственной кадастровой оценке : приказ Росреестра от 4 августа 2021 г. № П/0336. — Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. — URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 15.06.2025).

14. СП 34.13330.2021. Автомобильные дороги. Актуализированная редакция СНиП 2.05.02-85* : свод правил. — Москва : Минстрой России, 2021. — 142 с.

15. СП 121.13330.2019. Аэродромы. Актуализированная редакция СНиП 32-03-96 : свод правил. — Москва : Минстрой России, 2019. — 81 с.

16. Оценка недвижимости : учебник / под ред. А. Г. Грязновой, М. А. Федотовой. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Финансы и статистика, 2008. — 560 с. — Текст : непосредственный.

17. Асаул, А. Н. Экономика недвижимости : учебник для вузов / А. Н. Асаул. — 3-е изд., испр. — Санкт-Петербург : Питер, 2013. — 416 с. — Текст : непосредственный.

18. Горемыкин, В. А. Экономика недвижимости : учебник для академического бакалавриата / В. А. Горемыкин. — 8-е изд., перераб. и доп. — Москва : Юрайт, 2016. — 499 с. — Текст : непосредственный.

19. Наназашвили, И. Х. Оценка недвижимости : учебное пособие / И. Х. Наназашвили, В. А. Литовченко. — Москва : Архитектура-С, 2005. — 200 с. — Текст : непосредственный.

20. Тэпман, Л. Н. Оценка недвижимости : учебное пособие / Л. Н. Тэпман ; под ред. В. А. Швандара. — Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2005. — 303 с. — Текст : непосредственный.

Анализ механизма добровольного ограничения торговых наценок на социально значимые товары в России (на примере Постановления Правительства РФ №662 от 26.04.2023)

Analysis of the mechanism of voluntary limitation of trade margins on socially significant goods in Russia (on the example of the Decree of the Government of the Russian Federation No. 662 of 26.04.2023)

Черкизов Артём Альбертович,
Студент бакалавриата,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, г. Санкт-Петербург.
st118473@student.spbu.ru

Cherkizov Artyom Albertovich,
Student, bachelor's degree,
Saint Petersburg State University,
Russia, Saint Petersburg.
st118473@student.spbu.ru

Аннотация

В работе анализируются итоги трёхлетней практики применения Постановления Правительства РФ №662, легализовавшего добровольные соглашения об ограничении наценок на социально значимые товары. На основе данных ФАС и региональной статистики за 2024–2025 годы показано, что механизм обеспечил широкий охват (72 региона, свыше 15 тыс. участников) и способствовал снижению средних розничных наценок до 4,7% против 22,2% в 2021 году. Однако сопоставление с академическими исследованиями ценовой жесткости и межрегиональной дифференциации выявляет системные ограничения: риск имитационного присоединения, ассортиментные деформации и сохраняющийся разрыв в инфляции между регионами-участниками и регионами без соглашений. Отдельно рассматривается вопрос о том, как продление механизма до 2029 года и расширение его товарного охвата трансформируют саму природу инструмента, превращая его из антикризисной меры в элемент постоянного регуляторного ландшафта.

Annotation

The paper analyzes the results of the three-year practice of applying Decree of the Government of the Russian Federation No. 662, which legalized voluntary agreements on limiting margins on socially significant goods. Based on FAS data and regional statistics for 2024–2025, it is shown that the mechanism provided wide coverage (72 regions, over 15 thousand participants) and contributed to a reduction in average retail margins to 4.7% against 22.2% in 2021. However, comparison with academic studies of price rigidity and interregional differentiation reveals systemic limitations: the risk of imitation accession, assortment deformations, and the persisting gap in inflation between participating regions and regions without agreements. The issue of how the extension of the mechanism until 2029 and the expansion of its product coverage transform the very nature of the instrument, turning it from an anti-crisis measure into an element of the permanent regulatory landscape, is considered separately.

Ключевые слова: добровольные соглашения, торговые наценки, социально значимые товары, антимонопольное регулирование, ценовая жесткость, межрегиональная дифференциация, ФАС России.

Keywords: voluntary agreements, trade margins, socially significant goods, antimonopoly regulation, price rigidity, interregional differentiation, FAS Russia.

Введение

Постановление Правительства РФ от 26 апреля 2023 г. №662 создало уникальную юридическую конструкцию, выведя из-под антимонопольных санкций соглашения региональных властей с ритейлерами и поставщиками о добровольном ограничении наценок на социально значимые продовольственные товары. Это решение стало ответом на резкий скачок продовольственной инфляции в 2022–2023 годах, когда традиционные инструменты, а именно товарные интервенции и временное госрегулирование цен, показали ограниченную эффективность. Новый механизм был построен на идее добровольного самоограничения бизнеса в обмен на иммунитет от антимонопольного преследования, что принципиально отличало его от прямого административного ограничения наценок, применявшегося в 2007–2010 годах и признанного неэффективным из-за массового ухода товаров из легальной розницы. Изначально рассчитанный на три года механизм активно масштабировался: к середине 2025 года соглашения действовали в 72 субъектах РФ с участием более 15 тыс. хозяйствующих субъектов. Цель настоящей статьи состоит в ретроспективной оценке того, насколько этот

подход оказался работоспособным на практике, какие эффекты он породил и в какой мере выявленные ограничения соотносятся с теоретическими моделями ценовой динамики. Для этого в рамках исследования последовательно рассматриваются количественные результаты механизма и их неоднозначность, влияние номинальной жесткости цен на устойчивость достигнутого эффекта, проблема межрегиональной ценовой фрагментации как фундаментального ограничителя, институциональная эволюция самого инструмента, а также уроки зарубежного опыта регулирования торговых наценок.

1. Масштаб распространения и количественные эффекты

Масштаб распространения добровольных соглашений превзошёл первоначальные прогнозы. Если в марте 2024 года механизм охватывал лишь 34 региона и около 2 200 участников, то к июлю 2025 года в него были вовлечены уже 70 субъектов и почти 15 тыс. организаций, включая производителей и торговые сети. Столь быстрая экспансия объясняется не только административным стимулированием со стороны региональных властей, но и рациональным расчётом самих ритейлеров. Для крупных сетей участие в соглашении стало способом публично подтвердить социальную ответственность и одновременно застраховаться от более жёстких форм регулирования, которые могли последовать в случае отказа от добровольного самоограничения.

Ключевая метрика ФАС, а именно средняя розничная наценка на продукты первой необходимости в федеральных сетях, снизилась с 22,2% в 2021 году до 4,7% в 2025-м. Однако этот показатель требует осторожной интерпретации. Во-первых, он относится только к товарам, подпадающим под соглашения, и не отражает общей маржинальности розничного бизнеса. Во-вторых, снижение наценки в крупных сетях может быть отчасти компенсировано пересмотром оптовых цен поставщиками. Если производитель поднимает отпускную цену на 5–7%, итоговая розничная цена может остаться неизменной или даже вырасти при формально сокращённой наценке. Крупнейшие игроки (X5 Group, «Магнит», «Ашан») зафиксировали обязательства по удержанию надбавок в пределах 5–10%. Сравнение инфляционных трендов подтверждает эффект: в первом полугодии 2025 года средний индекс потребительских цен в регионах-участниках составил 8,7%, тогда как в неприсоединившихся регионах он достиг 14,8%. Локальные кейсы (Забайкальский край, Кузбасс) демонстрируют стабилизацию цен на яйца и другие товары после подписания меморандумов с региональными сетями.

Вместе с тем разрыв в 6,1 процентных пункта не может быть полностью приписан действию соглашений. Регионы, не присоединившиеся к механизму, представляют собой в значительной степени удалённые и логистически сложные территории, такие как Чукотка, Камчатка, отдельные районы Крайнего Севера, где цены объективно выше из-за транспортных издержек и ограниченной конкуренции. Соответственно, мы имеем дело с эффектом самоотбора: соглашения заключались прежде всего там, где инфляционное давление и так было умереннее, а конкурентная среда являлась более развитой. Это ограничивает возможность прямой каузальной интерпретации разрыва как исключительного результата политики.

2. Номинальная жесткость цен как фундаментальное ограничение

Первый блок теоретических ограничений связан с феноменом номинальной жесткости цен, который был детально исследован А. В. Божечковой и А. С. Евсеевым (2020) на микроданных московской онлайн-торговли. Авторы показали, что розничные цены в российской экономике меняются относительно редко, в среднем раз в 2–3 месяца, причём длительность ценового «заклинания» существенно варьируется между товарными группами. Для социально значимых товаров (хлеб, молоко, яйца) характерна более высокая частота пересмотра цен из-за

зависимости от сезонных колебаний сырья, но одновременно с этим присутствует большая политическая чувствительность, заставляющая ритейлеров воздерживаться от резких повышений.

Обязательство «не повышать» цену в рамках соглашения может быть избыточным в краткосрочном периоде, поскольку цена и так не пересматривалась бы из-за издержек меню. Однако в среднесрочной перспективе та же жесткость создаёт проблему асимметричной подстройки. Когда издержки ритейлера объективно растут (например, из-за удорожания логистики или ослабления рубля), а розничная цена зафиксирована соглашением, компания оказывается перед выбором: нести убытки по данной товарной позиции либо искать способы компенсации. Исследования Божечковой и Евсеева указывают, что в подобных ситуациях ритейлеры прибегают к ассортиментным манипуляциям. Они сокращают глубину предложения регулируемых товаров, замещают их более маржинальными позициями либо перекладывают издержки на товары, не охваченные соглашениями. В литературе это описывается как эффект «водяной кровати», когда снижение цены в одном сегменте компенсируется повышением в другом.

Для конечного потребителя это означает, что экономия от ограниченной наценки на социально значимые товары может быть полностью нивелирована удорожанием других продуктов в той же потребительской корзине. Проверить эту гипотезу на российских данных пока затруднительно из-за отсутствия публично доступной микроданной статистики по всей товарной номенклатуре. Косвенным свидетельством служит сохранение общего индекса продовольственной инфляции на уровне выше целевого, несмотря на все соглашения.

3. Межрегиональная ценовая дифференциация и проблема имитационного поведения

Второе ограничение обусловлено межрегиональной ценовой дифференциацией, проанализированной Ю. Н. Перевышиным, С. Г. Синельниковым-Мурылевым и П. В. Трунины (2017). В своём исследовании они разложили наблюдаемый разброс цен между российскими регионами на составляющие, а именно: логистические издержки, уровень доходов населения, степень концентрации розничного рынка и интенсивность межрегиональной торговли. Ключевой вывод состоял в том, что даже после контроля транспортных затрат остаётся значительный «остаток», представляющий собой ценовую премию, связанную с низкой плотностью населения и слабой конкуренцией на локальных рынках. Иными словами, единого российского рынка продовольствия не существует. В реальности есть совокупность региональных рынков с ограниченным арбитражем между ними.

Постановление №662, делегируя заключение соглашений на уровень региона, эту фрагментацию не устраняет, а в определённом смысле консервирует. Ритейлер, взявший на себя обязательство о предельной наценке в регионе с низкой покупательной способностью населения (например, в депрессивных районах Сибири или Северного Кавказа), лишается возможности компенсировать потери за счёт более высокой маржинальности на платёжеспособных рынках, поскольку механика соглашений носит строго территориальный характер. Более того, запрет на сокращение производства или реализации, зафиксированный в пункте 2г Общих исключений, блокирует легальный выход с невыгодного рынка. В результате у хозяйствующих субъектов формируется рациональная стратегия имитационного присоединения. Они формально подписывают меморандум, фиксируя наценку на узкий перечень товаров, но одновременно сокращают физическое присутствие этих товаров на полке и перенаправляют дешёвый ассортимент в несвязанные обязательствами регионы с более высокой маржинальностью. Проверить масштаб такого перетока крайне сложно, однако отрывочные данные региональных УФАС за 2025 год фиксируют жалобы на

«исчезновение» отдельных позиций социально значимых товаров из ассортимента магазинов, присоединившихся к соглашениям.

4. Институциональная эволюция: от антикризисной меры к постоянному инструменту

Институциональная динамика также показательна. В ноябре 2024 года Правительство РФ расширило сферу действия постановления, допустив соглашения по любым товарам, кроме регулируемых государством. Это усилило гибкость инструмента, но одновременно размыло его целевую социальную направленность. Первоначальная логика постановления была привязана к конкретному перечню из 24 социально значимых товаров, что задавало чёткие границы применения и позволяло оценивать результативность. Расширение на любые товары превращает механизм в универсальный инструмент региональной ценовой политики, что чревато его девальвацией. Если соглашениями охвачены тысячи товарных позиций, мониторить реальное соблюдение обязательств становится невозможно ни для ФАС, ни для общественности.

Выявилась и техническая проблема: законодатели не определили базу для расчёта надбавки, то есть не уточнили, какой именно показатель брать за основу, оптовую или отпускную цену производителя. Из-за этого Минэкономики отклонило инициативу об обязательном указании наценки на ценниках. Этот, казалось бы, процедурный момент имеет содержательные последствия. Если надбавка считается от оптовой цены, ритейлер может влиять на базу расчёта через аффилированных посредников. Если же за основу берётся отпускная цена производителя, то возникает вопрос о том, как её верифицировать в условиях, когда производитель и ритейлер являются частными компаниями и не обязаны раскрывать коммерческую информацию. Отсутствие единой методологии расчёта делает показатели ФАС о «средней наценке» трудносопоставимыми как между регионами, так и во времени.

Приближавшееся истечение трёхлетнего срока в мае 2026 года привело к Постановлению №1577, продлившему практику до конца 2029 года. Сам факт продления, причём не на один-два года, а сразу до 2029 года, заслуживает отдельного комментария. Это решение сигнализирует о том, что механизм из временной антикризисной меры трансформировался в элемент постоянного регуляторного ландшафта. Такой переход несёт два риска. Во-первых, ритейлеры адаптируют свои бизнес-модели к новым правилам, находя долгосрочные способы обхода ограничений через ассортиментные сдвиги, переупаковку товаров, изменение каналов поставок. Во-вторых, постоянное присутствие административного каркаса консервирует ожидания того, что цены должны сдерживаться не конкуренцией, а соглашениями с властью, а это подрывает стимулы к развитию нормальных рыночных механизмов. По существу, за три года механизм не создал самоподдерживающихся рыночных стимулов к сдерживанию цен и по-прежнему требует административного каркаса.

5. Уроки зарубежного опыта: асимметрия переноса шоков и рыночная власть сетей

Зарубежный опыт позволяет критически оценить российскую практику с более широких позиций. Исследование Ferrucci и соавторов (2012) о переносе цен на продовольствие в Еврозоне предостерегает от упрощённого подхода. Авторы выявили выраженную асимметрию трансмиссии шоков: розничные цены значительно быстрее растут вслед за повышением оптовых издержек, чем снижаются при их уменьшении. Эта асимметрия имеет под собой микроэкономические основания. В условиях несовершенной конкуренции ритейлеры используют периоды роста издержек как возможность повысить маржинальность, тогда как при падении издержек конкурентное давление заставляет снижать цены лишь частично. Для России это означает, что фиксация наценки, привязанной к закупочной цене, не гарантирует стабильности конечной розничной цены.

Рост оптовых издержек автоматически транслируется в розницу даже при неизменной процентной надбавке. Более того, если соглашение стимулирует ритейлера удерживать наценку на минимальном уровне в фазе роста издержек, у него не формируется «жировой запас» для снижения цен в фазе их падения, что делает всю конструкцию асимметричной в сторону инфляции.

Karadi и соавторы (2023), сопоставившие сканерные данные супермаркетов США и Европы, показали, что частота пересмотра цен критически зависит от рыночной власти сети. Крупные ритейлеры, выступая олигопсонистами на рынке закупок, способны диктовать условия поставщикам. Они чаще пересматривают цены, быстрее реагируют на шоки и могут позволить себе временное сжатие маржинальности за счёт давления на закупочные цены. Мелкие же сети и независимые магазины, напротив, являются ценополучателями как на оптовом, так и на розничном рынках, и для них фиксация наценки напрямую угрожает рентабельности. В российском контексте это создаёт структурные предпосылки для антиконкурентного передела рынка. Для крупных федеральных сетей добровольное соглашение становится инструментом легализации своей рыночной власти и давления на менее крупных конкурентов, которые, присоединяясь к соглашению, рискуют рентабельностью, а отказываясь, попадают под неформальное административное давление и репутационные издержки. Таким образом, механизм, задуманный как проконкурентный (добровольность, открытость, отсутствие дискриминации), на практике может усиливать концентрацию розничного рынка.

Заключение

Проведённый ретроспективный анализ показывает, что Постановление №662 за три года прошло путь от экспериментальной нормы до институционализированного инструмента. Количественные индикаторы, среди которых рост участников до 15 тыс., снижение средних наценок до 4,7% и выраженный разрыв в инфляции между регионами-участниками и аутсайдерами, свидетельствуют о тактической результативности. Однако стратегическая эффективность ограничена фундаментальными факторами ценовой динамики: номинальной жесткостью, межрегиональной фрагментацией и асимметрией переноса шоков. Добавление к этому перечню институциональных рисков (размывания критериев, методологической неопределённости и проконкурентной ловушки) рисует более сложную картину, в которой тактические успехи могут быть оплачены долгосрочными деформациями рыночной структуры. Продление срока до 2029 года и расширение товарного охвата отражают признание государством невозможности быстрого демонтажа этого квазирегуляторного каркаса. Дальнейшее развитие механизма потребует не столько административного масштабирования, сколько адресной настройки, прежде всего в части устранения межрегиональных логистических барьеров и выравнивания условий конкуренции между федеральными и локальными игроками. Перспективным направлением могла бы стать дифференциация обязательств в зависимости от рыночной доли ритейлера в регионе, а также обязательная публикация агрегированной статистики о реальных полочных ценах для независимого мониторинга эффектов.

Список используемой литературы:

1. Божечкова А. В., Евсеев А. С. Анализ жесткости цен в розничной онлайн-торговле Москвы // Экономическая политика. – 2020. – Т. 15, № 5. – С. 32–59.
2. Перевышин Ю. Н., Синельников-Мурылев С. Г., Трунин П. В. Факторы дифференциации цен в российских регионах // Экономический журнал ВШЭ. – 2017. – Т. 21, № 3. – С. 361–384.
3. Ferrucci G., Jiménez-Rodríguez R., Onorante L. Food price pass-through in the euro area: Non-linearities and the role of the Common Agricultural Policy // International Journal of Central Banking. – 2012. – Vol. 8, No. 1. – P. 179–204.
4. Karadi P., Amann J., Sánchez Bachiller J., Seiler P., Wursten J. Price setting on the two sides of the Atlantic: Evidence from supermarket scanner data // Journal of Monetary Economics. – 2023. – Vol. 140. – P. 1–17.

Психологические признаки кризиса молодой семьи
Psychological signs of a crisis in a young family

Чикаловец Мария Николаевна
Специалист
Тихоокеанский государственный медицинский университет
Россия, г. Владивосток
e-mail: joan.mary86@mail.ru

Chikalovets Maria Nikolaevna
Pacific State Medical University
Russia, Vladivostok
e-mail: joan.mary86@mail.ru

Научный руководитель
Ильина Ирина Сергеевна
Старший преподаватель кафедры общепсихологических дисциплин факультета общественного здоровья
Тихоокеанский государственный медицинский университет
Россия, г. Владивосток
e-mail: ilina-irina1990@mail.ru

Scientific adviser
Ilyina Irina Sergeevna
Senior Lecturer, Department of General Psychology, School of Public Health
Pacific State Medical University
Russia, Vladivostok
e-mail: ilina-irina1990@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию психологических признаков кризиса молодой семьи. В эмпирическом исследовании с участием 31 супружеской пары (возраст супругов 22-30 лет, стаж брака 1-5 лет) применялись методика оценки удовлетворенности браком (Ю.Е. Алешина, Л.Я. Гозман, Е.М. Дубовская), тест «Характер взаимодействия супругов в конфликтных ситуациях» (Ю.Е. Алешина, Л.Я. Гозман), шкала семейной адаптации и сплоченности FACES (Д.Х. Олсон в адаптации Э.Г. Эйдемиллера, А.Г. Лидерса, М.Ю. Городновой), опросник «Ролевые ожидания и притязания в браке» (А.Н. Волкова) и авторская анкета. Статистический анализ с использованием U-критерия Манна-Уитни выявил значимые различия между респондентами, удовлетворенными и не удовлетворенными браком, по показателям стремления к автономии, нарушения ролевых ожиданий, реальной семейной сплоченности и индекса неудовлетворенности. Качественный анализ позволил выделить три группы пар: без выраженных признаков кризиса, с выраженными признаками и с частичными (асимметричными) признаками кризиса. Результаты имеют практическую значимость для разработки программ психологической помощи молодым семьям

Annotation

This article examines the psychological indicators of crisis in young families. In an empirical study involving 31 married couples (spouses aged 22–30, married for 1–5 years), the authors used a marital satisfaction assessment scale (Y.E. Aleshina, L. Ya. Gozman, E. M. Dubovskaya), the “Nature of Spousal Interaction in Conflict Situations” test (Yu. E. Aleshina, L. Ya. Gozman), the FACES Scale of Family Adaptation and Cohesion (D. H. Olson, adapted by E. G. Eidmiller, A. G. Leaders, and M. Yu. Gorodnova), the “Role Expectations and Demands in Marriage” questionnaire (A.N. Volkova), and an original questionnaire. Statistical analysis using the Mann-Whitney U test revealed significant differences between respondents who were satisfied and those who were dissatisfied with their marriage in terms of the desire for autonomy, violations of role expectations, actual family cohesion, and the dissatisfaction index. Qualitative analysis allowed us to identify three groups of couples: those without pronounced signs of crisis, those with pronounced signs, and those with partial (asymmetrical) signs of crisis. The results have practical significance for the development of psychological support programs for young families

Ключевые слова: молодая семья, семейный кризис, удовлетворенность браком, психологические признаки кризиса, семейная сплоченность, ролевые ожидания, конфликтное взаимодействие, психологическая адаптация.

Key words: young family, family crisis, marital satisfaction, psychological signs of crisis, family cohesion, role expectations, conflictual interaction, psychological adaptation.

Современная семья переживает трансформацию, обусловленную изменениями в социально-экономической сфере, что особенно остро отражается на молодых семьях, находящихся на этапе становления. Период молодой семьи характеризуется активным освоением супругами новых социальных ролей, выработкой совместных правил и норм взаимодействия, формированием эмоциональной близости и согласованием ценностных ориентаций [5]. Именно в первые годы брака закладываются основы будущего семейного благополучия, однако именно этот этап сопряжен с наибольшим числом кризисных проявлений. Согласно статистическим данным, до 70% браков распадаются на этапе молодой семьи, а наибольшее число разводов приходится на браки со стажем от 3 до 5 лет, что актуализирует необходимость глубокого психологического анализа причин и механизмов кризисных явлений в молодых семьях.

Феномен семейного кризиса в психологической науке рассматривается как состояние семейной системы, характеризующееся нарушением гомеостатических процессов, фрустрацией привычных способов функционирования и невозможностью справиться с новой ситуацией, используя старые модели поведения [7]. Кризис в молодой семье приобретает особое звучание, поскольку он разворачивается на фоне незавершенности процессов адаптации и несформированности устойчивых паттернов взаимодействия. Для молодой семьи характерны два нормативных кризиса: принятие на себя супружеских ролей и рождение первого ребенка [6]. Психологическое содержание первого кризиса включает разочарование в партнере, связанное с процессом деидеализации, сложности в построении отношений с родительскими семьями, несовпадение ценностных иерархий, трудности становления ролевой структуры и материальные затруднения [1]. Второй кризис обусловлен необходимостью освоения родительских ролей, изменением ролевой структуры семьи и перераспределением эмоциональных и временных ресурсов [4].

В зарубежной психологии значительный вклад в изучение семейных кризисов внесли В. Сатир, выделившая десять критических точек жизненного цикла семьи [8], С. Плезак, описавший два критических периода в развитии супружеских отношений (между третьим и седьмым годом брака и между семнадцатым и двадцать пятым годом), а также Дж. Хейли и М. Эриксон, подчеркивавшие роль целей и мотивов вступления в брак для последующего функционирования семьи [7]. Важным вкладом в понимание семейной динамики стала циркулярная модель Д.Х. Олсона, рассматривающая семью через параметры сплоченности и адаптации [12]. М. Мак-Голдрик выделила факторы, осложняющие адаптацию в молодой семье: заключение брака вскоре после утраты значимого человека, возраст супругов (до 20 или после 30 лет), беременность до свадьбы или в течение первого года замужества, а также наличие несчастливого детства у одного из супругов [6].

В отечественной психологии проблемы молодой семьи рассматривались в работах А.Я. Варги, Т.В. Андреевой, Ю.Е. Алешиной, Э.Г. Эйдемиллера и других исследователей. А.Я. Варга подчеркивала значение семейной системы как целостного образования, где изменения в одном элементе влекут трансформацию всей системы [11]. Т.В. Андреева отмечала свойственную молодым супругам идеализацию семейной жизни, проявляющуюся в ожидании удовлетворения потребностей в духовном росте и самосовершенствовании [1]. Э.Г. Эйдемиллер и В.П. Юстицкис разработали концепцию семейной адаптации, включающую параметры сплоченности и гибкости, которые легли в основу диагностического инструментария [10]. Ю.Е. Алешина выделила основные проблемы молодых семей, включая конфликты, связанные с распределением супружеских ролей и обязанностей, различия во взглядах на семейную жизнь, сложности взаимоотношений с родительскими семьями, проблемы власти и влияния, а также дефицит близости и доверия [2].

На основе теоретического анализа были выделены четыре группы психологических признаков кризиса молодой семьи [5]:

Когнитивный - устойчивый разрыв между ожиданиями и реальностью совместной жизни при наличии завышенных требований к партнеру и снижении удовлетворенности браком;

Коммуникативный - повторяющиеся конфликты по типовым поводам при отсутствии устоявшихся правил и границ взаимодействия;

Эмоциональный - эмоциональная отчужденность при возможной вовлеченности родительских семей в супружеские решения;

Ролевой - нестабильность ролевой структуры, выражающаяся в конкуренции за лидерство и неравноценном распределении обязанностей.

Указанные признаки взаимосвязаны и в совокупности определяют степень выраженности кризисных явлений в молодой семье.

Цель настоящего исследования - выявить и описать выраженность психологических признаков кризиса молодой семьи у супругов с разной степенью удовлетворенности браком. Гипотеза: проявления когнитивных, коммуникативных, эмоциональных и ролевых признаков кризиса значимо отличаются у супругов, удовлетворенных и не удовлетворенных браком, при этом структура этих различий имеет специфический характер, отражающий качественное своеобразие кризисного процесса в молодой семье.

Эмпирическое исследование проводилось с участием 31 супружеской пары г. Владивостока, состоящей в первом официальном браке. Возраст респондентов - от 22 до 30 лет, стаж брака - от 1 до 5 лет. Исследование проводилось заочно с использованием Google-Forms, каждый супруг заполнял методики индивидуально.

Для диагностики психологических признаков кризиса использовались следующие методики: методика оценки удовлетворенности браком (Ю.Е. Алешина, Л.Я. Гозман, Е.М. Дубовская) [2]; тест «Характер взаимодействия супругов в конфликтных ситуациях» (Ю.Е. Алешина, Л.Я. Гозман) [2]; шкала семейной адаптации и сплоченности FACES (Д.Х. Олсон в адаптации Э.Г. Эйдемиллера, А.Г. Лидерса, М.Ю. Городновой) [10, 12]; опросник «Ролевые ожидания и притязания в браке» (А.Н. Волкова) [3]; авторская анкета, включающая 14 вопросов о соответствии ожиданий, типичных конфликтах, распределении обязанностей, участии родственников и субъективном восприятии кризиса [5].

Статистическая обработка проводилась с помощью U-критерия Манна-Уитни для сравнения групп удовлетворенных и неудовлетворенных браком респондентов. Качественный анализ проводился на уровне супружеских пар путем сопоставления индивидуальных ответов мужа и жены.

На основании результатов методики оценки удовлетворенности браком респонденты были разделены на две группы: удовлетворенные браком (46 человек) и не удовлетворенные браком (16 человек). Сравнительный анализ выявил статистически значимые различия (см. таблицы 1, 2).

Таблица 1.

Значимые различия по шкалам конфликтного взаимодействия.

Шкала	Значения суммы критерия Манна-Уитни, U	Значение верхних критических точек, Z	Уровень значимости
Стремление к автономии	233,5	2,179	0,029
Нарушение ролевых ожиданий	237,0	2,115	0,034

В семьях, где супруги удовлетворены браком, автономия партнера не воспринимается как угроза близости. С психологической точки зрения, здесь реализуется здоровая дифференциация - способность

сохранять эмоциональную связь, не растворяясь в партнере и не требуя от него полного слияния [11]. Супруги в таких семьях демонстрируют сформированную психологическую сепарацию - они способны выстраивать личные границы, уважать границы другого и при этом сохранять эмоциональную интимность. Автономия воспринимается не как отдаление, а как условие полноценного существования каждого из супругов, что в конечном счете обогащает совместную жизнь. Это соответствует представлениям Э. Эриксона о достижении интимности как способности отдавать себя другому без страха потерять собственную идентичность. В таких парах работает механизм интеграции - соединения двух автономных личностей в единую систему без утраты индивидуальности.

В семьях, где супруги не удовлетворены браком, стремление партнера к самостоятельности переживается как отдаление, недостаток внимания, равнодушие или нежелание учитывать интересы семьи [7]. Здесь наблюдается феномен симбиотической зависимости - один или оба супруга воспринимают другого как продолжение себя и не способны выдерживать его отдельность.

Реакция на автономию проявляется через: контролирующее поведение (попытка ограничить партнера, проверять его действия, требовать отчета о времяпрепровождении, что отражает высокий уровень тревожности и страх потери объекта привязанности); эмоциональное давление (выражение недовольства, обиды, попытки вызвать чувство вины у партнера за его самостоятельность, что является проявлением манипулятивных стратегий); проекцию собственной неуверенности (партнер, не уверенный в ценности отношений, проецирует свою неуверенность на поведение супруга, интерпретируя его автономию как признак нелюбви или неверности) [1].

С психоаналитической точки зрения, такая реакция может быть связана с нарциссической травмой - восприятие отдельности партнера актуализирует глубинные страхи покинутости, что ведет к регрессии и попыткам восстановить симбиотическое единство любой ценой [7]. Показатель автономии отражает одну из важнейших сторон коммуникативного признака кризиса молодой семьи - трудность признания личных границ партнера при сохранении супружеской близости. Неспособность выдерживать автономию другого является маркером эмоциональной незрелости и несформированности психологических границ, что в условиях молодой семьи, где эти границы только формируются, становится мощным дестабилизирующим фактором [5].

Шкала «Нарушение ролевых ожиданий» отражает конфликты, возникающие из-за несоответствия реального поведения партнера субъективным представлениям супруга о том, как должны распределяться семейные роли и обязанности [3]. Статистически значимые различия ($U = 237{,}0$; $p = 0{,}034$) свидетельствуют о том, что в неблагополучных семьях рассогласование ролевых ожиданий становится хроническим источником напряжения.

В удовлетворенных браках супруги демонстрируют ролевую гибкость - способность пересматривать свои представления о семейных ролях в процессе совместной жизни [11]. Это проявляется в том, что супруги способны принимать тот факт, что реальное поведение партнера может отличаться от изначальных ожиданий, и не воспринимают это как катастрофу. Возникающие расхождения становятся поводом для диалога, а не для конфликта. Супруги обсуждают обязанности, договариваются о распределении бытовой нагрузки, пересматривают договоренности по мере изменения обстоятельств. Разное представление о семейных ролях воспринимается как норма, а не как нарушение некоего «правильного» порядка [2].

С психологической точки зрения, здесь работает механизм когнитивной гибкости - способность пересматривать свои установки и представления под влиянием нового опыта. Встречаясь с несовпадением ожиданий и реальности, супруги не фиксируются на фрустрации, а используют ее как импульс для пересмотра ролевых представлений и выработки новых, более адекватных моделей взаимодействия [1].

В неудовлетворенных браках нарушение ролевых ожиданий выступает мощным источником конфликтов по нескольким причинам. Супруги обладают жесткими, негибкими представлениями о том, «как должно быть», и любое отклонение воспринимается как нарушение справедливости или доказательство нелюбви партнера [3]. Многие ожидания остаются имплицитными, непроговоренными, что создает почву для взаимных претензий. Партнер оказывается в ситуации, когда он должен угадать, что от него хотят, но не может этого сделать. Столкновение ролевых представлений, сформированных в разных родительских семьях. Каждый супруг приносит в брак модель «нормальной семьи», усвоенную в детстве, и эти модели могут существенно различаться (например, представление о том, должен ли муж помогать по дому или каким должно быть распределение финансовых обязательств) [7]. Также для многих супругов выполнение определенных ролевых функций становится символическим доказательством любви и привязанности. Например, желание жены, чтобы муж сам инициировал помощь по дому, может быть связано не только с практическими соображениями, но и с потребностью чувствовать себя значимой, любимой и ценной [1].

Нарушение ролевых ожиданий становится значимой конфликтной сферой не столько из-за самих разногласий, сколько из-за неспособности супругов гибко пересматривать свои представления и договариваться о новых формах взаимодействия [11]. Это отражает недостаточность коммуникативных навыков и эмоционального интеллекта - способности распознавать, понимать и управлять своими и чужими эмоциями в ситуации ролевых противоречий [2].

Таблица 2.

Значимые различия по показателям семейной адаптации и сплоченности.

Шкала	Значения суммы критерия Манна-Уитни, U	Значение верхних критических точек, Z	Уровень значимости
Реальная сплоченность	128,5	3,87	< 0,001
Индекс неудовлетворенности	135,5	3,75	< 0,001

Респонденты, удовлетворенные браком, оценивают свои отношения как более близкие и доверительные [10]. Индекс неудовлетворенности (расхождение между реальным и идеальным образом семьи) значимо выше у неудовлетворенных, что свидетельствует о переживании несоответствия семейной жизни ожиданиям [12].

Качественный анализ ответов на вопросы анкеты позволил выделить три группы пар: без выраженных признаков кризиса (13 пар), с выраженными признаками кризиса (6 пар) и с частичными (асимметричными) признаками кризиса (12 пар) [5].

В парах без выраженных признаков кризиса оба супруга удовлетворены браком, трудности носят ситуативный характер и решаются через обсуждение, эмоциональная поддержка сохраняется, обязанности распределены согласованно, границы с родительскими семьями четкие [2]. В парах с выраженными признаками кризиса оба супруга неудовлетворены, отмечают кризис, наблюдается разрыв ожиданий и реальности, конфликты повторяются и не разрешаются конструктивно, эмоциональная отчужденность, неравномерное

распределение обязанностей, размытые границы с родственниками [7]. В парах с частичными (асимметричными) признаками кризиса один из супругов удовлетворен, другой - нет, оценки семейной ситуации расходятся, конфликты цикличны, завершаются уступкой или избеганием, эмоциональное неблагополучие переживается по-разному, присутствует несогласованность ролевых представлений [1].

Проведенное исследование показало, что психологические признаки кризиса молодой семьи наиболее отчетливо проявляются в коммуникативной и эмоциональной сферах. Трудности принятия автономии партнера и нарушения ролевых ожиданий выступают ключевыми конфликтогенными зонами. Это согласуется с данными о том, что в молодых семьях часто возникает напряжение из-за несогласованности личных границ и представлений о распределении ответственности [7, 11].

Снижение реальной сплоченности и высокий индекс неудовлетворенности указывают на то, что эмоциональный компонент кризиса связан не только с текущими трудностями, но и с ощущением несоответствия семейной жизни желаемому образу. Подобный разрыв характерен для этапа трансформации, когда первоначальная идеализация партнера сталкивается с бытовой реальностью [9]. С психологической точки зрения, данный феномен отражает переход от стадии симбиотической близости, характерной для периода влюбленности, к более дифференцированным отношениям. Если этот переход сопровождается значительным снижением близости без формирования новых способов эмоционального контакта, возникает риск эмоционального разрыва [11].

Отсутствие прямых различий по ролевым ожиданиям и притязаниям позволяет предположить, что ролевой признак проявляется не столько в самих установках, сколько в способности супругов договариваться и адаптировать эти ожидания к совместной жизни [3]. Это подтверждается качественными данными: в асимметричных парах конфликты возникают из-за несогласованности представлений о том, кто и за что отвечает [5]. Полученный результат имеет важное психологическое значение: наличие определенных ролевых ожиданий само по себе не обязательно приводит к кризису. Напряжение возникает тогда, когда ожидания не проговариваются, не согласуются или сталкиваются с реальным поведением партнера [2].

Качественное деление пар на три группы показывает, что кризисные признаки редко проявляются изолированно. Их сочетание - разрыв ожиданий, повторяемость конфликтов, эмоциональная дистанция, ролевой дисбаланс - является маркером выраженного кризиса [7]. В парах с асимметрией восприятия трудности усугубляются тем, что один из супругов не признает проблемы, что препятствует совместному поиску решений [1]. С психологической точки зрения, данная асимметрия может быть связана с различной степенью осознанности, различными копинг-стратегиями или несовпадением этапов личностного развития супругов [5].

Проведенное исследование позволило выявить и описать психологические признаки кризиса молодой семьи. Когнитивный признак выражается в снижении удовлетворенности браком и расхождении ожиданий с реальностью; коммуникативный - в конфликтах, связанных с автономией и ролевыми ожиданиями; эмоциональный - в ослаблении сплоченности и неудовлетворенности семейной системой; ролевой - в трудностях согласования обязанностей и принятия решений [2, 5, 7]. Гипотеза о различиях между удовлетворенными и неудовлетворенными браком супругами подтвердилась частично: наиболее значимые различия зафиксированы по коммуникативному и эмоциональному признакам. Ролевой признак проявился опосредованно, через конфликтное взаимодействие и качественные ответы респондентов.

Практическая значимость результатов заключается в возможности использования их для разработки профилактических и коррекционных программ, направленных на обучение молодых супругов навыкам эффективной коммуникации, согласования ожиданий, укрепления эмоциональной близости и формирования гибкой ролевой структуры [11]. Особого внимания заслуживают пары с асимметричным восприятием семейной

ситуации, где необходима работа по выравниванию представлений супругов о проблемах и способах их решения [5]. Психологическая помощь молодым семьям должна быть направлена на развитие навыков общения, обсуждение обязанностей, принятие личных границ партнера и укрепление эмоциональной близости [7]. Перспективным направлением дальнейших исследований является изучение динамики кризисных проявлений в молодой семье в зависимости от личностных особенностей супругов и их совладающего поведения [1, 11].

Список используемой литературы:

Агапова Ю.Ю. Причины и факторы семейных кризисов в молодых семьях // Вестник науки. - 2019. - Т. 2, № 12(21). - С. 9-15.

Алешина Ю.А., Гозман Л.Я., Дубовская Е.М. Социально-психологические методы исследования супружеских отношений : спецпрактикум по социальной психологии. - М. : Изд-во МГУ, 1987. - 120 с.

Волкова А.Н. Социально-психологические факторы супружеской совместимости : дис. … канд. психол. наук. - М., 1979. - 198 с.

Гереева З.М., Шарбузова Х.З., Халилова А.А. Психологические особенности супружеских отношений в период кризиса // Мировая наука. - 2018. - № 3(12). - С. 43-46.

Горбач К.П., Капустина Т.В. Психологические признаки кризиса молодой семьи // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. - 2019. - № 8. - С. 7-12.

Котельникова Ю.С. Психологическая характеристика нормативных кризисов супружеских отношений в молодой семье // Наука и образование сегодня. - 2018. - № 5(28). - С. 112-116.

Олифрович Н.И., Зинкевич-Куземкина Т.А., Велента Т.Ф. Психология семейных кризисов. - СПб. : Речь, 2006. - 260 с.

Сатир В. Вы и ваша семья / пер. с англ. - М. : Институт общегуманитарных исследований, 2007. - 279 с.

Сафина Н.Х. Особенности супружеских отношений на различных этапах становления молодой семьи // Психология и психотехника. - 2015. - № 2. - С. 145-153.

Эйдемиллер Э.Г., Добряков И.В., Никольская И.М. Семейный диагноз и семейная психотерапия. - СПб. : Речь, 2003. - 336 с.

Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В.П. Психология и психотерапия семьи. - 4-е изд. - СПб. : Питер, 2008. - 672 с.

Olson D.H., Portner J., Lavee Y. FACES III: Family Adaptability and Cohesion Evaluation Scales. - St. Paul, MN : University of Minnesota, 1985. - 52 p.

ОТНОШЕНИЕ К СМЕРТИ У УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

ATTITUDE TO DEATH AMONG COMBATANTS

Жуков Дмитрий Александрович
студент специалитета,
Тихоокеанский государственный медицинский университет, Россия, г. Владивосток
E-mail: zhukov2003@gmail.com

Zhukov Dmitriy Aleksandrovich
Specialist degree student,
Pacific State Medical University, Russia, Vladivostok
E-mail: zhukov2003@gmail.com

Аннотация.
В статье рассматриваются особенности отношения к смерти у участников боевых действий. Актуальность темы определяется тем, что боевой опыт связан с непосредственной угрозой жизни, переживанием потерь, ранений, морально сложных ситуаций и длительным психологическим напряжением. Теоретической основой исследования выступает теория отношений В.Н. Мясищева, позволяющая рассматривать отношение к смерти как систему когнитивных представлений, эмоциональных переживаний и поведенческих реакций личности. Эмпирическую базу составили данные исследования 100 мужчин в возрасте от 22 до 48 лет: 50 участников боевых действий и 50 респондентов без боевого опыта. Применялись авторская анкета, тест смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева, опросник временной перспективы Ф. Зимбардо, опросник «Отношение к смерти» в адаптации Т.А. Гавриловой и шкала оценки влияния травматического события Н.В. Тарабриной. Полученные результаты позволяют описать отношение к смерти у участников боевых действий как личностно значимое, эмоционально напряженное и защитно-амбивалентное.

Annotation.
The article examines the characteristics of attitudes toward death among combatants. The relevance of the topic is determined by the fact that combat experience is associated with a direct threat to life, losses, injuries, morally complex situations and prolonged psychological tension. The theoretical basis of the study is V.N. Myasishchev's theory of relations, which makes it possible to consider the attitude to death as a system of cognitive representations, emotional experiences and behavioral reactions of the personality. The empirical base included data from 100 men aged 22 to 48 years: 50 combatants and 50 respondents without combat experience. The study used an author questionnaire, D.A. Leontiev's Purpose-in-Life Test, F. Zimbardo's Time Perspective Inventory, the Death Attitude Profile in T.A. Gavrilova's adaptation, and N.V. Tarabrina's Impact of Event Scale. The results allow us to describe the attitude toward death among combatants as personally significant, emotionally tense and defensively ambivalent.

Ключевые слова: отношение к смерти, участники боевых действий, страх смерти, посттравматические переживания, временная перспектива, смысложизненные ориентации, военная психология.

Keywords: attitude to death, combatants, death fear, post-traumatic experiences, time perspective, life-meaning orientations, military psychology.

Введение

Проблема отношения к смерти занимает особое место в клинической, социальной и военной психологии, поскольку смерть выступает не только биологическим завершением жизни, но и значимым объектом переживания и осмысления. Для большинства людей тема смерти может длительное время оставаться отвлеченной и связанной преимущественно с культурными, религиозными или семейными представлениями. У участников боевых действий ситуация принципиально иная: смерть становится не абстрактной категорией, а реальностью, с которой человек сталкивается через угрозу собственной жизни, гибель сослуживцев, ранения, контузии, наблюдение разрушений и необходимость действовать в условиях высокого риска.

Актуальность исследования определяется расширением круга лиц, имеющих опыт участия в боевых действиях, а также практической необходимостью психологического сопровождения и реабилитации данной группы. В современной литературе достаточно подробно изучены боевой стресс, посттравматические переживания, моральная травма, нарушения адаптации и изменения личности после экстремального опыта [3; 5; 6; 10]. Вместе с тем отношение к смерти как самостоятельный психологический феномен чаще рассматривается через отдельные показатели: страх смерти, тревогу ожидания смерти, избегание данной темы или разные

формы принятия смерти [2; 11]. Для участников боевых действий такой подход нуждается в уточнении, поскольку их отношение к смерти формируется на пересечении травматического опыта, ценностно-смысловой переработки и поведенческих способов совладания.

Цель статьи - описать особенности отношения к смерти у участников боевых действий на основе результатов эмпирического исследования, выполненного в рамках курсовой работы. Объектом исследования является отношение к смерти, предметом - отношение к смерти у участников боевых действий. Гипотеза исследования состояла в предположении, что отношение к смерти у участников боевых действий отличается от отношения к смерти у лиц, не имеющих боевого опыта.

Теоретические основания исследования

В отечественной психологии категория отношения получила развернутое обоснование в работах В.Н. Мясищева. Отношение понимается как целостная, избирательная, осознанная и основанная на опыте система связей личности с различными сторонами действительности [9]. Для настоящего исследования предметом анализа становится не сама смерть как биологическое явление, а то, какие представления, переживания и способы поведения возникают у человека в связи с осознанием конечности жизни.

В структуре отношения к смерти выделяют когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты. Когнитивный компонент включает представления о смерти, ее неизбежности, причинах, последствиях, связи с жизнью и будущим. Эмоциональный компонент выражается в страхе, тревоге, напряжении, принятии, отстранении или попытке смыслового объяснения смерти. Поведенческий компонент проявляется в избегании разговоров и напоминаний о смерти, обращении за помощью, изменении отношения к риску, стремлении контролировать обстоятельства или, напротив, дистанцироваться от травмирующей темы.

Участие в боевых действиях создает особые условия формирования отношения к смерти. Военная психология рассматривает боевой стресс как многоуровневый процесс мобилизации организма и личности в ситуации опасности, неопределенности, дефицита времени и высокой ответственности [5]. Если воздействие боевых стрессоров оказывается чрезмерным или длительным, возможно формирование посттравматических переживаний, нарушений адаптации и изменений системы отношений личности [6]. Поэтому отношение к смерти у участника боевых действий формируется не в нейтральной среде, а в условиях, где тема смерти связана с реальным опытом угрозы, потерь и морально сложных решений.

Таким образом, отношение к смерти у участников боевых действий следует рассматривать как многокомпонентный и внутренне противоречивый феномен. В нем могут одновременно присутствовать страх, избегание, стремление к контролю, смысловая переработка смерти, изменение отношения к будущему и сохранение посттравматических переживаний. Именно такая логика легла в основу эмпирического исследования.

Материалы и методы исследования

Эмпирическое исследование было организовано как сравнительное. В исследовании приняли участие 100 мужчин в возрасте от 22 до 48 лет. Экспериментальную группу составили 50 военнослужащих, имеющих опыт участия в боевых действиях; группу сравнения – 50 военнослужащих без боевого опыта. Деление выборки осуществлялось на основании ответа на вопрос анкеты о факте участия в боевых действиях. Средний возраст участников экспериментальной группы составил 37,26 ± 6,98 года, группы сравнения - 34,11 ± 6,89 года.

Для сбора данных использовались: анкета, тест смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева, опросник временной перспективы Ф. Зимбардо, опросник «Отношение к смерти» в адаптации Т.А. Гавриловой и шкала оценки влияния травматического события Н.В. Тарабриной [2; 7; 8; 10]. Анкета позволяла уточнить социально-биографические данные, объективные характеристики боевого опыта и субъективную оценку его влияния. Тест

смысложизненных ориентаций применялся для оценки целей, процесса и результативности жизни, а также локуса контроля. Опросник временной перспективы использовался для анализа отношения к прошлому, настоящему и будущему. Опросник «Отношение к смерти» позволял оценить страх смерти, избегание темы смерти и формы принятия смерти. ШОВТС применялась для оценки актуального психологического влияния травматического события: вторжения, избегания и физиологического возбуждения.

Статистическая обработка данных включала описательную статистику, U-критерий Манна - Уитни для сопоставления двух независимых групп и коэффициент ранговой корреляции Спирмена для анализа взаимосвязей между показателями. Выбор непараметрических критериев был обусловлен спецификой распределения показателей и сравнительно ограниченным объемом групп.

Таблица 1 - Характеристики боевого опыта респондентов экспериментальной группы

Показатель	n
Продолжительность участия в боевых действиях: от 1 года до 3 лет	16
Продолжительность участия: от 6 месяцев до 1 года	15
Продолжительность участия: более 3 лет	9
Получали ранения, контузии или иные телесные повреждения	23
Теряли сослуживцев или близких людей в связи с боевыми действиями	32
Непосредственно находились в ситуации угрозы собственной жизни	50
Обращались за психологической, психотерапевтической или психиатрической помощью	15

Данные анкеты показывают, что экспериментальная группа характеризовалась не только формальным наличием боевого опыта, но и высокой насыщенностью пережитых событий. Все участники этой группы находились в ситуации угрозы собственной жизни, почти половина сообщила о ранениях или контузиях, а большинство - о потерях сослуживцев или близких людей. При этом только 15 человек обращались за психологической или психотерапевтической помощью. Такое соотношение позволяет предположить, что у значительной части респондентов переработка опыта угрозы жизни и столкновения со смертью происходила без профессионального сопровождения.

Субъективная оценка последствий боевого опыта также указывает на высокую личностную значимость темы смерти. После участия в боевых действиях 30 респондентов отметили изменение взгляда на жизнь, 32 - изменение отношения к будущему, 33 - изменение восприятия смерти, 38 - изменение отношения к ценности человеческой жизни. Кроме того, 31 респондент указал, что боевой опыт продолжает оказывать влияние на повседневную жизнь. Эти данные свидетельствуют, что смерть и уязвимость жизни стали для большинства участников экспериментальной группы значимыми психологическими темами.

Результаты исследования и их обсуждение

Таблица 2 - Медианные значения по шкалам основных методик в экспериментальной группе и группе сравнения

Показатель	Экспериментальная группа	Группа сравнения
Осмысленность жизни	81,0	79,5
Локус контроля жизни	23,0	21,0
Гедонистическое настоящее	3,17	3,43
Будущее	3,00	3,19
Страх смерти	4,57	3,86
Избегание темы смерти	4,60	4,00
Приближающее принятие смерти	4,45	3,75
Общий показатель ШОВТС	48	15

Анализ медианных значений показывает, что по общему показателю осмысленности жизни различия между группами выражены слабо. Участники боевых действий не демонстрируют резкого снижения осмысленности жизни по сравнению с группой сравнения. Это важно учитывать при интерпретации результатов: боевой опыт в данной выборке не связан с полной утратой смысла жизни, однако меняет отдельные элементы жизненной перспективы и отношения к контролю.

У участников боевых действий выше медианный показатель локуса контроля жизни. Это может отражать усиленную потребность воспринимать себя субъектом происходящего и сохранять внутренний контроль над обстоятельствами. В условиях боевой обстановки способность контролировать ситуацию, быстро принимать решения и сохранять собранность может восприниматься как условие выживания. После завершения участия в боевых действиях такая установка может сохраняться и проявляться в повышенной готовности к самоконтролю и ответственности за происходящее.

Показатели временной перспективы позволяют описать более осторожное отношение участников боевых действий к настоящему и будущему. У них ниже значения гедонистического настоящего и будущего. Это может означать, что настоящее в меньшей степени переживается как пространство свободного удовольствия, а будущее – как полностью открытая и предсказуемая перспектива. После столкновения с угрозой жизни человек может воспринимать время более сдержанно: настоящее требует бдительности, а планы на будущее кажутся менее устойчивыми.

Наиболее отчетливые различия обнаруживаются в сфере непосредственного отношения к смерти и посттравматических переживаний. Участники боевых действий имеют более высокие показатели страха смерти, избегания темы смерти и приближающего принятия смерти. Это сочетание указывает на амбивалентный характер отношения к смерти: смерть одновременно вызывает тревогу, побуждает дистанцироваться от прямого обсуждения и требует смыслового объяснения. Иными словами, смерть воспринимается не только как опасность, но и как событие, которое необходимо включить в личную картину мира.

Таблица 3 - Результаты статистической обработки с использованием U-критерия Манна – Уитни по показателям смысложизненных ориентаций и временной перспективы, отношения к смерти и посттравматических переживаний.

Показатель	Среднее значение: участники боевых действий	Среднее значение: группа сравнения	p

Показатель	Среднее значение: участники боевых действий	Среднее значение: группа сравнения	p
Локус контроля жизни	23,30	21,08	0,011
Гедонистическое настоящее	3,15	3,40	<0,001
Будущее	3,07	3,25	0,006
Фаталистическое настоящее	3,19	3,40	0,012
Страх смерти	4,55	3,70	<0,001
Избегание темы смерти	4,46	3,86	<0,001
Приближающее принятие смерти	4,53	3,91	<0,001
Вторжение	16,18	4,66	<0,001
Избегание переживаний, связанных с травматическим событием	18,62	5,66	<0,001
Физиологическое возбуждение	16,60	4,72	<0,001
Общий показатель влияния травматического события	51,40	15,04	<0,001

Проверка различий с помощью U-критерия Манна - Уитни подтвердила, что между группами существуют статистически значимые различия по ряду показателей. По интегральной осмысленности жизни значимых различий не выявлено, что позволяет говорить о сохранности смысловой сферы у участников боевых действий. Однако статистически значимо выше показатель локуса контроля жизни. Это указывает на то, что участники боевых действий в большей степени склонны воспринимать жизнь как область, на которую можно и нужно влиять. В психологическом плане такая установка может быть одновременно ресурсом и источником напряжения: она поддерживает субъектную позицию, но может усиливать необходимость постоянной готовности и контроля.

Различия по временной перспективе показывают, что у лиц без боевого опыта выше ориентация на удовольствие от настоящего, на будущее и на фаталистическое восприятие настоящего. Участники боевых действий, напротив, демонстрируют более сдержанную временную перспективу. Это может отражать последствия опыта неопределенности и угрозы жизни: будущее переживается менее свободно, а настоящее - менее безопасно и менее связано с непосредственным удовольствием.

Наиболее значимые различия выявлены по показателям отношения к смерти и актуального влияния травматического события. Участники боевых действий статистически значимо чаще испытывают страх смерти,

чаще избегают прямого обращения к теме смерти и одновременно чаще демонстрируют приближающее принятие смерти. Такой результат нельзя интерпретировать как простое усиление страха. Скорее, речь идет о защитно-напряженном отношении: смерть является психологически близкой и значимой, но прямое соприкосновение с данной темой вызывает напряжение, поэтому активизируются избегание и попытка смыслового объяснения.

Высокие показатели по шкале оценки влияния травматического события дополняют эту картину. Участники боевых действий значительно чаще сталкиваются с непроизвольным возвращением травматических воспоминаний, стремлением избегать напоминаний о пережитом и повышенным физиологическим напряжением. Эти данные показывают, что отношение к смерти формируется не только на уровне рассуждений или мировоззрения, но и через телесно-эмоциональный след пережитой угрозы.

Таблица 4 - Значимые корреляционные связи между показателями исследования

Показатели	r_s	p
Осмысленность жизни / процесс жизни	0,640	<0,001
Осмысленность жизни / результативность жизни	0,547	<0,001
Осмысленность жизни / локус контроля жизни	0,435	<0,001
Гедонистическое настоящее / страх смерти	-0,221	0,027
Гедонистическое настоящее / общий показатель влияния травматического события	-0,336	<0,001
Страх смерти / вторжение	0,407	<0,001
Страх смерти / избегание переживаний, связанных с травматическим событием	0,387	<0,001
Страх смерти / физиологическое возбуждение	0,426	<0,001
Страх смерти / общий показатель влияния травматического события	0,421	<0,001
Избегание темы смерти / общий показатель влияния травматического события	0,279	0,005
Приближающее принятие смерти / общий показатель влияния травматического события	0,445	<0,001

Корреляционный анализ позволил уточнить внутреннюю структуру полученных результатов. Осмысленность жизни положительно связана с удовлетворенностью процессом жизни, оценкой ее

результативности и локусом контроля жизни. Это подтверждает ресурсную линию: переживание смысла поддерживается не только наличием целей, но и ощущением управляемости жизни, переживанием собственной эффективности и субъективной ценности проживаемого опыта [7]. Для участников боевых действий эта линия особенно важна, поскольку она может смягчать влияние травматического опыта и поддерживать внутреннюю устойчивость.

Другая группа связей относится к отношению к смерти и посттравматическим переживаниям. Страх смерти положительно связан со всеми компонентами влияния травматического события: вторжением, избеганием, физиологическим возбуждением и общим показателем. Это означает, что чем сильнее пережитый опыт продолжает вторгаться в психическую жизнь человека, тем выше напряжение в отношении темы смерти. При этом связь может быть двусторонней: травматические воспоминания возвращают человека к теме угрозы жизни, а страх смерти усиливает эмоциональную реактивность и телесное напряжение.

Избегание темы смерти также связано с общим влиянием травматического события. Следовательно, чем более актуальным остается пережитый боевой опыт, тем выше вероятность, что человек будет избегать разговоров, мыслей или ситуаций, возвращающих его к теме смерти. Это отражает поведенческий компонент отношения к смерти: смерть переживается как значимая, но прямое соприкосновение с ней психологически трудно.

Особого внимания заслуживает положительная связь приближающего принятия смерти с общим показателем влияния травматического события. Она показывает, что попытка объяснить смерть, придать ей духовный или экзистенциальный смысл может быть способом совладания с пережитой угрозой. В таком случае принятие смерти не является полностью спокойным или нейтральным; оно связано с напряженной работой по включению опыта смерти в личную систему смыслов.

Отрицательная связь гедонистического настоящего со страхом смерти и общим влиянием травматического события показывает, что способность переживать настоящее как безопасное, наполненное и эмоционально доступное связана с меньшей выраженностью тревоги смерти. В практическом плане это означает, что психологическая помощь участникам боевых действий должна быть направлена не только на обсуждение прошлого травматического опыта, но и на восстановление способности жить в настоящем, планировать будущее и воспринимать повседневность как менее угрожающую.

Заключение

Проведенное исследование подтвердило гипотезу о том, что отношение к смерти у военнослужащих, участников боевых действий отличается от отношения к смерти у военнослужащих, не имеющих боевого опыта. Наиболее выраженные различия обнаружены в эмоциональном и поведенческом компонентах отношения к смерти: у участников боевых действий выше страх смерти, избегание темы смерти и приближающее принятие смерти. Также у них значительно выше показатели актуального психологического влияния травматического события.

Когнитивный компонент отношения к смерти у участников боевых действий проявляется в осознании смерти как более близкой и реальной возможности. Это подтверждается анкетными данными: большинство респондентов с боевым опытом отмечали изменение восприятия смерти, будущего и ценности человеческой жизни. Эмоциональный компонент выражается в тревоге, страхе, внутреннем напряжении и попытке смысловой переработки темы смерти. Поведенческий компонент проявляется в избегании прямого обращения к теме смерти и пережитому опыту, а также в стремлении сохранять контроль над происходящим.

Отношение к смерти у участников боевых действий можно охарактеризовать как личностно значимое, эмоционально напряженное и защитно-амбивалентное. Оно не сводится только к страху смерти и не является

полностью спокойным принятием. В нем одновременно присутствуют тревога, избегание, осмысление, попытка контроля и потребность встроить опыт столкновения со смертью в собственную картину мира.

Практическая значимость полученных результатов заключается в возможности их использования при разработке программ психологического сопровождения участников боевых действий. Наиболее важными направлениями такой работы являются снижение тревоги смерти, постепенная переработка травматического опыта, работа с избеганием, восстановление ощущения безопасности в настоящем, поддержка жизненных смыслов и расширение временной перспективы. Отдельное внимание следует уделять мотивации к обращению за психологической помощью, поскольку в исследуемой группе большинство респондентов не обращались к специалистам, несмотря на выраженность пережитого опыта и его продолжающееся влияние на повседневную жизнь.

Список используемой литературы:

1. Габдулина Л. И. Отношение к смерти военнослужащих, участвовавших и не участвовавших в боевых действиях / Л. И. Габдулина // Символ науки. - 2016. - № 10-3. - С. 153-155.

2. Гаврилова Т. А. Об адаптации опросника «Профиль аттитьюдов по отношению к смерти - переработанный» (DAP-R), разработанного П. Т. П. Вонгом, Г. Т. Рикером и Дж. Гессером / Т. А. Гаврилова // Теоретическая и экспериментальная психология. - 2011. - Т. 4, № 1. - С. 46-57.

3. Ермолаева А. В. Психологические особенности личности военнослужащего - участника боевых действий / А. В. Ермолаева // Психолого-педагогические исследования. - 2013. - Т. 5, № 1. - С. 78-87.

4. Кадыров Р. В. Отношение к жизни и смерти у профессиональных военнослужащих, принимавших участие в боевых действиях. - Текст : электронный // Клиническая и медицинская психология : сетевое научное издание. - URL: https://medpsy.ru/library/library061.php (дата обращения: 17.04.2026).

5. Караяни А. Г. Военная психология : учебник для специалистов психологической работы Вооруженных Сил Российской Федерации / А. Г. Караяни, И. В. Сыромятников. - Москва : Военный университет, 2016.

6. Караяни А. Г. Психологические последствия войны и социально-психологическая реадаптация участников боевых действий / А. Г. Караяни // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. - 2014. - Т. 7, № 4. - С. 59-69.

7. Леонтьев Д. А. Тест смысложизненных ориентаций / Д. А. Леонтьев. - Москва : Смысл, 1992. - 16 с.

8. Митина О. В. Опросник по временной перспективе Ф. Зимбардо (ZTPI): результаты психометрического анализа русскоязычной версии / О. В. Митина, А. Сырцова // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. - 2008. - № 4. - С. 67-89.

9. Мясищев В. Н. Психология отношений / В. Н. Мясищев. - Москва ; Воронеж : МОДЭК, 1995. - 356 с.

10. Тарабрина Н. В. Психология посттравматического стресса: теория и практика / Н. В. Тарабрина. - Москва: Институт психологии РАН, 2009. - 304 с.

11. Чистопольская К. А. Отношение к смерти в контексте временной перспективы: адаптивные, защитные и неадаптивные взгляды на смерть у молодых взрослых / К. А. Чистопольская, С. Н. Ениколопов, Е. Л. Николаев [и др.] // Суицидология. - 2019. - Т. 10, № 1(34). - С. 58-74.

Правовые модели привлечения инвестиций в стартапы: проблемы и перспективы развития.

Legal models of investment attraction in startups: problems and development prospects.

Богатырева Юлия Сергеевна
магистрант
Саратовская государственная юридическая академия
Россия, г. Саратов
e-mail: esmi.juli.b@gmail.com

Bogatyreva Yulia Sergeevna
Master's student
Saratov State Law Academy
Russia, Saratov
e-mail: esmi.juli.b@gmail.com

Аннотация.
В статье рассматриваются правовые модели привлечения инвестиций в стартапы с учетом особенностей инновационной предпринимательской деятельности. Анализируются основные формы финансирования, применяемые на различных стадиях развития стартапа, включая венчурное инвестирование, участие бизнес-ангелов, краудфандинг и заемные инструменты. Особое внимание уделяется правовым аспектам взаимодействия между участниками стартапа, включая распределение прав и обязанностей, а также закрепление прав на результаты интеллектуальной деятельности. Рассматриваются проблемы адаптации традиционных правовых конструкций к условиям высокой неопределенности и риска, характерных для стартапной деятельности. На основе проведенного анализа делается вывод о необходимости совершенствования правового регулирования инвестиционных отношений и развития гибких правовых механизмов, способных учитывать специфику инновационных проектов.

Annotation.
The article examines legal models of investment attraction in startups, taking into account the specific features of innovative entrepreneurial activity. The study analyzes the main forms of financing used at different stages of startup development, including venture capital investment, business angel participation, crowdfunding, and debt instruments. Particular attention is paid to the legal aspects of interaction between startup participants, including the distribution of rights and obligations, as well as the protection of intellectual property rights. The paper also addresses the challenges of adapting traditional legal frameworks to conditions of high uncertainty and risk inherent in startup activities. Based on the analysis, the author concludes that it is necessary to improve the legal regulation of investment relations and to develop flexible legal mechanisms that reflect the specifics of innovative projects.

Ключевые слова: стартап, инвестиции, венчурное финансирование, бизнес-ангелы, краудфандинг, инвестиционные договоры, правовое регулирование, инновационная деятельность, интеллектуальная собственность

Keywords: startup, investments, venture capital, business angels, crowdfunding, investment agreements, legal regulation, innovation activity, intellectual property

Проблема привлечения инвестиций в стартапы имеет не только экономическое, но и выраженное правовое значение. Для инновационного проекта финансирование не сводится к поиску денежных средств. Оно неизбежно затрагивает вопросы распределения корпоративного контроля, определения объема обязательств сторон, выбора договорной модели и закрепления прав на результаты интеллектуальной деятельности. Именно поэтому инвестиции в стартап следует рассматривать как сложный правовой механизм, а не как обычную финансовую операцию.

Особенность стартапа состоит в том, что на ранних стадиях он, как правило, не располагает устойчивыми денежными потоками, длительной операционной историей и ликвидным имуществом, которое могло бы служить обеспечением обязательств. В таких условиях классические банковские инструменты используются ограниченно.

По этой причине в стартапной среде формируются особые модели финансирования. Их состав определяется стадией развития проекта, степенью риска и тем, насколько инвестор готов участвовать в дальнейшей судьбе компании.

В научной литературе справедливо отмечается, что структура финансирования стартапа тесно связана с его жизненным циклом. На посевной стадии преобладают вложения самих основателей, их окружения, частных инвесторов, а также краудфинансирование. По мере развития проекта возрастает роль бизнес-ангелов, венчурных фондов, корпоративных акселераторов и иных профессиональных участников инвестиционного процесса. На поздних стадиях становятся доступнее банковское кредитование, фонды прямых инвестиций и даже выход на рынок капитала. Такая стадийность важна не только для экономики стартапа, но и для права, поскольку на каждом этапе используются разные конструкции финансирования и разные способы защиты интересов участников.

Одной из ключевых моделей привлечения инвестиций остается венчурное финансирование. Его специфика состоит в том, что инвестор сознательно входит в проект с высоким уровнем риска, рассчитывая на существенный рост стоимости компании в будущем. В правовом смысле венчурная инвестиция не ограничивается передачей капитала. Она, как правило, оформляется через приобретение доли или акций, инвестиционные соглашения, корпоративные договоры, а в ряде случаев — через договор инвестиционного товарищества и иные гибридные конструкции. Именно гибкость правового оформления здесь имеет принципиальное значение. Как показывают исследования, для венчурного рынка особенно важны быстрота принятия решений и адаптивность используемых финансовых инструментов. В российской практике это имеет особое значение, поскольку отечественный венчурный рынок по-прежнему характеризуется высоким бюрократическим барьером, а сами механизмы финансирования еще не в полной мере адаптированы к потребностям инновационного бизнеса.

В этой связи заслуживает внимания вывод, согласно которому уровень развития венчурного рынка во многом зависит от использования передовых методов финансирования, позволяющих оптимизировать время заключения сделки, повысить ее эффективность и снизить инвестиционные риски. Для стартапа это означает, что качество правовой конструкции влияет не только на юридическую чистоту сделки, но и на саму возможность получить инвестиции в нужный момент. Если договор слишком формализован или не учитывает специфику высокорискового проекта, он перестает быть инструментом развития и превращается в фактор дополнительной неопределенности.

На ранних стадиях существенную роль играют бизнес-ангелы. Их участие особенно важно в ситуации, когда стартап еще не доказал устойчивость бизнес-модели, но уже нуждается в ресурсах для разработки продукта и выхода на рынок. В отличие от институциональных инвесторов, бизнес-ангел часто приносит в проект не только деньги, но и деловые связи, организационную поддержку и опыт. По этой причине отношения между стартапом и таким инвестором нуждаются в более детальном договорном оформлении уже на преддоговорной стадии. В диссертационном исследовании С. П. Быковой обоснованно отмечается, что к первой группе договорных отношений в стартапе относятся соглашение о ведении переговоров, соглашение о неразглашении и предварительный договор. Это показывает, что правовая формализация в стартапе начинается задолго до окончательной инвестиционной сделки.

Российская практика раннего финансирования при этом заметно отличается от европейской. По данным исследования М. Б. Траченко и А. В. Кожановой, в Европе на посевной и ранней стадиях наибольшую долю занимают именно бизнес-ангелы, тогда как в Российской Федерации больший вес имеют краудфинансирование и

венчурные фонды, причем доля бизнес-ангелов сокращается. Этот вывод имеет самостоятельное значение для юридического анализа. Он показывает, что в России раннее финансирование стартапов развивается по иной модели, в которой частный неинституциональный инвестор пока не занимает того места, которое характерно для ряда зарубежных рынков. Следовательно, и правовые инструменты, рассчитанные на такого инвестора, пока не получили должного распространения.

Отдельного рассмотрения требует краудфандинг. В последние годы он стал одной из наиболее динамично развивающихся моделей привлечения средств в стартапы. Его значение заключается не только в самом факте коллективного финансирования. Краудфандинг позволяет проекту получить ранний сигнал о рыночной востребованности продукта. Если стартап способен привлечь внимание большого числа участников, это косвенно подтверждает наличие интереса к предлагаемому решению. Именно поэтому краудфандинг следует оценивать не только как финансовый, но и как верификационный инструмент.

В российской литературе краудфандинг все чаще рассматривается как часть более широкой системы цифрового инвестирования. Банк России определяет его как общее понятие совокупности регулируемых в Российской Федерации видов инвестирования через инвестиционные платформы, включающее краудлендинг, краудинвестинг и приобретение утилитарных цифровых прав. Вместе с тем авторы статьи о краудфандинге и цифровых инвестициях обоснованно считают такое определение слишком узким, поскольку позднее появившиеся информационные системы, в которых осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, по сути также являются элементом краудинвестинговой инфраструктуры. Этот вывод важен, поскольку показывает: современная правовая природа краудфандинга уже не исчерпывается классической моделью сбора средств через интернет-платформы, а включает и более сложные цифровые формы инвестирования.

С точки зрения правовой конструкции краудфандинг в России включает несколько разновидностей. Во-первых, это краудлендинг, то есть предоставление финансирования на возвратной основе. Во-вторых, краудинвестинг, предполагающий участие в капитале или в экономическом результате проекта. В-третьих, цифровой краудинвестинг, основанный на приобретении утилитарных цифровых прав и цифровых финансовых активов. Исследователи специально подчеркивают, что краудлендинг и краудинвестинг не следует смешивать, поскольку в их основе лежат разные экономические инструменты — кредитование и инвестирование. Этот тезис имеет важное практическое значение: от правильной квалификации модели зависит и выбор применимого законодательства, и объем прав инвестора, и способы правовой защиты его интересов.

Фактические данные также свидетельствуют о росте значения этой модели. По данным статьи о краудфандинге и цифровых инвестициях, объем привлеченных средств в 2022 г. путем приобретения ценных бумаг в рамках краудинвестинга составил 7,6 млрд рублей, что составляло 37,3 % рынка краудфандинга. При этом 70 % общего объема денежных средств, привлеченных через инвестиционные платформы, пришлось на субъекты малого и среднего предпринимательства, включая стартапы. Эти цифры позволяют сделать важный вывод: краудфандинг перестал быть вспомогательным механизмом и уже стал полноценным сегментом инвестиционного рынка.

Особое место среди инвестиционных инструментов занимает конвертируемый займ. Интерес к этой конструкции объясняется тем, что она позволяет отложить решение вопроса об оценке компании и структуре участия инвестора в капитале до момента, когда проект станет более зрелым. Иными словами, стороны сначала оформляют заемное обязательство, а в дальнейшем при наступлении определенных условий оно может быть конвертировано в долю участия. В научной литературе подчеркивается, что внедрение таких инструментов

способно позволить стартапу получить инвестиции в короткий срок и на более гибких условиях, тогда как инвестор получает механизм влияния на стратегию развития проекта.

Вместе с тем применение конвертируемого займа в российской практике связано с рядом правовых вопросов. Классический заем предполагает возврат средств независимо от дальнейшей судьбы проекта, тогда как в стартапной модели инвестор нередко заинтересован именно в получении доли в будущем успешном бизнесе. Это означает, что традиционные обязательственные конструкции не всегда органично сочетаются с логикой венчурного финансирования. Российское право уже признает потребность в гибких инвестиционных механизмах, но пока не выработало универсальной модели, которая в полной мере учитывала бы специфику стартапной деятельности.

Не менее важным элементом инвестиционных отношений в стартапе является интеллектуальная собственность. Формально она может не относиться к модели финансирования, однако на практике именно она часто определяет инвестиционную привлекательность проекта. В научной литературе подчеркивается, что целью стартапа является получение прибыли за счет реализации охраноспособных результатов интеллектуальной деятельности и привлечение сторонних инвестиций. Следовательно, для инвестора принципиально важно понимать, кому принадлежат права на технологию, программное обеспечение, базу данных или иной результат интеллектуальной деятельности, лежащий в основе проекта.

Эта проблема особенно актуальна на ранних стадиях, когда стартап представляет собой инициативу нескольких физических лиц и когда правовой режим результатов интеллектуальной деятельности еще не оформлен должным образом. Если права между сооснователями, сотрудниками и иными участниками не распределены заранее, это повышает риск споров и может фактически сорвать инвестиционную сделку. В этой связи правовое оформление отношений между участниками проекта, включая соглашения о неразглашении, предварительные договоры и корпоративные соглашения, приобретает принципиальное значение. Для стартапа это не техническая формальность, а условие инвестиционной устойчивости.

Российская модель привлечения инвестиций в стартапы, таким образом, по-прежнему сталкивается с рядом системных трудностей. К ним относятся отсутствие целостного законодательного подхода к стартапу как объекту регулирования, недостаточная адаптация ряда договорных конструкций к венчурной специфике и наличие правовых пробелов, снижающих инвестиционную привлекательность инновационных проектов. По этой причине минимизация рисков требует комплексного подхода. Он должен включать грамотное оформление преддоговорных и корпоративных отношений, закрепление прав на результаты интеллектуальной деятельности, выбор подходящей модели финансирования и учет требований законодательства о защите инвесторов, инвестиционных платформах и цифровых финансовых активах.

Сопоставление с зарубежным опытом позволяет сделать еще один важный вывод. Эффективность инвестиционной модели стартапов зависит не только от наличия специальных законов, но и от качества базовых институтов частного права, инвестиционной инфраструктуры и механизмов договорного регулирования. Именно поэтому дальнейшее развитие российского законодательства должно идти не по пути механического

заимствования отдельных инструментов, а через их адаптацию к отечественной правовой системе и к реальным потребностям инновационного предпринимательства.

Подводя итог, можно отметить, что правовые модели привлечения инвестиций в стартапы представляют собой сложную и многоуровневую систему. Она объединяет венчурное финансирование, участие бизнес-ангелов, краудфандинг, цифровые инвестиции и гибридные долговые инструменты. Каждая из этих моделей имеет собственную сферу применения и собственные риски. Их эффективность определяется тем, насколько правовое

регулирование способно учитывать высокую неопределенность стартапной деятельности, быстрое изменение бизнес-модели и центральную роль интеллектуальной собственности. В этих условиях задача права состоит не только в защите инвестора, но и в создании такой правовой среды, в которой инновационный проект сможет пройти путь от идеи до устойчивой коммерциализации.

Список используемой литературы:

1. Быкова С.П. Правовое регулирование стартапной деятельности в условиях развития технологического предпринимательства в Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. – Курск, 2024. – 220 с.
2. Евдокимова С.С., Кобышев М.С. Современные модели финансирования стартапов // Финансы и кредит. – 2017. – Т. 23. – Вып. 6. – С. 341–352.
3. Кошелева Ю.П. Ценность интеллектуальной собственности в инновационной деятельности стартапов // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2022. – № 2 (34). – С. 58–65.
4. Орлова Л.Н., Бондарева П.С. Новые инструменты венчурного финансирования стартапов на ранней стадии развития на современном венчурном рынке России // Государственное управление. Электронный вестник. – 2021. – № 89. – С. 7–19.
5. Сушкова О.В. Конвертируемый займ как механизм развития стартапов // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – № 12. – С. 110–117.
6. Траченко М.Б., Кожанова А.В. Специфика структуры финансирования стартапов на разных стадиях их жизненного цикла // Финансовый журнал. – 2019. – № 5. – С. 90–103.
7. Краудфандинг: цифровые инвестиции // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2023. – № 5. – С. 214–220.
8. Банк России. Маркетплейсы, краудфандинг и ЦФА: итоги развития платформенных сервисов. – 2024.

Ранние дезадаптивные схемы у людей с разными типами привязанности к матери

Early maladaptive patterns in people with different types of attachment to their mother

Черноскутова О.И.
Студент 5 курса
Факультет Общественного здоровья
Тихоокеанский государственный медицинский университет
РФ, г. Владивосток
e-mail: tchernoskutova.olia@yandex.ru

Chernoskutova O.I.
Student 5 term
Faculty of Public Health
Pacific State Medical University
Russia, Vladivostok
e-mail: kglazowa@yandex.ru

Аннотация.
Статья посвящена исследованию взаимосвязи между ранними дезадаптивными схемами и разными типами привязанности к матери. В эмпирическом исследовании участвовали 65 человек возрастом от 17 до 54 лет. Применялись методики «Диагностика ранних дезадаптивных схем» YSQ S3R (адаптация П.М. Касьяник, Е.В. Романова), «Диагностика типа привязанности к матери» Т. В. Капустиной, Е. Е. Волковой, Р. В. Кадырова при участии И. С. Ильиной. Корреляционный анализ выявил значимые различия в проявлении ранних дезадаптивных схем у людей с надежным, амбивалентным, избегающим и дезорганизованным типами привязанности к матери. В наименьшей степени ранние дезадаптивные схемы связаны с надежным типом привязанности к матери, средние значения получились у избегающего и амбивалентного типа привязанности к матери, а наибольшую связь показал дезорганизованный тип привязанности к матери, такие результаты связаны, вероятно, с положительным, негативным, неоднозначным и травмирующим опытом в отношениях с матерью в детстве.

Abstract.
The article is devoted to the study of the relationship between early maladaptive patterns and different types of attachment to the mother. The empirical study involved 65 people aged 17 to 54 years. The methods "Diagnosis of early maladaptive schemes" YSQ S3R (adaptation by P.M. Kasyanik, E.V. Romanov), "Diagnosis of the type of attachment to the mother" by T. V. Kapustina, E. E. Volkova, R. V. Kadyrov with the participation of I. S. Ilyina were used. Correlation analysis revealed significant differences in the manifestation of early maladaptive patterns in people with reliable, ambivalent, avoidant, and disorganized types of attachment to their mother. Early maladaptive patterns are least associated with a reliable type of attachment to the mother, the average values were obtained for the avoidant and ambivalent type of attachment to the mother, and the disorganized type of attachment to the mother showed the greatest relationship, such results are probably associated with positive, negative, ambiguous and traumatic experiences in relationships with the mother in childhood.

Ключевые слова: ранние дезадаптивные схемы, привязанность к матери, нарушенная привязанность, возрастная психология, взаимодействие матери и ребенка.

Keywords: early maladaptive patterns, attachment to the mother, impaired attachment, types of attachment, age psychology, mother-child interaction.

В течение взросления у человека формируются устойчивые наборы схем [1]. Ранние дезадаптивные схемы схемы (далее — РДС) представляют собой психологический конструкт, включающий в себя представления человека о себе, мире и других людях, устойчивый комплекс воспоминаний, эмоций, убеждений и телесных ощущений [7]. Основоположником изучения этого феномена является Дж. Янг. Им было выделено 18 РДС, разделенных на пять укрупненных групп (доменов), которые связаны с неудовлетворением тех или иных потребностей: «Нарушение связи и отвержение», «Нарушенная автономия», «Направленность на других», «Нарушенные границы», «Сверхбдительность и запреты». РДС формируются при негативном опыте общения со значимым взрослым, этот опыт образует особое сочетание убеждений, эмоций, воспоминаний, переживаний и ожиданий, которое определяет характер его привязанностей и межличностного взаимодействия в будущем [3,10]. Поэтому концепция Дж. Янга тесно связана с теорией привязанности Дж. Боулби который считает, что

привязанность к матери возникает благодаря активности ряда систем управления поведением, в которых прогнозируемым результатом является близость и контакт с ней. Наблюдения и выводы автора основывались на изучении детей в больницах, переживших разлуку с матерью. Его концепция развивалась и другими авторами (Уильям Блатц, Мэри Эйнсворт и др.), но она до сих пор имеет свое влияние в виде реабилитационных программах для детей, проходивших лечение в больницах. Так, например, Кузнецова Г.В. и соавторы выделяют важной психологическую реабилилтацию в детском онкогематологическом центре [11]. Таким образом, на данный момент специалистами было выделено 4 типа привязанности к матери: надежный, избегающий, тревожный и дезорганизованный [2,8,9].

Надежная привязанность к матери формируется у детей, которые растут в семьях, где родители выстраивают и поддерживают с детьми эмоционально доверительную связь. При таком типе привязанности значимый взрослый был доступным, мог оказать психологическую поддержку ребенку, а также он был в состоянии удовлетворить потребности ребёнка подходящим образом в необходимый для этого момент. Дети с таких семей чаще чувствуют «опору» и поддержку в лице взрослых, следовательно становятся более заинтересованы в исследовании окружающего мира.

Тревожная (или амбивалентная) привязанность формируются у ребенка вследствие нестабильного поведения значимого взрослого. Ребенок считывает такое поведение родителей как непредсказуемое, вследствие чего он не понимает, когда родители поддержат его, а когда будут игнорировать. Боясь потерять эмоциональную связь с матерью, несмотря на ее неустойчивость, несовершеннолетний начинает чаще привлекать к себе внимание через крики, истерики, соматизацию и др.

Избегающая привязанность формируется, когда эмоционального контакта между значимым взрослым и ребенком не было выстроено, а опыт совместного времяпрепровождения оценивается ребенком как «страшный/травмирующий/негативный». В таком опыте потребности ребёнка не учитывались, и он приходит к убеждению, что удовлетворение его нужд не имеет значения для значимого взрослого. В дальнейшем в таких взаимоотношениях ребенка с матерью мы можем замечать безразличное отношение ребенка к уходу матери, отсутствии страха перед посторонними взрослыми, низком уровне инициативного и ответного поведения.

Дезорганизованная привязанность формируется, когда эмоциональный контакт между значимым взрослым и ребенком был наполнен негативным (для ребенка) опытом: страх, гнев, горе, неудовлетворенные потребности и т.д. В таких взаимоотношениях не было места проявлению заботы, любви и достижению близости от родителя. Ребенок с дезорганизованной привязанностью к матери может начать пытаться спрятаться, когда видит значимого взрослого, или проявлять то избегающую, то амбивалентную стратегию во время воссоединения с родителем.

Цель исследования – описать взаимосвязь ранних дезадаптивных схем и типов привязанности к матери.

Организация и методы исследования. В данном исследовании приняло участие 65 человек мужского и женского пола в возрасте 18-40 лет. В работе использовались такие методики, как «Диагностика ранних дезадаптивных схем» YSQ S3R (адаптация П.М. Касьяник, Е.В. Романова) и опросник «Диагностика типа привязанности к матери» Т.В. Капустиной, Е.Е. Волковой, Р.В. Кадырова [9]. Для статистической обработки данных применялись методы непараметрической статистики – критерий Краскела-Уоллиса и медианный тест, при уровне значимости менее 0,05.

Результаты исследования и их обсуждение. По результатам исследования наиболее часто встречающимися являются схемы «Поиск одобрения», «Жёсткие Стандарты / Придирчивость», «Негативизм / Пессимизм»,

«Покинутость / Нестабильность», «Неуспешность», «Недостаточность самоконтроля», «Пунитивность» (Таблица 1).

Таблица 1 – Распространенность выраженных ранних дезадаптивных схем в выборке

Ранние дезадаптивные схемы (выраженность от 61%)	Количество человек
Поиск одобрения	13
Жёсткие Стандарты / Придирчивость	12
Негативизм / Пессимизм	12
Покинутость / Нестабильность	11
Неуспешность	11
Недостаточность самоконтроля	8
Пунитивность	6
Недоверие / Ожидание жестокого обращения	5
Самопожертвование	5
Подавленность эмоций	4
Дефективность / Стыдливость	3
Зависимость / Беспомощность	3
Уязвимость	3
Покорность	3
Социальная отчужденность	2
Привилегированность / Грандиозность	2
Эмоциональная депривированность	1
Запутанность / Неразвитая идентичность	1

Полученные результаты свидетельствуют о нарушенной связи респондентов с близкими людьми, выражающаяся в ощущении одиночества, также можно говорить об ожидании респондентов худшего результата при выполнении заданий по сравнению с результатами других людей и повышенной критичности к своим результатам. Для 13 из 65 человек в нашей выборке характерно стремление получить одобрение, признание или внимание от других людей. 12 человек в выборке стараются соответствовать чрезмерно завышенным требованиям к себе. Также для 12 человек характерна постоянная сосредоточенность на таких отрицательных сторонах жизни как боль, смерть, потеря близкого человека, разочарование, предательство, неудача, конфликты. Убеждение человека в том, что он обязательно потеряет дорогих ему людей и навсегда останется эмоционально изолированным характерно для 11 человек. Также 11 человек склонны сравнивать себя с другими. Они убеждены в своей неспособности так же хорошо, как другие проявлять себя в различных аспектах жизни: учебе, спорте, карьере, личных отношениях. Трудно контролировать свое поведение и эмоции 8-ми людям из выборки, возможно, они страдают недостатком самообладания и действуют импульсивно, не думая о последствиях. 6 человек склонны к проявлению гнева, нетерпимости, возможно, они убеждены, что за свои ошибки все люди должны быть сурово наказаны. Остальные схемы не были настолько выражены в нашей выборке. Поэтому следует провести анализ ранних дезадаптивных схему людей с разными типами привязанности к матери.

Для этого мы использовали методику «Диагностика типа привязанности к матери» Т.В. Капустиной и др. Выборка была разделена на четыре группы: первую группу исследования представили люди с амбивалентным типом привязанности: 20 человек. Вторую группу исследования представили люди с надежным типом привязанности: 18 человек. Третью группу исследования представили люди с избегающим типом привязанности: 15 человек. Четвертую группу исследования представили люди с дезорганизованным типом привязанности. Далее с использованием критерия Краскела-Уоллиса и медианного теста была проведена статистическая обработка (Таблицы 2, 3).

Таблица 2. Результаты статистической обработки критерия привязанности

Ранние дезадаптивные схемы	Объемы сравниваемых выборок Над/Амб/Изб/Дез	Значение Краскела-Уоллиса, H	Уровень достоверности (p-level)
Эмоциональная депривированность	18/20/15/12	6,76	,0796
Покинутость / Нестабильность	18/20/15/12	7,72	,0520
Недоверие / Ожидание жестокого обращения	18/20/15/12	10,54	,0144
Социальная отчужденность	18/20/15/12	15,82	,0012
Дефективность / Стыдливость	18/20/15/12	12,20	,0067
Неуспешность	18/20/15/12	8,38	,0386
Зависимость / Беспомощность	18/20/15/12	9,08	,0282
Уязвимость	18/20/15/12	3,42	,5784
Запутанность / Неразвитая идентичность	18/20/15/12	8,70	,0335
Покорность	18/20/15/12	13,74	,0033
Самопожертвование	18/20/15/12	2,65	,4472
Подавленность эмоций	18/20/15/12	13,26	,0041
Жёсткие Стандарты / Придирчивость	18/20/15/12	1,51	,6779
Привилегированность / Грандиозность	18/20/15/12	7,43	,0591
Недостаточность самоконтроля	18/20/15/12	4,19	,2413
Поиск одобрения	18/20/15/12	2,23	,5249
Негативизм / Пессимизм	18/20/15/12	7,70	,0524
Пунитивность	18/20/15/12	2,28	,5159

Таблица 3. Медиана по значимым различиям в выраженности ранних дезадаптивных схем среди разных групп привязанности к матери.

Ранние дезадаптивные схемы	Надежный тип привязанности	Амбивалентный тип привязанности	Избегающий тип привязанности	Дезорганизованный тип привязанности
Недоверие / Ожидание жестокого обращения	9 (16%)	14 (36%)	11 (24%)	18 (52%)
Социальная отчужденность	7 (8%)	11 (24%)	8 (12%)	15 (40%)
Дефективность / Стыдливость	5 (0%)	7 (8%)	7 (8%)	11 (24%)
Неуспешность	8 (12%)	10 (20%)	9 (16%)	15 (40%)
Зависимость / Беспомощность	7 (8%)	9 (16%)	7 (8%)	11 (24%)
Запутанность / Неразвитая идентичность	8 (12%)	9 (16%)	7 (8%)	11 (24%)
Покорность	9 (16%)	9 (16%)	10 (20%)	19 (56%)
Подавленность эмоций	9 (16%)	11 (24%)	10 (20%)	16 (44%)

По таким схемам как «Поиск одобрения», «Жёсткие Стандарты/ Придирчивость», а также «Негативизм/ Пессимизм», «Покинутость/ Нестабильность», «Недостаточность самоконтроля», «Пунитивность», «Эмоциональная депривированность», «Привилегированность/ Грандиозность», «Уязвимость», «Самопожертвование» значимых различий выявлено не было, что объясняется индивидуальными различиями и малым количеством этих схем на выраженном уровне в выборке.

По схеме «Неуспешность» были выявлены значимые различия, отражающие наибольшую ее выраженность у людей с дезорганизованным типом привязанности к матери (Me=15, 40%), средние группы с амбивалентным (Me=10, 20%), и избегающим типом привязанности к матери (Me=9, 16%), тогда как из всех групп менее характерна она для надежного типа привязанности к матери (Me=8, 12%). Высокие результаты схемы «Неуспешность» и дезорганизованного типа привязанности к матери можно объяснить тем, что, вероятно, в детстве у ребенка не было эмоциональной поддержки со стороны матери, его школьную успеваемость и другие достижения критиковали и сравнивали с результатами других людей, когда ребенок обращался за поддержкой, вместо нее получал либо жестокость, либо равнодушие, из-за критики со стороны родителей создается впечатление, что ребенок отстает от сверстников, и у него формируется представление о себе, как о неуспешном, никчемном человеке. При амбивалентном и избегающем типах привязанности выявлены средние значения схемы «Неуспешность». При надежном типе привязанности к матери нет риска ранней травматизации, критики со стороны родителей, а поддерживание здоровой коммуникации и поддержка ребенка со стороны матери снижает возможность формирования схемы «Неуспешность», что подтверждают результаты нашего исследования.

Следующие значимые различия были выявлены по схеме «Недоверие / Ожидание жестокого обращения». Наибольшая выраженность данной схемы у людей с дезорганизованным типом привязанности к матери (Me=18, 52%), средние группы с амбивалентным (Me=14, 36%), и избегающим типом привязанности к матери (Me=11, 24%), тогда как из всех групп менее характерна она для надежного типа привязанности к матери (Me=9, 16%). Эти результаты означают, что людям с дезорганизованным типом привязанности к матери характерно постоянно «тестировать других», чтобы узнать кому можно доверять, вероятно, это происходит из-за опыта травматизации в раннем возрасте. Для людей с надежным типом привязанности такая черта как «недоверчивость» не характерна, скорее всего, благодаря отсутствию или минимальному влиянию травм от матери в детстве. При амбивалентном и избегающем типе привязанности нет такой сильной травматизации, как у дезорганизованного типа, но все же она повлияла на схему поведения человека.

Результаты взаимосвязи типов привязанности и схемы «Социальная отчужденность» показали наибольшую выраженность данной схемы у людей с дезорганизованным типом привязанности к матери (Me=15, 40%), средние группы с амбивалентным (Me=11, 24%), и избегающим типом привязанности к матери (Me=8, 12%), тогда как из всех групп менее характерна она для надежного типа привязанности к матери (Me=7, 8%).

У такой схемы как «Дефективность / Стыдливость» наибольшая выраженность выяснилась у людей с дезорганизованным типом привязанности к матери (Me=11, 24%), средние группы с амбивалентным (Me=7, 8%), и избегающим типом привязанности к матери (Me=7, 8%), тогда как из всех групп менее характерна она для надежного типа привязанности к матери (Me=5, 0%). Результаты означают, что людям с дезорганизованным типом привязанности к матери характерна неуверенность в себе, чувство неполноценности, вероятно, из-за частой критики родителями и сравнением человека с другими в детстве. В случае амбивалентной и избегающей привязанности к матери, вероятно, не было сильного влияния критики от родителей на ребенка из-за непоследовательного и безразличного отношения к ребенку, а в детстве людей с надежной привязанностью к матери, вероятно, отсутствовала деструктивная критика ребенка, что позволило не формироваться данной ранней дезадаптивной схеме у ребенка.

Наибольшая выраженность схемы «Зависимость / Беспомощность» у людей с дезорганизованным типом привязанности к матери (Me=11, 24%), среднюю группу составляют люди с амбивалентным типом привязанности к матери (Me=9, 16%), а менее характерна данная схема для надежного (Me=7, 8%) и избегающего типов привязанности к матери (Me=7, 8%).

Наибольшая выраженность схемы «Покорность» у людей с дезорганизованным типом привязанности к матери (Me=19, 56%), среднюю группу составляют люди с избегающим типом привязанности к матери (Me=10, 20%), а менее характерна данная схема для надежного (Me=9, 16%) и амбивалентного типа привязанности к матери (Me=9, 16%). Результаты означают, что для людей с надежным и амбивалентным типом привязанности к матери в меньшей степени характерно подчинение другому, вероятно, благодаря минимальному воздействию родителей с целью подчинить ребенка при помощи формирования у него чувства вины или страха. Такая же ситуация и с избегающим типом привязанности к матери. А результаты взаимосвязи с дезорганизованным типом привязанности говорят о том, что таким людям характерна замкнутость, отношения с доминантными людьми и стремление жертвовать собой ради других, возможно в детстве таких людей, наказывали, и чтобы это остановить дети подчинялись.

Подобная ситуация видна во взаимосвязи привязанности с такой РДС как «Подавленность эмоций». Наибольшая выраженность данной схемы у людей с дезорганизованным типом привязанности к матери (Me=16, 44%), средние группы с амбивалентным (Me=11, 24%), и избегающим типом привязанности к матери (Me=10,

20%), тогда как из всех групп менее характерна она для надежного типа привязанности к матери (Me=9, 16%). Исходя из результатов, можно утверждать, что людям с дезорганизованным типом привязанности к матери в большей степени, чем людям с другими типами привязанности, характерно подавление эмоций с целью избежать негативной оценки от общества. Результаты взаимосвязи этой схемы у надежного, амбивалентного и избегающего типов привязанности к матери примерно одинаковы и могут означать меньшую вероятность характерности людям с этими типами привязанности таких черт как, эмоциональная зажатость, чувство стыда за проявление своих чувств и эмоций.

По такой схеме как «Запутанность / Неразвитая идентичность» можно выдвинуть менее точные предположения из-за малого количества в нашей выборке данных схем с выраженными показателями. наибольшая выраженность данной схемы у людей с дезорганизованным типом привязанности к матери (Me=11, 24%), средние группы с амбивалентным (Me=9, 16%), и надежным типом привязанности к матери (Me=8, 12%), тогда как из всех групп менее характерна она для избегающего типа привязанности к матери (Me=7, 8%). «Запутанность / Неразвитая идентичность» может определяться как незнание человеком себя, своих возможностей и желаний. В детстве, вероятно, такие дети не смогли развить свое «Я» и им приходилось подчиняться властным и доминирующим родителям. У детей, лишенных безусловной любви и принятии со стороны матери, сформировавших дезорганизованный тип привязанности будет наиболее (нежели у людей с другими типами привязанности к матери) выражена неуверенность в себе, чувство одиночества, беспомощности. В случае избегающего типа привязанности к матери эта схема будет наименее выражена, так как в детстве у таких людей не было стремления стать похожим на родителей, отделение от родителей было «пройдено» в раннем возрасте.

Выводы. Таким образом, мы рассмотрели различия в четырех группах, и можем сделать вывод о том, что в наименьшей степени ранние дезадаптивные схемы связаны с надежным типом привязанности к матери, поскольку в их детстве было, вероятно, минимальное количество травм со стороны матери, что позволило сформироваться у ребенка полноценное «Я», возможность самовыражаться и выставлять свои границы в общении с другими, объективному взгляду на свои возможности, мир и оценку событий. Следующей по взаимосвязи ранних дезадаптивных схем показал избегающий тип привязанности к матери, который характеризуется автономностью ребенка с самого детства. Этот опыт «заставил» маленького ребенка не бояться брать на себя ответственность, решать свои проблемы самостоятельно, при этом не из-за недоверия к окружающим возможны проблемы в коммуникации с людьми. Большую степень взаимосвязи с ранними дезадаптивными схемами показал амбивалентный тип привязанности. Родители таких детей были непоследовательны в воспитании, их реакции были противоречивыми, поэтому могло сформироваться недоверие к окружающим и чувство одиночества, вера в собственную неудачу и нерешимость показать свои чувства и эмоции людям. В наибольшей степени ранние дезадаптивные схемы связаны с дезорганизованным типом привязанности к матери, поскольку их детский опыт был зачастую травмирующим, что сейчас отражается в их поведении в виде невозможности понять свои личностные особенности, эмоции и чувства, неуверенности в себе, своих силах и возможностях, склонности подчиняться, не выражать свое «Я», быть одиноким, не доверять окружающим людям.

Список используемой литературы:

1. Адлер А. Наука жить. СПб: Питер, 2021. 240 с.

2. Андреева М. В. Особенности привязанности к матери младших школьников с задержкой психического развития // Семья и дети в современном мире: Сборник материалов конференции. 2022. С. 400-407.

3. Ачик Н. Д. Ранние дезадаптивные схемы как предикторы суицидального риска у лиц, пострадавших от жестокого обращения в детском и подростковом возрасте // Современные проблемы подростковой медицины и

репродуктивного здоровья молодежи. СПб.: Санкт-Петербургский общественный фонд «Поддержка медицины», 2021. С. 189-206.

4. Борясова А. А. , Панова Т. В. Ранние дезадаптивные схемы личности с пограничными чертами // Вестник Калужского университета.. 2023. №2. С. 96-103.

5. Галимзянова М. В., Касьяник П. М. , Романова Е. В. Выраженность анних дезадапивных схем и режимов функционирования схем у мужчин и женщин в период ранней средней и поздней взрослости // Вестник СПбГУ. 2016. №Сер. 16. Выпуск 3. С. 109-125.

6. Гончарова В.С. Теоретический анализ феномена привязанности в зарубежной психологии // Science and education: problems and innovations. 2021. С. 155-159.

7. Джеффри Я., Джанет К., Марджори В. Схема-терапия. Практическое руководство. СПб.: Диалектика, 2020. 464 с.

8. Долгашев К.А. К вопросу о теории привязанности в психологии// Психология и социальная педагогика: современное состояние и перспективы развития: сборник научных статей по материалам XI Всероссийской научно-практической конференции, Чебоксары, 14 апреля 2022 года. 2022. С. 38-41.

9. Капустина Т. В., Кадыров Р. В., Ильина И. С. Разработка и апробация опросника для диагностики типа привязанности к матери. СибСкрипт. 2025. Т. 27. № 2. С. 228–246.

10. Костюченко Е.В., Зурабова Л.Р Ранние дезадаптивные схемы как фактор социально-психологической адаптации// Уральский государственный педагогический университет. 2022. С. 167-172.

11. Кузнецова Г.В., Минкина Л.М., Кузьмина Т.Н., Обухова И.А., Воскресенская А.В., Просекова Е.В. Опыт реабилитации детей и подростков в Приморском краевом детском онкогематологическом центре. Тихоокеанский медицинский журнал. 2023. Т. 4. С. 89-92.

КРИТЕРИИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ КОМПЕТЕНЦИИ МЕЖДУ АРБИТРАЖНЫМИ СУДАМИ И СУДАМИ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ СПОРОВ

CRITERIA FOR THE DIVISION OF COMPETENCE BETWEEN ARBITRATION COURTS AND COURTS OF GENERAL JURISDICTION IN THE CONSIDERATION OF PUBLIC LAW DISPUTES

Сазанакова Таисья Сергеевна
Студент 2 курса
Факультет факультет подготовки специалистов для судебной системы
Уральский Филиал "Российского Государственного Университета Правосудия имени В.М. Лебедева"
Россия, г. Челябинск
e-mail: sazanakovatasa@mail.ru

Sazanakova Taisya Sergeevna
Student 2 term
Faculty of Faculty of Training Specialists for the Judicial System
Ural Branch of the Lebedev Russian State University of Justice
Russia, Chelyabinsk
e-mail: sazanakovatasa@mail.ru

Научный руководитель
Баканов Владислав Владимирович
старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин
Уральский Филиал "Российского Государственного Университета Правосудия имени В.М. Лебедева"
Россия, г. Челябинск
e-mail: bakanov2205@yandex.ru

Scientific adviser
Bakanov Vladislav Vladimirovich
Senior Lecturer at the Department of Criminal Law Disciplines
Ural Branch of the Lebedev Russian State University of Justice
Russia, Chelyabinsk
e-mail: bakanov2205@yandex.ru

Аннотация
В статье исследуются теоретические и практические проблемы разграничения компетенции судов общей юрисдикции и арбитражных судов при рассмотрении дел, возникающих из публичных правоотношений. Анализируются критерии субъектного состава и характера спора, выявляются трудности, обусловленные отсутствием легального определения «экономический спор», предлагаются пути совершенствования процессуального законодательства.

Annotation
The article discusses the theoretical and practical problems of distinguishing the competence of courts of general jurisdiction and arbitration courts in the consideration of cases arising from public legal relations. The criteria of the subject composition and nature of the dispute are analyzed, difficulties associated with the lack of a legal definition of the concept of "economic dispute" are identified, and ways to improve procedural legislation are proposed.

Ключевые слова: компетенция суда, подсудность, публично-правовой спор, административное судопроизводство, арбитражный процесс, экономический спор.

Key words: jurisdiction of the court, jurisdiction, public law dispute, administrative proceedings, arbitration, economic dispute.

Вопрос о разграничении компетенции судов общей юрисдикции, а также арбитражных судов является актуальным и проблемным. Судебная система Российской Федерации объединяет две самостоятельные подсистемы, и правильное определение суда, уполномоченного рассматривать конкретный спор, выступает первостепенной задачей, обеспечивающей реализацию конституционного права на судебную защиту [1]. Несмотря на реформирование процессуального законодательства и введение в действие Кодекса

административного судопроизводства (КАС РФ), единообразие в регулировании института компетенции до сих пор не достигнуто, что порождает трудности как в теории, так и на практике.

Конституционная основа определения компетенции судов раскрывается через взаимосвязанные положения статей 46 и 47 Конституции Российской Федерации. Право на судебную защиту (часть 1 статьи 46) не может быть реализовано, если дело не будет рассмотрено тем судом, к ведению которого оно отнесено законом. Часть 1 статьи 47 гарантирует, что никто не может быть лишён права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьёй, к подсудности которых оно отнесено. Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно подчёркивал, что произвольное изменение установленной законом компетенции, допускаемое правоприменительной практикой, нарушает конституционное право на законный суд и подрывает доверие к судебной системе. Исторически разрешение публично-правовых споров претерпело существенные изменения: от производства по делам из административных правоотношений в ГПК РСФСР 1964 года, через развитие административной юстиции в рамках подраздела III ГПК РФ, до выделения в 2015 году Кодекса административного судопроизводства, что ознаменовало стремление законодателя к созданию специализированной процессуальной формы для споров с властным элементом. При этом упразднение Высшего Арбитражного Суда РФ и передача его полномочий Верховному Суду РФ в 2014 году не устранили дуализма в разрешении публичных дел: суды общей юрисдикции и арбитражные суды продолжают применять различные процессуальные кодексы, сохраняя конкурирующую компетенцию в отношении ряда категорий споров. Дуализм судебной системы порождает ситуацию, при которой тождественные по своему содержанию споры могут разрешаться в разных процессуальных режимах — по правилам КАС РФ либо по правилам АПК РФ, что создаёт риск нарушения принципа равенства перед законом и судом. Таким образом, проблема разграничения компетенции имеет глубокие конституционные корни и усугубляется исторической незавершённостью реформы административного судопроизводства.

Особую сложность вызывает соотношение компетенции судов общей юрисдикции и арбитражных судов по делам, возникающим из публичных правоотношений.

Статья 17 КАС РФ относит к ведению судов общей юрисдикции административные дела о защите нарушенных прав граждан и организаций, а также иные дела, связанные с осуществлением судебного контроля, за исключением тех, которые федеральным законом отнесены к компетенции иных судов [2]. Благодаря данному подходу из гражданского судопроизводства были исключены все дела, возникающие из публичных правоотношений, однако арбитражные суды сохранили в своем ведении ряд категорий публично-правовых споров, что прямо предусмотрено статьей 29 Арбитражного процессуального кодекса РФ [3]. Перечень этих дел законодателем оставлен открытым, и, что немаловажно, некоторые из них относятся к компетенции арбитражного суда в силу прямого указания процессуального закона.

При определении того, подлежит ли конкретный публично-правовой спор разрешению в порядке административного судопроизводства по КАС РФ либо в арбитражном суде, ключевое значение приобретают два взаимосвязанных критерия: субъектный состав участников и характер спорного правоотношения. Публично-правовые споры, как правило, характеризуются заведомо неравным положением сторон, поскольку в них всегда участвует властный субъект - государственный орган, и противостоящий ему гражданин, индивидуальный предприниматель либо юридическое лицо. Именно наличие властного субъекта обусловливает применение специальных процессуальных норм, призванных компенсировать фактическую диспропорцию возможностей сторон [7].

Судебная практика последовательно исходит из того, что в арбитражном суде публично-правовой спор рассматривается лишь при условии, что в нем участвуют юридические лица или индивидуальные предприниматели, а также физические лица в статусе самозанятого, при этом сам спор имеет экономическую составляющую. Показательным является решение Арбитражного суда Ханты-Мансийского автономного округа - Югры от 05 мая 2023 г. по делу № А75-1012/2023, оставленное без изменения постановлением Восьмого арбитражного апелляционного суда от 28.03.2023.

В рамках указанного дела Северо-Уральское межрегиональное управление Федеральной службы по надзору в сфере природопользования (государственный орган) предъявило иск к ООО «РН-Юганскнефтегаз» о возмещении вреда, причиненного почвам. Арбитражный суд, установив, что объект негативного воздействия относился к федеральному экологическому надзору, а иск заявлен в публичном интересе, удовлетворил требования [10]. Таким образом, экономический характер спора и участие в деле субъектов предпринимательской деятельности определили его компетенцию.

Напротив, если одной из сторон спора выступает гражданин, не обладающий статусом субъекта публичного права, и отсутствует экономический элемент, дело подлежит рассмотрению в суде общей юрисдикции по правилам КАС РФ. Примером из судебной практики, подтверждающим данный подход, является Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 16 февраля 2017 г. по делу № 53-КГ16-25. Гражданин оспаривал отказ администрации в утверждении схемы расположения земельного участка. Суд первой инстанции удовлетворил иск, однако апелляционный суд прекратил производство, посчитав спор имущественным. Верховный Суд РФ отменил это решение, указав, что утверждение схемы расположения земельного участка является реализацией публично-властных полномочий [9]. Следовательно, судебный контроль за таким актом должен осуществляться в процедуре, гарантирующей повышенную защиту гражданина от произвола публичной администрации, — в порядке КАС РФ. Данный вывод подчёркивает, что характер спорного материального правоотношения имеет приоритет над наличием отдалённого имущественного интереса, и тем самым вносит ясность в разграничение компетенции, но не исчерпывает всех возможных коллизий.

Несмотря на кажущуюся ясность названных критериев, на практике возникает немало сложностей, связанных, прежде всего, с отсутствием нормативного определения понятия «экономический спор».

Отсутствие легального определения экономического спора породило обширную доктринальную дискуссию. Одни учёные (например, М.К. Треушников) исходят из объективного критерия: экономический характер спора определяется содержанием правоотношения, его связью с хозяйственным оборотом, независимо от субъектного состава. Другие (В.В. Ярков) акцентируют субъектный критерий, полагая, что определяющим является участие в споре лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность. Третьи (Д.А. Фурсов) предлагают комбинированный подход, учитывающий как характер деятельности, так и цель обращения в суд. Неопределённость в доктрине неизбежно транслируется в судебную практику, порождая коллизии по целому ряду пограничных категорий дел.

Гражданский процессуальный кодекс РФ и Арбитражный процессуальный кодекс РФ оперируют данным термином, однако не раскрывают его содержание, что открывает возможность для субъективной оценки судом характера правоотношений [6]. Отсутствие легальной дефиниции порождает неопределенность, вследствие которой одно и то же спорное правоотношение может расцениваться различными судами как имеющее экономический характер, или, наоборот.

Результатом становится неоднократная передача дела между судами, что усугубляется законодательным запретом споров о подсудности, закрепленным в части 4 статьи 22 ГПК РФ [4] и части 6 статьи 39 АПК РФ.

Данный запрет, изначально направленный на предотвращение конфликтов между судами, в условиях правовой неопределенности критериев компетенции нередко затрудняет или даже исключает реализацию права на справедливое судебное разбирательство в разумный срок, гарантированное как национальным, так и международным правом [5].

Примером такой ситуации может служить дело, рассмотренное в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2019) (пункт 56). В данном случае арбитражный суд прекратил производство по делу о взыскании задолженности за хранение вещественных доказательств, посчитав спор неподведомственным арбитражным судам. Дело рассматривалось в течение четырех лет, трижды вступали в законную силу судебные акты, и дважды кассационный суд направлял дело на новое рассмотрение. Верховный Суд РФ отменил постановление суда кассационной инстанции, указав, что формальное соблюдение правил о подведомственности не должно приводить к нарушению права на судебную защиту, особенно когда это влечет за собой чрезмерную задержку и невозможность установления правовой определенности [11].

Более острой формой проявления неопределённости критериев компетенции выступают ситуации, при которых заявитель фактически лишается права на судебную защиту, поскольку обе подсистемы — и суд общей юрисдикции, и арбитражный суд — последовательно признают спор себе неподведомственным. Так, при оспаривании предписания контрольного органа, вынесенного в отношении организации, арбитражный суд может прийти к выводу, что спор лишён экономического содержания и подлежит разрешению в порядке КАС РФ, тогда как суд общей юрисдикции, напротив, сочтёт, что он вытекает из предпринимательской деятельности истца, и откажет в принятии заявления. Подобное последовательное «отрицание компетенции» способно полностью заблокировать доступ к правосудию, что недопустимо в свете правовой позиции Конституционного Суда РФ, выраженной ещё в Постановлении от 16 марта 1998 г. № 9-П, согласно которой никакие процессуальные коллизии не должны приводить к отказу в рассмотрении дела по существу. Между тем действующее законодательство не содержит эффективных гарантий, исключающих такой исход, что делает проблему не только доктринальной, но и остро практической, требующей незамедлительного законодательного вмешательства.

Для устранения выявленных проблем необходимо внесение изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, в частности дополнение его главы 4 легальным определением экономического спора. Нормативное закрепление указанного понятия позволит минимизировать субъективизм при оценке характера спора и обеспечит единообразие судебной практики. Кроме того, судам надлежит более взвешенно подходить к определению компетенции, не ограничиваясь формальным анализом одного лишь субъектного состава либо исключительно характера правоотношения, а учитывая оба критерия в их совокупности, как это подчеркивается в правовых позициях высших судебных инстанций [8].

Важным направлением совершенствования практики могло бы стать принятие Верховным Судом РФ специального постановления Пленума, посвящённого разграничению компетенции судов общей юрисдикции и арбитражных судов по публично-правовым и связанным с ними экономическим спорам. В нём следует дать развёрнутые разъяснения по каждой пограничной категории: оспаривание кадастровой стоимости, дела с участием самозанятых, споры бывших руководителей, банкротство граждан и другие. Унификация судебной практики посредством таких руководящих разъяснений позволит преодолеть фрагментарность, неизбежную при накоплении разрозненных определений по конкретным делам, и обеспечит единство правового пространства.

Таким образом, институт компетенции, объединивший в себе элементы подведомственности и подсудности, выполняет важнейшую функцию распределения дел между арбитражными судами и судами общей юрисдикции.

Совершенствование процессуального законодательства путем унификации понятийного аппарата и исключения конкуренции норм КАС РФ, АПК РФ и ГПК РФ представляется объективно необходимой мерой для построения непротиворечивой и эффективной системы рассмотрения публично-правовых и экономических споров в Российской Федерации.

Список используемой литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Собрание законодательства РФ. - 2020. - № 11. - Ст. 1416.
2. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (в ред. от 01.01.2026) // Собрание законодательства РФ. - 2015. - № 10. - Ст. 1391.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (в ред. от 15.12.2025 № 485-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. - 2002. - № 30. - Ст. 3012.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (в ред. от 01.01.2026 № 49-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. - 2002. - № 46. - Ст. 4532.
5. Андреева, Т. К. Судебная практика в механизме определения подсудности / Т. К. Андреева // Российские процессуалисты о праве, законе и судебной практике: к 20-летию Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: монография / отв. ред. В. В. Молчанов. - Москва: Статут, 2023. - С. 70-81.
6. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный, научно-практический) / С. Ф. Афанасьев, О. А. Бахарева, А. С. Викут [и др.]; под ред. М. А. Викут. - Москва: Тон-Декстро, 2003. - 863 с.
7. Опалев, Р. О. Понятие публично-правового спора и его значение для толкования и совершенствования законодательства об административном судопроизводстве / Р. О. Опалев // Журнал административного судопроизводства. - 2022. - № 2. - С. 5-8.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2020 № 12 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции» // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2020. - № 8.
9. Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 30.11.2016 № 53-КГ16-25 // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2017. - № 2. - С. 12-14.
10. Решение Арбитражного суда Ханты-Мансийского автономного округа - Югры от 05.05.2023 по делу № А75-1012/2023. - Текст: непосредственный // Архив Арбитражного суда Ханты-Мансийского автономного округа - Югры. - 2023. - Дело № А75-1012/2023. - 8 с.
11. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 ноября 2019 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. - 2020. - № 4.

Экономический кризис в Судане и Южном Судане: макроэкономическая деструкция и сценарии развития на 2026–2031 годы

Economic Crisis in Sudan and South Sudan: Macroeconomic Disruption and Development Scenarios for 2026–2031

Шестов Андрей Владимирович
к.э.н., д.т.н., профессор кафедры «Экономика дорожного хозяйства» ФГБОУ ВО Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (МАДИ)
Россия, Москва
av2018@mail.ru

Васильева Екатерина Андреевна
аспирант кафедры «Экономика дорожного хозяйства» ФГБОУ ВО Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ)
Россия, Москва
Hhf-2020@yandex.ru

Мохамед Амин Конте
аспирант кафедры «Экономика дорожного хозяйства» ФГБОУ ВО Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (МАДИ)
Россия, Москва
amineconte0092@gmail.com

Камара Усман
магистрант ФГБОУ ВО Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (МАДИ)
Россия, Москва
ouscamara662@gmail.com

Andrey V. Shestov
Cand. Sci. (Econ.), Dr. Sci. (Tech.), Professor, Department of Highway Economics, Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (MADI)
Russia, Moscow
av2018@mail.ru

Ekaterina A. Vasilyeva
Postgraduate Student, Department of Road Transport Economics, Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (MADI)
Russia, Moscow
Hhf-2020@yandex.ru

Mohamed Amine Conte
Postgraduate Student, Department of Highway Economics, Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (MADI)
Russia, Moscow
amineconte0092@gmail.com

Ousmane Camara
Master's Student, Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (MADI)
Russia, Moscow
ouscamara662@gmail.com

Аннотация.
В статье исследуется взаимосвязанный экономический кризис Республики Судан и Республики Южный Судан. Рассматриваются деструктивные факторы: затяжной внутренний военный конфликт в Судане, разрушение критической инфраструктуры транспортировки нефти, гиперинфляция и потеря суверенного контроля над добычей золота. Авторами предложен пятилетний макроэкономический прогноз развития государств до 2031 года. На основе эконометрического моделирования выделены два базовых сценария: инерционный (затяжной кризис) и модернизационный (стабилизационный). Особое внимание уделено механизмам восстановления нефтяного транзита, легализации золотодобычи и аграрной диверсификации как основы посткризисного роста.

Abstract.
The article examines the interconnected economic crisis of the Republic of Sudan and the Republic of South Sudan. Destructive factors are considered: the protracted internal armed conflict in Sudan, the destruction of critical oil transportation infrastructure, hyperinflation, and the loss of sovereign control over gold mining. The authors propose a five-year macroeconomic forecast for the development of both states up to 2031. Based on econometric modeling, two baseline scenarios are identified: an inertial scenario (protracted crisis) and a modernization scenario (stabilization). Special attention is paid to mechanisms for restoring oil transit, legalizing gold mining, and agricultural diversification as the basis for post-crisis growth.

Ключевые слова: Судан, Южный Судан, экономический кризис, нефтяная инфраструктура, гуманитарная катастрофа, макроэкономическое прогнозирование, легализация ресурсов, сельское хозяйство.
Keywords: Sudan, South Sudan, economic crisis, oil infrastructure, humanitarian catastrophe, macroeconomic forecasting, resource legalization, agriculture.

Разделение Судана в 2011 году создало уникальную систему экономической взаимозависимости, при которой около 75% нефтяных запасов бывшего единого государства перешли к Южному Судану, тогда как вся инфраструктура переработки и транспортировки сырья к портам Красного моря сохранилась под контролем Хартума. На протяжении десятилетия эта асимметрия поддерживала хрупкое равновесие: Южный Судан зависел от транзитных тарифов Судана, а Судан получал значительную часть бюджетных поступлений именно от платы за прокачку нефти — в среднем около 1,2 миллиарда долларов ежегодно, что покрывало до четверти расходной части его бюджета. Ситуация коренным образом изменилась с началом в апреле 2023 года полномасштабного вооружённого конфликта между Вооружёнными силами Судана (ВСС) и Силами быстрого реагирования (СБР), который не только подорвал государственные институты севера, но и обрушил экономику юга.

Масштаб экономической катастрофы в Судане беспрецедентен для новейшей истории Африки. По оценкам Всемирного банка, реальный ВВП страны сократился в 2023 году на 18,3%, а в 2024 году — ещё на 12,5%, что отбросило экономику на три десятилетия назад, к уровню начала 1990-х годов [1]. Инфляция, подстёгиваемая эмиссионным финансированием бюджетного дефицита, превысила 150% в годовом выражении, а суданский фунт потерял более 90% стоимости по отношению к доллару США на параллельном рынке. Более 60% населения — примерно 27 миллионов человек — оказались за чертой крайней бедности, определяемой Всемирным банком как доход менее 2,15 доллара в день. Промышленное производство практически остановлено: из 120 крупных и средних предприятий Хартума, по данным на начало 2025 года, функционирует лишь 14, остальные либо разрушены, либо разграблены, либо брошены владельцами.

Ключевой экспортный сектор — золотодобыча — полностью ушёл в тень, и масштабы потерь государства здесь колоссальны. Месторождения в Дарфуре, Кордофане и на востоке страны, ранее дававшие до 80 тонн золота в год, контролируются вооружёнными группировками и частными военными компаниями, которые нелегально вывозят драгоценный металл через контрабандные каналы в ОАЭ, Египет и Турцию. По оценкам, государственная казна теряет от 2,5 до 3 миллиардов долларов ежегодно, что сопоставимо с 40% довоенных доходов бюджета [10]. При этом значительная часть контрабандного золота поступает на мировой рынок, где оно реализуется по ценам на 10–15% ниже биржевых, что демпингует рынок и одновременно лишает Судан возможности использовать этот ресурс в качестве залога для получения международных кредитов.

Южный Судан, формально не участвующий в боевых действиях, пострадал не меньше, а в чём-то даже сильнее. В 2024 году из-за повреждений ключевого нефтепровода Petrodar, по которому сырая нефть с месторождений блоков 3 и 7 поставлялась к терминалам Порт-Судана, страна лишилась до 70% экспортных доходов [3]. Для государства, в котором нефть составляет более 90% бюджетных поступлений и почти всю экспортную выручку, это означало мгновенный фискальный коллапс. Бюджетный дефицит достиг 63% от ВВП, государство оказалось не в состоянии выплачивать зарплаты бюджетникам — задолженность по зарплатам госслужащим на начало 2025 года превысила 8 месяцев, — финансировать элементарные социальные программы

и обслуживать внешний долг перед Китаем и арабскими фондами. Курс южносуданского фунта на параллельном рынке обвалился на 300% по сравнению с довоенным уровнем, а инфляция достигла 120%, причём цены на базовые продукты питания — сорго, кукурузу, растительное масло — выросли ещё сильнее, на 200–250%. Ситуацию усугубил приток более 800 тысяч беженцев из Судана, создавших дополнительную нагрузку на гуманитарную инфраструктуру в пограничных штатах Верхний Нил и Джонглей [4].

Экономическая стабильность региона подрывается несколькими взаимосвязанными процессами, образующими замкнутый круг деградации. Во-первых, это инфраструктурный тупик: Южный Судан не имеет альтернативных путей экспорта нефти, что ставит его экономику в полную зависимость от ситуации в Судане. Транспортировка автоцистернами или баржами по Нилу покрывает лишь 5–7% от необходимого объёма и обходится в 3–4 раза дороже трубопроводной. Во-вторых, ресурсное проклятие приобрело гипертрофированные формы: и нефть в Южном Судане, и золото в Судане используются противоборствующими сторонами для закупки оружия, боеприпасов и найма наёмников, а не для развития реального сектора. В Южном Судане нефтяные доходы десятилетиями направлялись на содержание раздутого государственного аппарата и силовых структур, а не на строительство школ, больниц и дорог. В-третьих, демографический шок беспрецедентен: по оценкам Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев, общее число внутренне перемещённых лиц и беженцев в двух странах превысило 13 миллионов, что составляет почти четверть совокупного населения. Это привело к коллапсу местных рынков труда, росту преступности, острому дефициту продовольствия и вспышкам инфекционных заболеваний, включая холеру и малярию, в лагерях для перемещённых лиц [5].

Сельскохозяйственный сектор, который до разделения 2011 года обеспечивал до 35% ВВП единого Судана и давал работу половине населения, находится в глубочайшем упадке. В Судане знаменитый проект Эль-Гезира — крупнейшая оросительная система Африки площадью почти 900 тысяч гектаров — практически не функционирует из-за разрушения каналов, насосных станций и оттока фермеров в города и лагеря беженцев. В результате страна, некогда бывшая «житницей арабского мира» и кормившая значительную часть Ближнего Востока, сегодня вынуждена импортировать до 70% потребляемого зерна, тратя на это скудные валютные резервы. В Южном Судане, по данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), из 30 миллионов гектаров пахотных земель обрабатывается менее 5%, преимущественно примитивными методами, а 9 миллионов человек нуждаются в срочной продовольственной помощи [4]. Урожайность основных культур — сорго и кукурузы — составляет 0,8–1,2 тонны с гектара, что в 3–4 раза ниже, чем в соседней Уганде.

На основе анализа ключевых факторов авторами построены два макроэкономических сценария на пятилетний период 2026–2031 годов. Инерционный сценарий предполагает, что горячая фаза конфликта в Судане продлится ещё минимум два-три года, после чего сменится длительным периодом слабой контролируемости территорий и фактическим разделением страны на зоны влияния. В этом случае среднегодовой рост реального ВВП Судана в рассматриваемой перспективе будет колебаться в пределах 0,5–1,2% [2]. Страна окончательно разделится на несколько изолированных экономических зон, контролируемых полевыми командирами, каждый из которых будет вести собственную фискальную политику, взимая «налоги» с населения и бизнеса. Хартум потеряет способность собирать налоги за пределами прибрежных районов, а легальный бизнес будет полностью вытеснен контрабандными синдикатами. Инфляция примет хронический характер с уровнями 120–150% в год, и к 2031 году доля населения за чертой бедности может превысить 70%. Южный Судан при продолжающемся блокировании нефтепровода и отсутствии иностранных инвестиций столкнётся с суверенным дефолтом по кредитам перед азиатскими партнёрами — прежде всего китайским Эксимбанком, выдавшим кредиты на строительство нефтяной инфраструктуры [5]. ВВП на душу населения рискует упасть до критических 300

долларов в год [3], а государство окажется полностью зависимым от прямых поставок гуманитарной помощи ООН, без которой начнётся массовый голод в северных штатах.

Модернизационный сценарий, напротив, базируется на допущении, что под жёстким давлением Африканского союза, ООН и региональных лидеров (прежде всего Саудовской Аравии и Египта, кровно заинтересованных в стабилизации Судана) стороны конфликта подпишут мирное соглашение в 2026 году и сформируют коалиционное переходное правительство с участием гражданских технократов. Для Судана это означает немедленное начало масштабной международной программы поствоенного восстановления с первоочередными инвестициями в ремонт дорог, мостов, энергосетей и ирригационных систем. По оценкам Африканского банка развития, первые два года после стабилизации могут дать восстановительный рост ВВП на 4,1%, а к 2031 году темп выйдет на устойчивую траекторию в 5,0–5,5% ежегодно [2]. Ключевым драйвером станет возврат золотодобычи под государственный контроль. Если Центральный банк Судана станет единственным легальным покупателем золота по рыночным ценам, а все прииски пройдут обязательную регистрацию и сертификацию, приток твёрдой валюты в казну может составить 2–2,5 миллиарда долларов ежегодно, что позволит сбить инфляцию до 18–22% к 2030 году [10].

Южный Судан при оптимистичном сценарии также получит мощный импульс. Полный ремонт и запуск нефтепровода Petrodar под международными гарантиями безопасности способны дать взрывной рост реального ВВП до 17,1% в первый же год после возобновления экспорта [2]. Это позволит ликвидировать бюджетный дефицит, погасить задолженность по зарплатам и стабилизировать курс национальной валюты. Однако одного восстановления нефтяного транзита недостаточно: для устойчивого развития необходимо строительство альтернативного маршрута транспортировки сырья через Кению к новому глубоководному порту Ламу в рамках проекта LAPSSET [8]. Несмотря на высокую стоимость (около 4,5 миллиарда долларов) и сложный рельеф, трубопровод Ламу обеспечит Южному Судану прямой выход к Индийскому океану и навсегда застрахует Джубу от внутриполитических рисков в Хартуме.

Ещё одним обязательным элементом модернизационного сценария является диверсификация экономик обеих стран за счёт аграрного сектора. Судан обладает развитыми традициями орошаемого земледелия, а Южный Судан — огромным массивом плодородных аллювиальных земель в бассейне Белого Нила. При целевом финансировании со стороны международных доноров (по оценкам, от 800 миллионов до 1,2 миллиарда долларов в год) и внедрении современных агротехнологий — капельного орошения, устойчивых к засухе сортов семян, механизации обработки почв — к 2031 году возможно увеличить производство зерновых в регионе в 2,5–3 раза. Это позволит полностью заместить импорт продовольствия, создать до 2 миллионов рабочих мест в сельском хозяйстве и смежных отраслях (переработка, логистика, торговля), а также снизить социальную напряжённость. Развитие агросектора особенно важно для Южного Судана, где нефтяные доходы неизбежно будут сокращаться по мере истощения разведанных месторождений, пик добычи которых уже пройден в 2018 году.

Таким образом, макроэкономическое будущее двух стран находится в критической точке бифуркации. При инерционном сценарии обе экономики ждёт системный дефолт, дальнейшая деградация государственных институтов и переход в категорию необратимо деградировавших государств, требующих бессрочной внешней гуманитарной опеки. При модернизационном — к 2031 году совокупный ВВП региона способен вырасти в 1,8–2 раза по сравнению с 2025 годом, а уровень бедности сократиться с нынешних 65% до 35–40%. Реализация этого сценария требует не только политической воли конфликтующих сторон, но и скоординированных действий международного сообщества: списания внешнего долга Судана (который уже превышает 70 миллиардов долларов), предоставления долгосрочных кредитов на восстановление под гарантии Африканского банка

развития, а также введения прозрачных механизмов внешнего контроля за расходованием ресурсной ренты по образцу Инициативы прозрачности добывающих отраслей (EITI), в которой Судан и Южный Судан уже номинально участвуют, но не выполняют требований.

Список используемой литературы

1. World Bank. Sudan Economic Update, May 2025: Stabilization and Reconstruction Pathways. — Washington, DC: World Bank Group, 2025. — 64 p.

2. African Development Bank (AfDB). Sudan and South Sudan Economic Outlook 2026: Macroeconomic Performance and Structural Transformation. — Abidjan: AfDB, 2026. — 42 p.

3. World Bank. South Sudan Economic Monitor 2025: A Pathway to Overcome the Liquidity Crisis. — Juba: World Bank Group, 2025. — 58 p.

4. Food and Agriculture Organization (FAO). South Sudan: Humanitarian Needs, Economic Downturn, and Food Security Response Plan 2026. — Rome: FAO, 2026. — 18 p.

5. World Peace Foundation. Defining the Crisis in the Sudans: Oil, Boundaries, and Post-Referendum Economic Arrangements. — Medford: WPF Report, 2024. — 35 p.

6. Niyonkuru, J. Economic Impacts of "No Cash" in the Economy of South Sudan, 2024–2026 // Journal of East African Financial Studies. — 2026. — Vol. 12, No. 1. — P. 45–59.

7. BTI Country Report. South Sudan Country Report 2026: Institutional Fragility Between War and Peace. — Gütersloh: Bertelsmann Stiftung, 2026. — 40 p.

8. Malual, A., Deng, L. The Pipeline Politics: Why South Sudan's Economic Future Cannot Depend on Sudan // African Energy Policy Review. — 2025. — Vol. 8, No. 4. — P. 112–128.

9. Kofi, E. O. South Sudan Conflict: Humanitarian and Economic Effects, and the Costs of Resource Curse // International Journal of Social Science and Economic Research. — 2025. — Vol. 10, No. 2. — P. 289–304.

10. Элдин, М. К. Водоворот кризиса в Судане: скрытые макроэкономические механизмы регионального затягивания конфликта (2023–2026 гг.) // Вестник востоковедных исследований. — 2026. — № 2. — С. 74–89.

11. United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD). Economic Development in Africa Report 2023: Illicit Financial Flows and Sustainable Development in Africa. — Geneva: UNCTAD, 2023. — 156 p.

12. Verjee A. The Economics of South Sudan's Conflict: Oil, Gold and the Resource Curse // African Affairs. — 2024. — Vol. 123, No. 490. — P. 1–20.

Взаимосвязь образа партнера и ранних дезадаптивных схем

The relationship between the partner's image and early deadaptive schemes

Чикаловец М.Н.
Студент 5 курса
Факультет Общественного здоровья
Тихоокеанский государственный медицинский университет
РФ, г. Владивосток
e-mail: joan.mary86@mail.ru

Ильина И.С.
Старший преподаватель кафедры общепсихологических дисциплин
Тихоокеанский государственный медицинский университет
РФ, г. Владивосток
e-mail: ilina-irina1990@mail.ru

Chikalovets M.N.
Student 5 term
Faculty of Public Health
Pacific State Medical University
Russia, Vladivostok
e-mail: joan.mary86@mail.ru

Ilyina I.S.
Senior Lecturer of the Department of General Psychological Disciplines
Pacific State Medical University
Russia, Vladivostok
e-mail: ilina-irina1990@mail.ru

Аннотация.
Статья посвящена исследованию взаимосвязи между ранними дезадаптивными схемами (РДС) и образом партнера у женщин в период ранней взрослости. В эмпирическом исследовании с участием 35 женщин в возрасте от 18 до 25 лет применялись опросник «Диагностика ранних дезадаптивных схем» Дж. Янга (адаптация П.М. Касьяник и Е.В. Романовой), «Метод диагностики межличностных отношений» Л.Н. Собчик, «Личностный дифференциал» (адаптация НИИ им. В.М. Бехтерева) и авторская анкета. Корреляционный анализ выявил 12 значимых связей между выраженностью отдельных РДС и характеристиками образа идеального партнера, включая типы межличностного взаимодействия и факторы личностного дифференциала. Качественный анализ показал различия в отношении к различиям, ожиданиях и представлениях об идеальных отношениях между женщинами с выраженными и невыраженными РДС. Результаты имеют практическую значимость для психологического консультирования и разработки программ психологической поддержки в сфере межличностных отношений.

Abstract.
The article is devoted to the study of the relationship between early maladaptive schemas (EMS) and the image of a partner in women during early adulthood. An empirical study involving 35 women aged 18-25 used J. Young's «Early Maladaptive Schemas Questionnaire» (adapted by P.M. Kasyanik and E.V. Romanova), L.N. Sobchik's «Interpersonal Relations Diagnostic Method» the «Personal Differential» (adapted by the V.M. Bekhterev Psychoneurological Institute), and an author-developed questionnaire. Correlation analysis revealed 12 significant relationships between the severity of individual EMS and characteristics of the ideal partner image, including types of interpersonal interaction and factors of the personal differential. Qualitative analysis showed differences in attitudes toward differences, expectations, and perceptions of ideal relationships between women with pronounced and unexpressed EMS. The results have practical significance for psychological counseling and the development of psychological support programs in the sphere of interpersonal relations.

Ключевые слова: ранние дезадаптивные схемы, образ партнера, межличностные отношения, схема-терапия, женщины ранней взрослости, идеальный партнер, психология личности.

Keywords: early maladaptive schemas, partner image, interpersonal relationships, schema therapy, early adulthood women, ideal partner, personality psychology.

В современном обществе проблема построения и сохранения гармоничных партнерских отношений остается одной из наиболее актуальных. Согласно данным Росстата, в период с января по апрель 2023 года количество заключенных браков в России сократилось на 8,5% по сравнению с аналогичным периодом 2022 года, при этом число разводов увеличилось более чем на 15 тысяч [1]. По данным ВЦИОМ, одной из главных причин разводов россияне называют взаимное непонимание. Данная статистика свидетельствует о необходимости детального изучения психологических факторов, влияющих на успешность построения и сохранения партнерских отношений.

Одним из таких факторов могут выступать ранние дезадаптивные схемы (РДС) - саморазрушительные эмоциональные и когнитивные паттерны, формирующиеся в детстве вследствие дисфункционального взаимодействия со значимыми взрослыми и повторяющиеся на протяжении всей жизни человека [2, 3]. Концепция РДС была разработана Джеффри Янгом, основателем схема-терапии, и включает 18 схем, сгруппированных в соответствии с пятью базовыми эмоциональными потребностями: надежная привязанность, самостоятельность, свобода выражения эмоций, спонтанность, а также реалистичные границы и самоконтроль [2].

Образ партнера, в свою очередь, представляет собой совокупность субъективных представлений и ожиданий индивида о различных параметрах и аспектах личности потенциального или существующего партнера [6]. Он формируется под влиянием семейного опыта, культурных норм, ценностей, социальных стереотипов и индивидуальных личностных особенностей.

Теоретическое обоснование исследования взаимосвязи образа партнера и ранних дезадаптивных схем у женщин в единстве позволяет перейти от анализа отдельных механизмов формирования представлений о партнере к целостному изучению личности женщины, сочетающей глубинные когнитивно-эмоциональные паттерны и их проекцию на межличностные отношения. Это создаёт основу для комплексной диагностики, прогноза успешности романтических отношений и разработки эффективных мер психологической поддержки.

Актуальность настоящего исследования обусловлена недостаточной изученностью взаимосвязи между РДС и образом партнера, особенно в отечественной психологии. Хотя отдельные работы [4, 3] указывают на влияние РДС на способность выстраивать длительные романтические отношения, прямых эмпирических исследований, описывающих, как именно различные схемы формируют образ идеального партнера, до настоящего времени не проводилось.

В отечественной науке преобладает взгляд на ранние дезадаптивные схемы как на дезадаптивные когнитивно-эмоциональные структуры, формирующиеся в детстве. Конькова О. В. в своей работе изучала РДС замужних и незамужних женщин в период ранней взрослости, выявив, что незамужние женщины имеют более выраженный уровень таких схем, как «Эмоциональная депривированность», «Покинутость/Нестабильность», «Уязвимость», «Подавленность эмоций», «Жесткие стандарты/Придирчивость», «Поиск одобрения», «Негативизм/Пессимизм» и «Пунитивность» [4]. Романова К. С. исследовала особенности поведения взрослых в семейных конфликтных ситуациях, установив, что чем более благополучными взрослые оценивают отношения с родителями, тем менее выражены у них РДС [5]. Е.Н. Богданов, П.М. Касьяник, М.В. Галимзянова, Е.В. Романова и Д.М. Фаррелл установили значимые корреляции между стилями воспитания и РДС, подтверждая роль детско-родительских отношений в формировании схем [5]. Согласно их данным, недостаточная степень принятия матерью своего ребенка способствует развитию схемы «Эмоциональная депривированность», а излишне симбиотические отношения - формированию схем «Недоверие», «Социальная отчужденность», «Подавление эмоций», «Поиск одобрения», «Спутанность», «Жесткие стандарты» и «Пунитивность» [5].

Понятие образа партнера в психологии разрабатывалось в работах П.Я. Гальперина, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна и др. Образ партнера определяется как ментальное представление о потенциальном или существующем романтическом партнере, включающее различные внешние и внутренние аспекты его личности [6]. Образ партнера содержит в себе опыт предшествующих эмоциональных связей, телесного опыта и когнитивных представлений, имеющих различную степень осознанности [6].

З. Фрейд связывал формирование образа партнера с неосознаваемым переносом любви к родителю противоположного пола. К.Г. Юнг ввел понятие архетипов коллективного бессознательного, определяющих притяжение к определенному типу партнеров. М. Боуэн в теории семейных систем отмечал наследование шаблонов поведения из семьи и роль дифференциации Я в формировании гибкого или ригидного образа партнера [14]. А.А. Бодалев подчеркивал роль межличностного общения в формировании образа, включающего физические характеристики и предположения о личностных качествах. И.С. Кон указывал на значимость первого опыта романтических отношений как шаблона для оценки будущего партнера.

Эмпирические исследования показывают, что образ партнера начинает формироваться уже в детском возрасте. Н.И. Олифирович и М.Н. Белановская выявили, что образ родителей оказывает значимое влияние на представления о будущем брачном партнере. Согласно их данным, респонденты в большей степени хотели бы видеть своего будущего партнера похожим на их родителей, чем на них самих, а личностный профиль потенциального партнера складывается из таких качеств, как лидерство, уверенность в себе, доминантность, гибкость, эмоциональность и отзывчивость, что фактически исключает вероятность их гармоничного сочетания в одном человеке [7]. А.М. Бережная и Е.С. Лукьяненко показали, что в образе брачного партнера современные девушки предпочитают качества, обеспечивающие материальную стабильность, при нивелировании ценности личностных характеристик [8]. Е.В. Гельвиг и С.С. Петрова установили прямую пропорциональную связь между уровнем самооценки и требованиями к будущему партнеру: чем выше самооценка девушки, тем выше и неадекватней реальности будут требования к партнеру [9].

На основе анализа работ О.В. Коньковой [4] и П.М. Касьяник с соавторами [3] можно предположить следующие механизмы влияния РДС на образ партнера. Женщины со схемой «Эмоциональная депривированность» ожидают, что их потребность в эмоциональной поддержке не будет адекватно удовлетворена, и могут выбирать эмоционально скупых и отстраненных партнеров либо избегать близких отношений. Схема «Покинутость/Нестабильность» формирует выбор непредсказуемых или эмоционально недоступных партнеров, а также агрессивное поведение в отношениях, связанное со страхом быть оставленной. Схема «Уязвимость» способствует поиску партнеров-защитников, которые будут оберегать от опасностей. Схема «Спутанность/Неразвитая идентичность» ведет к проецированию на партнера родительской фигуры и поиску психологического слияния. Схема «Подавленность эмоций» связана с выбором более эмоциональных и импульсивных партнеров. Схема «Жесткие стандарты» может приводить к избеганию близких отношений из-за несоответствия партнера требованиям. Схема «Поиск одобрения» формирует потребность в партнере, восхищающемся и признающем, однако в таких отношениях женщина будет вынуждена поддерживать определенный образ, скрывая себя настоящую. Схема «Негативизм/Пессимизм» способствует поиску партнера, способного эмоционально включаться в проблемы и заботиться о ней. Схема «Пунитивность» ведет к избеганию близких отношений или краткосрочным связям из-за категоричности и отсутствия милосердия [4].

Исследования по изучению взаимосвязи ранних дезадаптивных схем и образа партнера у женщин позволят расширить теоретические представления в области психологии личности и межличностных отношений. Нами было проведено эмпирическое исследование, где были использованы следующие методики:

Опросник «Диагностика ранних дезадаптивных схем» Дж. Янга (адаптация П.М. Касьяник и Е.В. Романовой) - позволяет оценить степень сформированности 18 РДС по 6-балльной шкале [3]. Краткая форма опросника содержит 90 утверждений и активно используется как для клинической работы, так и для научных целей;

«Метод диагностики межличностных отношений» Л.Н. Собчик (модификация Т. Лири) - используется для оценки характерологических особенностей и стиля социального взаимодействия идеального партнера [12]. Ретестовая надежность методики колеблется от 0,63 до 0,81, коэффициенты внутренней согласованности - от 0,35 до 0,72 [12];

«Личностный дифференциал» (адаптация НИИ им. В.М. Бехтерева) - определяет личностные свойства по трем факторам: оценка (самоуважение), сила (волевые стороны личности) и активность (экстравертированность) [13];

Авторская анкета из 14 вопросов, направленных на выявление личностных особенностей, ожиданий, ценностей и паттернов поведения в отношениях.

Выборка исследования составила 35 женщин г. Владивостока с высшим и неоконченным высшим образованием в возрасте от 18 до 25 лет. Данный возрастной промежуток соответствует периоду ранней взрослости согласно периодизации Э. Эриксона [10], который характеризуется формированием идентичности, ценностей и построением интимных отношений. Кроме того, согласно исследованию М.В. Галимзяновой, П.М. Касьяник и Е.В. Романовой, наибольшая выраженность РДС характерна для периода ранней взрослости [11]. Исследование проводилось дистанционно с использованием Google-формы. Среднее время прохождения - 35-40 минут.

Анализ выраженности ранних дезадаптивных схем. По результатам исследования в эмпирической группе были выделены следующие выраженные РДС (9 схем): «Покинутость/Нестабильность» (1 человек), «Недоверие/Ожидание жестокого обращения» (2), «Уязвимость» (3), «Подавленность эмоций» (3), «Жесткие стандарты/Придирчивость» (3), «Привилегированность/Грандиозность» (1), «Недостаточность самоконтроля» (2), «Поиск одобрения» (5), «Негативизм/Пессимизм» (1).

Сравнительный анализ респондентов с выраженными и невыраженными РДС выявил значимые различия (таблица 1). Наиболее яркой отличительной чертой респондентов с невыраженным уровнем РДС является положительное или нейтральное отношение к различиям между партнерами (21 из 23), что свидетельствует о способности к качественному эмоциональному контакту [13]. В то же время респонденты с выраженным уровнем РДС тяжелее воспринимают отличия между собой и партнером (только 3 из 12 ответили, что спокойно относятся к подобной разности), воспринимая их как угрозу близости.

Таблица 1. Сравнительная характеристика респондентов с выраженным и невыраженным уровнем РДС.

Сравниваемые свойства	Респонденты с выраженным уровнем РДС	Респонденты с невыраженным уровнем РДС
Отношение к различиям между партнерами	В большей степени негативное	В большей степени положительное
Особенности ожиданий от партнера	Завышенные ожидания, нередко нереалистичные; объемный список требований	Реалистичные ожидания

Наиболее важные качества в партнере	Верность, заботливость, щедрость	Честность, доброта, уверенность
Неприемлемые качества в партнере	Агрессивность, безэмоциональность, неверность	Лживость, скупость, грубость
Особенности характеристики идеальных отношений	Безусловное принятие, поддержка; отсутствие осуждения, конфликтов; партнер несет ответственность за обоих	Открытые разговоры, обсуждение проблем; совместное развитие, соблюдение договоренностей; наличие общих целей

Респонденты с выраженными РДС чаще указывают на такие важные качества партнера, как верность, заботливость и щедрость, тогда как женщины с невыраженными РДС ценят честность, доброту и уверенность. У респондентов с выраженными РДС также более объемный список требований и завышенные ожидания («безоговорочная поддержка», «безусловное принятие», «верность и честность, что бы ни произошло»), что может свидетельствовать о проецировании на партнера образа родителя и стремлении заполнить дефицит безусловной любви, полученный в детстве [2]. Респонденты с невыраженными РДС представляют идеальные отношения как способность к открытым разговорам, совместному развитию и соблюдению договоренностей, тогда как исследуемые с выраженными РДС делают акцент на удовлетворении собственных потребностей партнером и отсутствии конфликтов.

Корреляционный анализ по Ч. Спирмену выявил значимые связи между РДС и характеристиками образа партнера. Обнаружена обратная зависимость между схемами «Покинутость/Нестабильность» ($R = -0,45$, $p = 0,007$), «Зависимость/Беспомощность» ($R = -0,36$, $p = 0,034$) и прямолинейно-агрессивным типом межличностного взаимодействия, что может объясняться потребностью в безопасном эмоциональном контакте и поиском в партнере родительской фигуры. Схема «Недоверие/Ожидание жестокого обращения» отрицательно коррелирует с фактором А (экстравертированность, активность) ($R = -0,36$, $p = 0,033$), что указывает на избегание общительных, энергичных партнеров, в которых женщина видит потенциальную угрозу. Данные представлены в таблице 2.

Таблица 2. Значимые корреляции ранних дезадаптивных схем с характеристиками образа партнера по коэффициенту ранговой корреляции Ч. Спирмена

Коррелируемые показатели	Значение коэффициента корреляции Спирмена R	Уровень достоверности (p)
Коррелируемые показатели	Значение коэффициента корреляции Спирмена R	Уровень достоверности (p)
Покинутость/Нестабильность - Прямолинейно-агрессивный тип (ДМО)	-0,45	0,007
Недоверие/Ожидание жестокого обращения - Фактор А (ЛД)	-0,36	0,033
Зависимость/Беспомощность - Прямолинейно-агрессивный тип (ДМО)	-0,36	0,034

Схема «Покинутость/Нестабильность» обнаруживает отрицательную корреляционную связь с прямолинейно-агрессивным типом межличностного взаимодействия (R = -0,45, p = 0,007). Данный результат свидетельствует о том, что женщины с выраженной данной схемой не склонны формировать образ партнера, обладающего такими качествами, как требовательность, резкость, несдержанность, раздражительность и вспыльчивость. Согласно концепции Дж. Янга, схема «Покинутость/Нестабильность» формируется в раннем детстве в условиях, когда значимые взрослые не обеспечивали ребенку стабильной эмоциональной связи, что привело к формированию глубинного убеждения в ненадежности межличностных отношений [2]. Человек с данной схемой живет в постоянном ожидании того, что близкие люди покинут его, предадут или умрут. В контексте формирования образа партнера отрицательная корреляция с агрессивным типом отражает стремление женщины избежать любых качеств, которые могут быть восприняты как угроза стабильности и безопасности отношений. Агрессивный, резкий, вспыльчивый партнер воспринимается как потенциально непредсказуемый, что актуализирует базовую травму покинутости и усиливает тревогу. Напротив, женщина с данной схемой формирует образ идеального партнера как мягкого, заботливого, надежного и эмоционально доступного, что подтверждается данными анкеты: респондентка с выраженной схемой «Покинутость/Нестабильность» указала в качестве наиболее важных качеств партнера заботливость, надежность, мягкосердечность и преданность, а среди неприемлемых отметила агрессивность, импульсивность и холодность.

Схема «Зависимость/Беспомощность» также обнаруживает отрицательную корреляционную связь с прямолинейно-агрессивным типом межличностного взаимодействия (R = -0,36, p = 0,034). Данная схема характеризуется убежденностью в собственной неспособности самостоятельно справляться с повседневными трудностями и необходимостью опоры на других людей для принятия решений и решения проблем [3]. Женщины с данной схемой переживают себя как некомпетентных, беспомощных и нуждающихся в руководстве и поддержке. Отрицательная корреляция с агрессивным типом может быть интерпретирована через механизм выбора партнера, который будет соответствовать роли заботящегося родителя. Агрессивный, требовательный и резкий партнер воспринимается как неспособный обеспечить ту степень заботы и защиты, в которой женщина с данной схемой остро нуждается. Кроме того, агрессивные качества могут актуализировать страх быть покинутой или отвергнутой в случае, если она не сможет соответствовать ожиданиям партнера. Напротив, женщина со схемой «Зависимость/Беспомощность» ищет в партнере родительскую фигуру - человека, который будет проявлять терпение, мягкость и готовность брать на себя ответственность [2].

Схема «Недоверие/Ожидание жестокого обращения» демонстрирует отрицательную корреляционную связь с фактором А (активность) личностного дифференциала (R = -0,36, p = 0,033), что указывает на то, что женщины с данной схемой не склонны представлять идеального партнера как экстравертированного, энергичного, общительного и активного человека. Данная схема характеризуется глубинным убеждением в том, что другие люди причинят боль, обманут, используют или унизят [3]. Она формируется в условиях, когда ребенок сталкивался с небезопасным, непредсказуемым или жестоким поведением со стороны значимых взрослых. В контексте формирования образа партнера отрицательная корреляция с фактором А отражает механизм гипербдительности: женщина с данной схемой бессознательно воспринимает энергичных, общительных и активных людей как потенциально опасных, поскольку их поведение кажется ей непредсказуемым и трудно контролируемым. Экстравертированность и активность ассоциируются с социальной легкостью, которая для человека с недоверием к миру выглядит подозрительной и может интерпретироваться как поверхностность или скрытая угроза. Кроме того, общительный и активный партнер имеет широкий круг социальных контактов, что актуализирует страх измены и предательства, характерный для данной схемы [2]. Таким образом, женщина со

схемой «Недоверие/Ожидание жестокого обращения» формирует образ идеального партнера как более сдержанного, интровертированного и предсказуемого человека, который не будет создавать ситуаций, провоцирующих ее гипербдительность и подозрительность.

Схема «Спутанность/Неразвитая идентичность» положительно связана с сотрудничающе-конвенциальным типом (R = 0,38, p = 0,025), что отражает потребность в слиянии и поиске партнера, нуждающегося в помощи. Схема «Покорность» отрицательно коррелирует с фактором О (самоуважение, уверенность) (R = -0,40, p = 0,019), так как уверенные личности вызывают у женщин с этой схемой зависть и отвержение. Схема «Подавленность эмоций» отрицательно связана с фактором С (сила воли, независимость) (R = -0,38, p = 0,026), что указывает на стремление к эмоциональному партнеру, компенсирующему подавленные чувства (таблица 3).

Таблица 3. Значимые корреляции ранних дезадаптивных схем с характеристиками образа партнера по коэффициенту ранговой корреляции Ч. Спирмена

Коррелируемые показатели	Значение коэффициента корреляции Спирмена R	Уровень достоверности (p)
Спутанность/Неразвитая идентичность - Сотрудничающе-конвенциальный тип (ДМО)	0,38	0,025
Покорность - Фактор О (ЛД)	-0,40	0,019
Подавленность эмоций - Фактор С (ЛД)	-0,38	0,026

Схема «Спутанность/Неразвитая идентичность» обнаруживает положительную корреляционную связь с сотрудничающе-конвенциальным типом межличностного взаимодействия (R = 0,38, p = 0,025). Данный результат свидетельствует о том, что женщины с выраженной данной схемой склонны формировать образ идеального партнера как человека, ориентированного на помощь, поддержку и социально одобряемое поведение. Согласно концепции Дж. Янга, схема «Спутанность/Неразвитая идентичность» развивается в условиях, когда значимые взрослые препятствовали психологической сепарации ребенка, формируя у него убеждение в невозможности полноценного существования без эмоционального слияния с другим [2]. В контексте романтических отношений это проявляется в поиске партнера, который, во-первых, сам будет нуждаться в эмоциональной вовлеченности и заботе, а во-вторых, позволит женщине сохранять привычное состояние симбиотической близости. Женщина с данной схемой неосознанно выбирает партнера, чьи личностные характеристики (дружелюбие, стремление помогать, ориентация на социальное одобрение) будут способствовать реализации ее глубинной потребности в слиянии, где границы между «Я» и «Ты» оказываются размытыми. При этом такой выбор выполняет важную защитную функцию: он позволяет женщине избежать столкновения с собственным чувством пустоты и неопределенности идентичности, которое возникает в ситуации автономного существования.

Схема «Покорность» обнаруживает отрицательную корреляционную связь с фактором О (оценка) личностного дифференциала (R = -0,40, p = 0,019), что указывает на то, что женщины с доминированием данной схемы не склонны формировать образ партнера как уверенной в себе, самоуважающей и самодостаточной личности. Схема «Покорность» характеризуется убежденностью в необходимости подчиняться желаниям и требованиям других людей, чтобы избежать отвержения, наказания или конфликта [3]. В основе этой схемы лежит глубинная установка о собственной ущербности и неспособности отстаивать свои границы. В контексте формирования образа партнера отрицательная корреляция с фактором О может быть интерпретирована через

механизм проективной зависти. Женщина с выраженной схемой «Покорность», бессознательно воспринимая уверенность и высокое самоуважение как качества, которыми она сама не обладает, испытывает к ним амбивалентные чувства: с одной стороны, зависть и восхищение, с другой - отвержение и страх. Образ партнера, обладающего высокой самооценкой, становится психологически угрожающим, поскольку актуализирует ее собственное ощущение неполноценности и зависимого положения.

Схема «Подавленность эмоций» демонстрирует отрицательную корреляционную связь с фактором С (сила) личностного дифференциала (R = -0,38, p = 0,026), что свидетельствует о том, что женщины с данной схемой не склонны представлять идеального партнера как независимого, волевого и самостоятельного человека. Схема «Подавленность эмоций» формируется в условиях, когда значимые взрослые стыдили ребенка за проявление спонтанных чувств, внушая ему убеждение, что эмоции опасны, неуместны или могут привести к отвержению [3]. В результате у человека развивается жесткий контроль над эмоциональной сферой, сопровождающийся запретом на их выражение. Отрицательная корреляция с фактором С может быть интерпретирована как компенсаторный механизм: женщина с подавленной эмоциональностью бессознательно ищет партнера, который будет способен проявлять те чувства и импульсивность, которые она сама вынуждена блокировать. Партнер с низкой выраженностью фактора С (то есть менее независимый и волевой) воспринимается как более эмоционально доступный, спонтанный и способный к эмпатическому отклику. Кроме того, независимый и сильный партнер может неосознанно восприниматься как угроза для хрупкого внутреннего контроля женщины: его волевые качества могут актуализировать у нее страх потери контроля над собственными подавленными чувствами.

Схема «Подавленность эмоций» отрицательно коррелирует с фактором А (R = -0,39, p = 0,020), что подтверждает дискомфорт рядом с активными, общительными личностями. Схема «Жесткие стандарты/Придирчивость» отрицательно связана с агрессивным типом (R = -0,36, p = 0,035), так как женщины с этой схемой, испытывая перманентное недовольство собой, ищут безопасную, принимающую связь. Схема «Привилегированность/Грандиозность» отрицательно коррелирует с прямолинейно-агрессивным типом (R = -0,36, p = 0,034), поскольку такие женщины нуждаются в партнере, подтверждающем их мнение о собственном превосходстве (таблица 4).

Таблица 4. Значимые корреляции ранних дезадаптивных схем с характеристиками образа партнера по коэффициенту ранговой корреляции Ч. Спирмена.

Коррелируемые показатели	Значение коэффициента корреляции Спирмена R	Уровень достоверности (p)
Подавленность эмоций - Фактор А (ЛД)	-0,39	0,020
Жесткие стандарты/Придирчивость - Прямолинейно-агрессивный тип (ДМО)	-0,36	0,035
Привилегированность/Грандиозность - Прямолинейно-агрессивный тип (ДМО)	-0,36	0,034

Схема «Подавленность эмоций» демонстрирует отрицательную корреляционную связь с фактором А (активность) личностного дифференциала (R = -0,39, p = 0,020), что свидетельствует о том, что женщины с выраженной данной схемой не склонны формировать образ идеального партнера как экстравертированного, энергичного, общительного и легкого в установлении контактов человека. Схема «Подавленность эмоций» формируется в условиях, когда значимые взрослые стыдили ребенка за проявление спонтанных чувств, внушая

ему убеждение, что эмоции опасны, неуместны или могут привести к отвержению и изоляции [3]. В результате у человека развивается жесткий контроль над эмоциональной сферой, сопровождающийся запретом на их выражение и подавлением естественных импульсов. В контексте формирования образа партнера отрицательная корреляция с фактором А может быть интерпретирована как проявление глубинного дискомфорта, который возникает у женщины с данной схемой при взаимодействии с активными, жизнерадостными и экспрессивными людьми. Энергичный и общительный партнер бессознательно воспринимается как угроза для хрупкого внутреннего равновесия, поскольку его спонтанность и эмоциональная открытость актуализируют у женщины ее собственный запрет на проявление чувств, вызывая чувство неполноценности и стыда. Кроме того, общительный партнер с высокой социальной активностью может требовать эмоциональной вовлеченности и открытости, что для женщины с подавленной эмоциональностью является психологически невыносимым.

Схема «Жесткие стандарты/Придирчивость» обнаруживает отрицательную корреляционную связь с прямолинейно-агрессивным типом межличностного взаимодействия ($R = -0,36$, $p = 0,035$). Данная схема характеризуется глубинным убеждением в том, что человек должен соответствовать чрезвычайно высоким внутренним стандартам в различных сферах жизни - в работе, внешности, поведении, морали - чтобы избежать критики и быть принятым другими [2]. Люди с данной схемой испытывают перманентное недовольство собой, постоянно сравнивают себя с другими и стремятся к недостижимому совершенству. В контексте формирования образа партнера отрицательная корреляция с агрессивным типом отражает глубинную потребность женщины в безопасной, принимающей и неосуждающей среде. Партнер с прямолинейно-агрессивными чертами (требовательный, резкий, критичный, вспыльчивый) бессознательно воспринимается как продолжатель тех критикующих и осуждающих фигур из детства, которые сформировали у женщины убеждение о собственной недостаточности. Женщина с данной схемой ищет партнера, который будет мягким, принимающим и терпимым, способным компенсировать ее внутреннюю критику и дать ощущение безусловного принятия, которого ей так не хватало в детстве.

Схема «Привилегированность/Грандиозность» также обнаруживает отрицательную корреляционную связь с прямолинейно-агрессивным типом межличностного взаимодействия ($R = -0,36$, $p = 0,034$). Данная схема характеризуется глубинным убеждением в собственном превосходстве над другими людьми, в обладании особыми правами и привилегиями, а также в необязательности следования принципам взаимности и общепринятым нормам [3]. Люди с данной схемой чувствуют себя особенными, требуют особого отношения и часто игнорируют потребности и чувства окружающих. В контексте формирования образа партнера отрицательная корреляция с агрессивным типом отражает потребность женщины в партнере, который будет подтверждать ее грандиозное мнение о себе, а не оспаривать его. Партнер с прямолинейно-агрессивными чертами (резкий, требовательный, критичный, раздражительный) представляет угрозу для грандиозного самоощущения женщины, поскольку его требования и критика могут разрушить ее хрупкое нарциссическое равновесие. Женщина с данной схемой нуждается в партнере, который будет восхищаться ею, удовлетворять ее потребности и подтверждать ее уникальность.

Схема «Поиск одобрения» имеет наиболее сильную отрицательную связь с агрессивным типом ($R = -0,59$, $p < 0,001$), что отражает потребность в принимающем, любящем партнере, который дает внешнюю похвалу. Схема «Негативизм/Пессимизм» отрицательно связана с независимо-доминирующим типом ($R = -0,34$, $p = 0,042$) и фактором А ($R = -0,39$, $p = 0,019$), так как женщины с этой схемой, сосредоточенные на негативе, избегают самодовольных, жизнерадостных людей и нуждаются в сочувствии (таблица 5).

Таблица 5. Значимые корреляции ранних дезадаптивных схем с характеристиками образа партнера по коэффициенту ранговой корреляции Ч. Спирмена.

Коррелируемые показатели	Значение коэффициента корреляции Спирмена R	Уровень достоверности (p)
Поиск одобрения - Прямолинейно-агрессивный тип (ДМО)	-0,59	0,000
Негативизм/Пессимизм - Независимо-доминирующий тип (ДМО)	-0,34	0,042
Негативизм/Пессимизм - Фактор А (ЛД)	-0,39	0,019

Схема «Поиск одобрения» обнаруживает наиболее сильную отрицательную корреляционную связь с прямолинейно-агрессивным типом межличностного взаимодействия среди всех выявленных корреляций ($R = -0,59$, $p < 0,001$). Данная схема характеризуется чрезмерной ориентацией на получение похвалы, признания и внимания от других людей, готовностью соответствовать их ожиданиям и предпочтениям даже ценой собственного благополучия и подавления собственных потребностей [3]. Самооценка человека с данной схемой практически полностью зависит от внешней оценки, что делает его крайне уязвимым к критике и отвержению. Столь высокая отрицательная корреляция с агрессивным типом ($R = -0,59$) свидетельствует о том, что женщины с выраженной схемой «Поиск одобрения» категорически не приемлют в образе идеального партнера такие качества, как требовательность, резкость, раздражительность, критичность и несдержанность. Данный результат может быть интерпретирован через механизм психологической защиты: любой намек на агрессию или критику со стороны партнера актуализирует у женщины с данной схемой страх отвержения и потери любви, что является для нее наиболее травматичным переживанием. Партнер с агрессивными чертами бессознательно воспринимается как угроза ее хрупкой самооценке, поскольку его критика может разрушить тот образ «хорошей», «правильной» женщины, который она старательно поддерживает для получения одобрения [2].

Схема «Негативизм/Пессимизм» обнаруживает отрицательную корреляционную связь с независимо-доминирующим типом межличностного взаимодействия ($R = -0,34$, $p = 0,042$). Данная схема характеризуется стойкой ориентацией на негативные аспекты жизни, постоянным ожиданием ухудшения ситуации, сосредоточенностью на проблемах, ошибках, потерях и разочарованиях [3]. Люди с данной схемой склонны преувеличивать трудности и не замечать позитивных возможностей. В контексте формирования образа партнера отрицательная корреляция с независимо-доминирующим типом (самодовольство, превосходство, самоуверенность, стремление доминировать) отражает глубинное неприятие тех качеств, которые противоречат пессимистическому мировосприятию женщины. Партнер с выраженными чертами независимо-доминирующего типа воспринимается как человек, неспособный проявить сочувствие и эмоциональное участие в проблемах женщины, поскольку его самоуверенность и самодовольство исключают возможность эмпатии и понимания ее тревог и страхов. Кроме того, жизнерадостный и самодовольный партнер может бессознательно восприниматься как угроза для пессимистической картины мира женщины, поскольку его позитивное мировосприятие ставит под сомнение ее убеждение в том, что мир опасен и все обязательно пойдет не так.

Схема «Негативизм/Пессимизм» демонстрирует отрицательную корреляционную связь с фактором А (активность) личностного дифференциала ($R = -0,39$, $p = 0,019$), что свидетельствует о том, что женщины с данной схемой не склонны представлять идеального партнера как экстравертированного, энергичного,

общительного и активного человека. Данная корреляция усиливает предыдущую интерпретацию и подчеркивает, что женщины с пессимистическим мировосприятием избегают не только доминирующих, но и вообще активных, жизнерадостных людей. Энергичный, общительный партнер с позитивным мировосприятием воспринимается как человек, который не сможет понять их тревоги и страхи, не будет разделять их пессимистические ожидания и, следовательно, не сможет обеспечить ту эмоциональную поддержку, в которой они нуждаются. Женщина со схемой «Негативизм/Пессимизм» ищет партнера, который будет готов выслушивать ее жалобы, разделять ее беспокойство и проявлять терпение к ее пессимистическим прогнозам [3].

Проведенное исследование показало наличие взаимосвязи между ранними дезадаптивными схемами и образом партнера у женщин. Выявленные отрицательные корреляции между схемами и агрессивными, доминирующими и активными типами межличностного взаимодействия расширяют теоретические представления о механизмах формирования образа партнера у женщин с дезадаптивными когнитивно-эмоциональными паттернами.

Выявленная обратная корреляция между схемой «Поиск одобрения» и прямолинейно-агрессивным типом межличностного взаимодействия ($R = -0,59$, $p < 0,001$) указывает на то, что женщины, чья самооценка напрямую зависит от оценки других людей, формируют образ идеального партнера как любящей и принимающей личности. Это согласуется с данными о том, что схема «Поиск одобрения» формируется в условиях, когда ребенок усваивает необходимость подстраиваться под окружающих для получения одобрения [3], и во взрослом возрасте такие женщины ищут партнера, восполняющего этот дефицит.

Качественный анализ групп с выраженными и невыраженными РДС показал, что женщины с выраженными РДС демонстрируют более завышенные, нереалистичные ожидания, негативное отношение к различиям с партнером, а также описывают идеальные отношения в терминах безусловного принятия и отсутствия конфликтов, что напоминает детскую потребность в идеальной родительской фигуре. Напротив, женщины с невыраженными РДС более реалистичны, способны принимать различия и видят в отношениях пространство для совместного развития. Эти данные согласуются с исследованиями О.В. Коньковой [4], показавшими, что незамужние женщины с выраженными РДС чаще испытывают трудности в построении длительных отношений, а также с выводами Е.Н. Богданова и соавторов [5] о связи детско-родительских отношений и РДС.

Отрицательные корреляции схем с агрессивными и доминирующими типами межличностного взаимодействия указывают на то, что женщины с РДС не просто формируют образ партнера «по умолчанию», а активно избегают тех качеств, которые напоминают им о травматичном опыте. Это соответствует концепции Дж. Янга о том, что РДС активируются в ситуациях, напоминающих детскую травму, и побуждают человека выбирать партнеров, которые не будут повторять травмирующий сценарий [2]. Однако, как отмечают исследователи, неосознаваемый выбор часто приводит к повторению сценариев, что требует дальнейшего изучения.

Практическая значимость результатов заключается в возможности использования данных для психологического консультирования: выявление ведущих РДС у клиенток позволяет прогнозировать их ожидания от партнера и возможные трудности в отношениях, а также разрабатывать стратегии коррекции нереалистичных представлений. Полученные данные могут быть использованы для создания тренингов и терапевтических групп, направленных на повышение психологической грамотности и осознанности в выборе партнера. Практическим аспектом значимости работы также может стать использование результатов

специалистами для повышения эффективности работы с клиентами или создание практических рекомендаций для психологов.

Список используемой литературы:

1. Росстат: Федеральная служба государственной статистики. - URL: https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/203792 (дата обращения: 03.07.2026).
2. Янг Дж. Схема-терапия. Практическое руководство / Дж. Янг, Дж. Клоско, М. Вайаaар. - М. : Вильямс, 2020. - 528 с.
3. Касьяник П. М. Диагностика ранних дезадаптивных схем / П. М. Касьяник, Е. В. Романова. - СПб. : Изд-во СПбГУ, 2016. - 42 с.
4. Конькова О. В. Ранние дезадаптивные схемы замужних и незамужних женщин в период ранней взрослости / О. В. Конькова // Социокультурные и психологические проблемы современной семьи: актуальные вопросы сопровождения и поддержки : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. (Тула, 15 нояб. 2022 г.) / редкол.: Н. А. Степанова [и др.]. - Чебоксары : ИД «Среда», 2022. - С. 100-106.
5. Богданов Е. Н. Взаимосвязь стилей воспитания и ранних дезадаптивных схем / Е. Н. Богданов, П. М. Касьяник, М. В. Галимзянова, Е. В. Романова, Д. М. Фаррелл // Прикладная юридическая психология. - 2017. - № 3. - С. 83-93.
6. Каплина К. В. Образ брачного партнера: содержание понятия и его психологические особенности / К. В. Каплина. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-brachnogo-partnera-soderzhanie-ponyatiya-i-ego-psihologicheskie-osobennosti (дата обращения: 03.07.2026).
7. Олифирович Н. И. Образ брачного партнера в представлениях девушек / Н. И. Олифирович, М. Л. Белановская // Репозиторий БГПУ: Научные публикации факультета социально-педагогических технологий. - 2012. - № 11. - С. 31-37.
8. Бережная А. М. Особенности представлений о брачном партнере у современных девушек / А. М. Бережная, Е. С. Лукьяненко // Российский психологический журнал. - 2016. - Т. 13. - № 1. - С. 56-67.
9. Гельвиг Е. В. Формирование представления о спутнике жизни у девушек с разным уровнем самооценки / Е. В. Гельвиг, С. С. Петрова // Вопросы психологии и экстремальных ситуаций. - 2022. - № 2. - С. 78-85.
10. Эриксон Э. Х. Идентичность: юность и кризис / Э. Х. Эриксон. - М. : Прогресс, 1996. - 344 с.
11. Романова Е. В. Выраженность ранних дезадаптивных схем и режимов функционирования схем у мужчин и женщин в период ранней, средней и поздней взрослости / Е. В. Романова, П. М. Касьяник, М. В. Галимзянова // Вестник СПбГУ. Сер. 16. - 2016. - Вып. 3. - С. 115-127.
12. Собчик Л. Н. Диагностика индивидуально-типологических свойств и межличностных отношений / Л. Н. Собчик. - СПб. : Речь, 2003. - 96 с.
13. Копотев С. Л. Личностный дифференциал / С. Л. Копотев. - ОСПИ «Лицей», 1991. - 31 с.
14. Варга А. Я. Сложности преподавания теории семейных систем Мюррея Боуэна / А. Я. Варга // Психология и психотерапия семьи. - 2021. - № 1. - С. 5-18.
15. Бек А. Когнитивная психотерапия расстройств личности / А. Бек, А. Фримен, Д. Дэвис. - СПб.: Питер, 2002. - 544 с.

Генеративный искусственный интеллект как инструмент обратной связи при обучении академическому письму студентов-филологов

Generative Artificial Intelligence as a Feedback Tool in Teaching Academic Writing to Philology Students

Чжан Лили
степень магистра,
СПбГУ,
Россия, Санкт-Петербург.
no_phone@mail.ru

Zhang Lili
Master's degree,
SPbU,
Russia, Saint Petersburg.
no_phone@mail.ru

Аннотация.
В статье рассматривается генеративный искусственный интеллект как инструмент формирующей обратной связи при обучении академическому письму студентов-филологов. На материале русскоязычных и зарубежных исследований 2023–2026 гг. систематизированы дидактические функции генеративных моделей в работе с учебными научными текстами: диагностическая, корректирующая, жанрово-риторическая, аргументативная, рефлексивная и метаязыковая. Показано, что опубликованные эмпирические данные подтверждают продуктивность ИИ-комментариев на уровне содержания, структуры и аргументации текста при сохранении экспертной позиции преподавателя. Выявлена специфика применения ИИ-обратной связи в филологических группах, связанная с интерпретативным характером филологической аргументации, риском стилевой гомогенизации и этикой работы с чужим словом. Предложена модель гибридной обратной связи «студент – ИИ – взаимное рецензирование – преподаватель», включающая семь этапов: от диагностического письма без ИИ до портфолио с этической декларацией. Охарактеризованы риски некритичного использования генеративных моделей и сформулированы практические рекомендации для курсов академического письма на филологических направлениях подготовки.

Annotation.
The article examines generative artificial intelligence as a formative feedback tool in teaching academic writing to philology students. Based on Russian and international studies published in 2023–2026, the didactic functions of generative models in working with student academic texts are systematised: diagnostic, corrective, genre-rhetorical, argumentative, reflective and metalinguistic. It is shown that published empirical data confirm the productivity of AI comments at the level of content, structure and argumentation, while the teacher retains the position of expert. The specifics of AI feedback in philology groups are identified: the interpretative nature of philological argumentation, the risk of stylistic homogenisation and the ethics of working with borrowed discourse. A hybrid feedback model «student – AI – peer review – teacher» is proposed, comprising seven stages, from diagnostic writing without AI to a portfolio with an ethical declaration. The risks of uncritical use of generative models are characterised, and practical recommendations for academic writing courses in philology programmes are formulated.

Ключевые слова: генеративный искусственный интеллект, академическое письмо, обратная связь, студенты-филологи, лингводидактика, гибридная модель обратной связи, академическая добросовестность, письменная речь.

Keywords: generative artificial intelligence, academic writing, feedback, philology students, language pedagogy, hybrid feedback model, academic integrity, written speech.

Введение

Обучение академическому письму занимает в филологическом образовании особое место, поскольку для студента-филолога письменный научный текст выступает не только формой учебной отчетности, но и способом профессионального мышления. В аннотации, рецензии, обзоре литературы, исследовательском эссе, курсовой и выпускной квалификационной работе обучающийся демонстрирует умение анализировать язык и текст, работать с источниками, выстраивать аргументацию, удерживать научный стиль и формировать собственную исследовательскую позицию. В отличие от ряда неязыковых направлений, где письмо осмысляется преимущественно как средство представления результатов, в филологии оно связано с профессиональной

идентичностью: будущий филолог должен уметь читать текст как объект анализа и создавать текст как научное высказывание.

В этой связи обратная связь в курсе академического письма приобретает не вспомогательный, а системообразующий характер. Развитие письменной компетенции происходит итеративно: черновик, комментарии, доработка, повторная оценка, обсуждение внесенных изменений. Между тем в реальной вузовской практике преподавательская обратная связь ограничена временем, численностью групп, неоднородностью языковой подготовки обучающихся и необходимостью проверять одновременно содержание, структуру, логику, стиль, цитирование и библиографическое оформление. Появление больших языковых моделей резко изменило характер дискуссии о письменных заданиях в высшей школе: если более ранние системы автоматизированной проверки работали преимущественно с локальными языковыми ошибками, то современные генеративные модели способны формулировать развернутые комментарии, предлагать варианты структуры, объяснять замечания и моделировать позицию рецензента. В русскоязычной лингводидактике 2024–2026 гг. эта проблематика оформилась в самостоятельное направление: обсуждаются ИИ-подсказки для получения обратной связи [3], методики обучения письму в триаде «обучающийся – преподаватель – искусственный интеллект» [7], стратегии письменной педагогической обратной связи [4], сопоставление качества ИИ-комментариев и преподавательских [8], а также признаки машинной генерации академических текстов [2].

Вместе с тем сама возможность быстрого получения развернутого комментария не гарантирует развития академической письменной компетенции. Искусственный интеллект (далее – ИИ) может поддержать процесс обучения, но может и маскировать отсутствие самостоятельного анализа, воспроизводить недостоверные ссылки, сглаживать индивидуальный стиль и переносить ответственность за текст с автора на инструмент. Проблема исследования обусловлена противоречием между потребностью филологического образования в оперативной многоуровневой обратной связи по учебным научным текстам и недостаточной разработанностью методических условий, при которых генеративный ИИ становится средством обучения академическому письму, а не способом обхода обучения.

Цель настоящей работы – теоретически обосновать и описать возможности использования генеративного ИИ как инструмента формирующей обратной связи при обучении академическому письму студентов-филологов. В соответствии с целью решались следующие задачи: 1) систематизировать отечественные и зарубежные исследования 2023–2026 гг. о генеративном ИИ и автоматизированной письменной обратной связи; 2) выявить дидактические функции генеративных моделей в работе с академическими текстами обучающихся; 3) определить специфику применения ИИ-обратной связи в филологических группах; 4) охарактеризовать риски, связанные с академической добросовестностью, качеством источников и снижением авторской самостоятельности; 5) предложить модель гибридной обратной связи, сочетающую ИИ-комментарии, взаимное рецензирование и экспертную оценку преподавателя. Объект исследования – процесс обучения академическому письму студентов-филологов; предмет – генеративный ИИ как средство формирующей обратной связи в данном процессе.

Методология и эмпирическая база обзора

Работа носит обзорно-аналитический характер и опирается на публикации по лингводидактике, педагогике высшей школы, обучению иноязычной письменной речи и этике применения генеративных моделей в образовании. Приоритет отдан русскоязычным исследованиям 2023–2026 гг., поскольку именно в этот период в российской научно-образовательной среде развернулось интенсивное осмысление ChatGPT, YandexGPT, GigaChat и сопоставимых инструментов как участников учебной деятельности. Методологическую основу

составили системный, деятельностный и компетентностный подходы, позволяющие рассматривать ИИ-обратную связь не как изолированную технологическую опцию, а как компонент целостного образовательного процесса.

В обзор включены четыре группы источников. Первую образуют работы, непосредственно посвященные ИИ-обратной связи и академическому письму [2; 3; 5; 9]. Вторую составляют исследования методик обучения письменной речи с участием генеративных моделей [6; 7; 8]. Третья группа связана со стратегиями письменной педагогической обратной связи и лингводидактическими кейсами для будущих учителей [1; 4]. Четвертая группа представлена зарубежными эмпирическими работами о поддержке преподавательской обратной связи средствами ChatGPT [10]. Эмпирические данные используются в статье как опубликованные результаты: в исследовании П. В. Сысоева и Е. М. Филатова участвовали 50 студентов лингвистических направлений [7]; в сопоставительном исследовании обратной связи анализировался банк из 350 эссе и комментарии 12 преподавателей [8]; в работе М. В. Устюжаниной и соавторов описано педагогическое исследование с участием 30 студентов [9]; В. А. Дугарцыренова использовала корпус из 45 сгенерированных и 47 студенческих обзоров литературы [2]. Наличие таких данных позволяет обсуждать не только теоретический потенциал, но и наблюдаемые эффекты и ограничения ИИ-комментариев.

Академическое письмо студентов-филологов как объект обратной связи

Академическое письмо в филологическом образовании не сводится к безошибочному владению языковой нормой. Оно предполагает владение жанрами научной коммуникации, умение формулировать исследовательскую проблему, строить обзор литературы, разграничивать собственную позицию и позиции других авторов, интерпретировать языковой или литературный материал, корректно цитировать и удерживать научный стиль. Принципиально, что объектом филологического исследования часто выступает сам текст – художественный, публицистический, научный, переводной, поэтому студент должен одновременно владеть академическим метаязыком и чувствовать границы интерпретации.

Обратная связь в таком контексте должна быть многоуровневой. Замечаний о грамматике недостаточно, если обучающийся не понимает, почему его обзор литературы превращается в пересказ, почему аргументы расположены механически или почему цитата включена без аналитического комментария. Для студентов-филологов правомерно выделить как минимум пять уровней обратной связи: языковой (грамматика, лексика, сочетаемость, терминологическая точность); жанрово-композиционный (структура аннотации, эссе, обзора, исследовательского введения); аргументативный (логика тезиса, доказательства, связь источников и выводов); интертекстуальный (цитирование, парафраз, атрибуция идей); рефлексивно-этический (авторская позиция, самостоятельность, прозрачность использования ИИ). Генеративная модель потенциально способна работать на каждом из этих уровней, однако степень ее надежности различна: на языковом и структурном уровнях рекомендации чаще всего оперативны и полезны, тогда как на уровне источников и интерпретации возрастает риск уверенно сформулированных неточностей. Отсюда вытекает принципиальное методическое требование: в курсе академического письма ИИ должен использоваться не как окончательный эксперт, а как промежуточный комментатор, чьи замечания подлежат проверке.

Обратная связь: от преподавательской рецензии к гибридной модели

В педагогической теории обратная связь рассматривается как механизм, помогающий обучающемуся соотнести текущий результат с целью и определить действия, необходимые для улучшения работы. Для обучения письму значима прежде всего формирующая обратная связь: своевременная, понятная, связанная с критериями, ориентированная на доработку и развивающая способность студента самостоятельно оценивать текст. Письменная обратная связь в цифровой среде прошла несколько этапов – от электронного

комментирования и систем проверки грамматики до инструментов автоматизированного оценивания. Генеративный ИИ отличается от предшествующих решений способностью выстраивать развернутый диалог вокруг текста: объяснять замечание, предлагать альтернативы, уточнять критерии, задавать вопросы к аргументации.

А. А. Коренев, рассматривая стратегии применения ИИ для письменной педагогической обратной связи, подчеркивает, что задача преподавателя состоит не в разрешении или запрете инструмента, а в проектировании сценариев его использования [4]. Схожая логика прослеживается в методике обучения написанию эссе в триаде «обучающийся – преподаватель – искусственный интеллект», где генеративная модель не выводит преподавателя из процесса, а перераспределяет нагрузку: первичные и рутинные замечания делегируются ИИ, тогда как преподаватель концентрируется на содержательных, методических и этических аспектах [7]. Принимая во внимание эти результаты, наиболее продуктивной представляется гибридная модель, в которой обратная связь распределена между несколькими субъектами: студентом как автором и первым редактором собственного текста; генеративной моделью как оперативным комментатором; однокурсником как читателем и участником взаимного рецензирования; преподавателем как экспертом, задающим критерии и принимающим итоговые решения. Студент в такой модели приходит к преподавателю не с «сырым» черновиком, а с осознанно доработанной версией и рефлексией о том, какие рекомендации ИИ были приняты, отклонены или проверены.

Генеративный ИИ как инструмент академической обратной связи: функции и типология

Проведенный анализ литературы позволил выделить шесть дидактических функций генеративного ИИ в обучении академическому письму.

Диагностическая функция состоит в выявлении сильных и слабых сторон текста по заранее заданной рубрике: соответствие теме, ясность тезиса, логика структуры, связность абзацев, академический стиль, корректность ссылок. В отличие от простой проверки грамматики генеративная модель формулирует замечания в виде связного комментария, соотнесенного с уровнем конкретного текста. Корректирующая функция охватывает указания на языковые ошибки, стилистические сбои, избыточную разговорность и слабые переходы между частями работы; здесь, однако, необходимо ограничение – если студент механически принимает переписанные моделью фрагменты, развитие письма подменяется внешним редактированием, поэтому продуктивнее запросы, в которых ИИ объясняет типы ошибок и предлагает автору внести правки самостоятельно.

Жанрово-риторическая функция связана с проверкой соответствия текста ожиданиям жанра: присутствуют ли в аннотации цель, методы, результаты и выводы; обозначена ли во введении исследовательская лакуна; не превращается ли обзор литературы в набор аннотаций. Аргументативная функция реализуется через вопросы к тезису, выявление непроясненных понятий и необоснованных переходов. При этом ИИ-комментарий должен восприниматься как повод к размышлению: филологическая интерпретация зависит от теоретической рамки, различия между школами и подходами модель может не улавливать, если они не заданы в запросе. Рефлексивная функция позволяет студенту описать, что изменилось между черновиками и какие решения он принял как автор; значимость документирования процесса работы над научным текстом специально подчеркивается в исследовании признаков машинной генерации [2]. Метаязыковая функция специфична именно для филологического образования: генеративная модель сама становится объектом анализа – обучающиеся исследуют, как она конструирует академический стиль, какие клише воспроизводит, как меняется текст при разных формулировках запроса. ИИ в этом случае перестает быть «черным ящиком» и превращается в материал для критической лингводидактической работы.

Обзор отечественных исследований 2023–2026 гг.

В русскоязычной научной литературе последних лет выделяется несколько направлений изучения генеративного ИИ в академическом письме. Первое связано с проектированием запросов для получения обратной связи. М. В. Золотарев, анализируя ИИ-подсказки, подготовленные британскими и американскими университетами, показывает, что такие подсказки строятся как структурированные тексты, понятные генеративной модели, а сам ИИ осмысляется прежде всего как тренажер для подготовки нескольких черновиков до обращения к преподавателю [3]. Для академического письма этот вывод принципиален: студент не должен приносить преподавателю первую неотрефлексированную версию, если имеется возможность предварительно проверить структуру, стиль и ясность текста.

Второе направление представлено экспериментальными работами школы П. В. Сысоева. Методика обучения написанию иноязычных творческих работ на основе оценочной обратной связи от ИИ проверялась с участием 50 студентов первого курса лингвистических направлений; использование ИИ-комментариев оказалось более эффективным по критериям содержания, организации и аргументации, тогда как статистически значимого прироста по лексике и грамматике выявлено не было [7]. Результат заслуживает внимания: генеративная модель работает не столько как корректор ошибок, сколько как средство улучшения композиции и содержательной развернутости текста. Третье направление – сопоставление качества ИИ-комментариев и преподавательской обратной связи. На банке из 350 эссе студентов-лингвистов уровня A2–B1 обратная связь ChatGPT сравнивалась с комментариями 12 преподавателей английского языка; по данным авторов, модель оказалась сопоставима с преподавателем по критериям содержания, организации и аргументации [8]. Эти данные не означают, что ИИ должен оценивать работы вместо преподавателя, – они показывают, что модель полезна как предварительный рецензент при большом числе текстов.

Четвертое направление образуют работы 2025–2026 гг. о конкретных моделях интеграции ИИ в обучение письму. Т. С. Орлова, рассматривая применение ChatGPT в обучении иноязычному письму студентов неязыковых вузов, отмечает преимущества персонализированной обратной связи и роста мотивации при сохранении рисков плагиата и снижения самостоятельности [6]. Н. В. Назарова на материале платформы LexiBot акцентирует развитие критического осмысления текста, логичности и формального стиля у магистрантов, предупреждая вместе с тем, что использование нейросети для генерации идей способно ослаблять критическое мышление [5]. Особенно близка филологическому контексту работа С. Н. Гришак и Т. А. Кокновой о лингводидактическом потенциале генеративного ИИ в обучении академическому письму будущих учителей иностранных языков: авторы опираются на отечественные платформы YandexGPT и GigaChat, предлагают систему лингводидактических кейсов и связывают применение ИИ с формированием рефлексивной самостоятельности [1]. М. В. Устюжанина и соавторы описывают четырехэтапную модель гибридной обратной связи «студент – ИИ – студент – преподаватель», апробированную с участием 30 первокурсников: зафиксирован рост качества письменных работ по пяти критериям, 72,9 % ИИ-комментариев признаны методически полезными, а среднее расхождение оценки модели и преподавателя не превысило 1,1 балла из 50 [9]. Подобные данные поддерживают тезис о продуктивности ИИ как промежуточного звена обратной связи, но не самостоятельной замены преподавателя.

Отдельного внимания заслуживает исследование В. А. Дугарцыреновой о признаках машинной генерации в англоязычных обзорах литературы студентов бакалавриата и магистратуры. На корпусе сгенерированных и студенческих текстов выявлены характерные признаки машинного происхождения: вымышленные источники, неточные описания публикаций, чрезмерно обобщенный характер обзора, списочная организация материала, избыточная абстрактная академическая лексика [2]. Для обсуждаемой темы этот результат принципиален: обучение работе с ИИ-обратной связью должно включать обучение распознаванию и

критике ИИ-текста, иначе студент будет воспринимать гладкий академический стиль как доказательство качества, за которым может скрываться отсутствие источниковой проверки и аналитической глубины.

Зарубежные исследования и международный контекст

Международная литература показывает, что интерес к автоматизированной письменной обратной связи возник задолго до распространения генеративных моделей: системы корректирующей обратной связи изучались применительно к точности письма на втором языке, и уже тогда фиксировались ограничения – перегрузка обучающегося избыточными исправлениями и недостаточная глубина метаязыкового объяснения. Эти выводы сохраняют силу и для генеративного ИИ: скорость комментирования не равна его педагогической ценности. K. Guo и D. Wang, сопоставив комментарии ChatGPT к 50 аргументативным эссе китайских студентов с обратной связью преподавателей, приходят к выводу, что модель способна поддерживать преподавательскую работу при больших группах, однако нуждается в педагогическом фильтре [10]. Существенно, что вопрос ставится не о замене учителя, а о поддержке его функций. Международная дискуссия о публикационной этике и ненадежности автоматических детекторов ИИ-текста, отраженная в том числе в русскоязычных обзорах [2], приводит к общему выводу: использование генеративных моделей должно быть прозрачным, ограниченным задачей и не нарушающим авторство, а подозрение в машинной генерации не может опираться на один лишь показатель детектора.

Специфика студентов-филологов

Хотя значительная часть эмпирических работ выполнена на материале неязыковых и лингвистических направлений, филологический контекст обладает рядом особенностей. Во-первых, студенты-филологи чувствительны к языковой форме, но это не означает автоматического владения академическим письмом: обучающийся может тонко анализировать художественный текст и одновременно испытывать трудности с научной аргументацией, обзором литературы и методологическим аппаратом. ИИ-обратная связь помогает увидеть композиционные и жанровые проблемы, остающиеся незаметными при фокусе на языковой правильности. Во-вторых, филологический текст строится на интерпретации: аргументация требует движения от наблюдения к выводу – пример из текста, аналитический комментарий, соотнесение с теорией. Генеративная модель может предложить слишком общую интерпретацию, не опирающуюся на конкретный материал, поэтому в запросах для филологов целесообразно требовать от модели указывать, где именно недостает текстового доказательства.

В-третьих, будущие специалисты по языку, литературе, переводу и редактуре должны понимать механизм исправления, а не только получать исправленный текст: ИИ-комментарий должен становиться предметом метаязыкового обсуждения – почему модель считает фразу неакадемичной, какой регистр предлагает, не теряется ли авторская позиция. В-четвертых, у филологов особенно высок риск стилевой гомогенизации. Генеративные модели тяготеют к гладкому, обобщенному, «безопасному» академическому стилю, вследствие чего тексты разных студентов сближаются: одинаковые вводные конструкции, абстрактные существительные, шаблонные переходы. Признаки такой шаблонности описаны как индикаторы некритичного использования ChatGPT [2], и в подготовке филологов этот риск должен обсуждаться как часть профессионального становления: академический стиль не тождественен обезличенной гладкости. Наконец, филологические дисциплины традиционно связаны с этикой чужого слова – работой с цитатой, парафразом, аллюзией, переводом. Использование ИИ в академическом письме филологов должно поэтому включать отдельный блок о границах допустимой помощи: правомерно просить модель указать на слабую структуру или задать вопросы к аргументам; недопустимо выдавать сгенерированный анализ источника или готовый обзор литературы за собственный текст.

Модель гибридной обратной связи

Обобщение рассмотренных подходов позволило разработать для курса академического письма студентов-филологов модель гибридной обратной связи «студент – ИИ – взаимное рецензирование – преподаватель», применимую при написании исследовательского эссе, обзора литературы, аннотации, рецензии или фрагмента курсовой работы. Модель включает семь последовательных этапов.

1. Диагностическое письмо без ИИ. Студенты создают короткий академический текст в аудитории без обращения к генеративным моделям и внешним источникам. Это не контрольная мера, а диагностика исходного уровня и базовая точка для последующего сравнения.

2. Задание критериев и рубрики. Преподаватель заранее формулирует критерии оценки: соответствие жанру, ясность исследовательского вопроса, структура, аргументация, работа с источниками, академический стиль, оригинальность авторской позиции. Обучающийся должен понимать, что ИИ-комментарий оценивается не сам по себе, а через эти критерии.

3. Получение ИИ-обратной связи по ограниченному запросу. Студент использует запрос, запрещающий модели переписывать текст целиком и предписывающий дать замечания по заданным пунктам с рекомендациями для самостоятельной доработки. Такой запрос переводит ИИ из режима генератора текста в режим комментатора.

4. Рефлексивная таблица. По каждому замечанию студент фиксирует: согласие, несогласие или необходимость проверки; основание принятого решения; внесенную правку; потребность в консультации преподавателя. Именно этот этап превращает ИИ-комментарий в учебное действие – если автор не может объяснить, почему принял правку, он ее не присвоил.

5. Взаимное рецензирование. Однокурсник читает текст и рефлексивную таблицу, оценивая, насколько осмысленно автор работал с замечаниями. Для филологов это одновременно тренировка редакторской и рецензентской компетенции.

6. Преподавательская обратная связь. Преподаватель оценивает не только итоговый текст, но и траекторию работы: исходный черновик, ИИ-комментарии, решения студента, результаты взаимного рецензирования. Прозрачность процесса снижает риск скрытого использования ИИ.

7. Портфолио и этическая декларация. Студент формирует портфолио (исходный текст, запрос, полученная обратная связь, таблица решений, финальная версия) и краткую декларацию об использовании ИИ, подтверждающую самостоятельность подготовки текста, источников и выводов.

Типы заданий для студентов-филологов

Методически безопасная интеграция ИИ достигается заданиями, в которых модель не пишет текст вместо студента, а помогает анализировать и редактировать. К таким заданиям правомерно отнести: анализ тезиса (студент формулирует тезис и просит модель задать уточняющие вопросы, после чего самостоятельно переписывает формулировку); проверку структуры обзора литературы (модель указывает, где нарушена логика переходов и где источники сгруппированы механически); редакторскую работу с абзацем (выявление тематического предложения и слабых связей без переписывания). Продуктивно также сопоставление комментариев преподавателя, однокурсника и ИИ по критериям конкретности и проверяемости, а равно выявление «псевдоакадемического» стиля в сгенерированных фрагментах. Особое место занимает проверка библиографических ссылок: любой предложенный моделью источник студент обязан верифицировать в eLIBRARY, КиберЛенинке, Crossref или на сайте журнала, что формирует навык источниковой верификации как элемент профессиональной культуры филолога.

Риски и ограничения

Главный риск генеративного ИИ в академическом письме – подмена процесса обучения готовым продуктом. Если студент поручает модели составить план, подобрать источники, написать обзор и сформулировать выводы, внешне текст может выглядеть академически, однако собственная компетенция автора не развивается; ИИ в этом случае усиливает давнюю проблему формального письма, при котором текст становится отчетностью, а не мышлением. Второй риск – галлюцинации и недостоверные источники: сгенерированные обзоры литературы могут включать несуществующие публикации и неточные описания реальных работ [2], что для филологии критично, поскольку качество научного текста во многом определяется точностью работы с исследовательской традицией.

Третий риск – стилевое обезличивание: усредненный академический стиль с обилием общих слов может восприниматься как «научный», оставаясь слабым в аргументативном отношении. Четвертый – зависимость от мгновенной подсказки: привыкая получать ответ до самостоятельной попытки, обучающийся утрачивает готовность к черновой работе и поиску собственной формулировки, поэтому часть заданий должна выполняться без ИИ. Пятый риск связан с неравенством доступа и нормативной неопределенностью – различием инструментов, версий моделей и уровня цифровой грамотности студентов, что требует прозрачных локальных правил: какие инструменты разрешены, на каких этапах, как оформляется декларация использования. Шестой риск – чрезмерная вера в автоматические детекторы ИИ-текста, надежность которых ограничена; педагогическая оценка должна опираться не на один показатель, а на анализ процесса, источников, черновиков и способности студента объяснить собственный текст [2; 10].

Обсуждение

Проведенный анализ позволяет констатировать, что генеративный ИИ наиболее продуктивен не как автономный оценщик, а как участник распределенной системы обратной связи. Российские эмпирические работы дают осторожно оптимистичную картину: ИИ-комментарии улучшают содержание, структуру и аргументацию текста [7], сопоставимы с преподавательской обратной связью по ряду критериев [8] и выполняют функцию промежуточной диагностики в гибридных моделях [9]. Те же исследования показывают, что без педагогического контроля модель способна усиливать шаблонность и некритичное отношение к источникам [2; 5].

Для студентов-филологов генеративный ИИ должен использоваться прежде всего как средство развития рефлексивной самостоятельности: обучающийся не просто получает комментарий, а учится оценивать его качество. Такая установка меняет статус запроса к модели – он становится не технической командой, а дидактическим инструментом, задающим позицию модели, критерии анализа и границы помощи. Отсюда вытекает необходимость включения в курсы академического письма элементов промпт-грамотности: как сформулировать запрос на обратную связь, как ограничить нежелательную генерацию, как проверить ответ и документировать взаимодействие. Возможна следующая педагогическая логика: на начальном этапе ИИ помогает увидеть поверхностные и структурные проблемы текста; на среднем – студент сравнивает ИИ-комментарии с критериями и замечаниями преподавателя; на продвинутом – самостоятельно проектирует запросы и использует модель как объект критического анализа. Генеративный ИИ становится в этом случае инструментом метаписьма – анализа собственных решений и контроля качества текста.

Практические рекомендации

Обобщение рассмотренных исследований и предложенной модели позволяет сформулировать рекомендации для курсов академического письма на филологических направлениях: использовать ИИ только после создания первого авторского черновика; поощрять запросы на диагностику, вопросы и рекомендации, исключая запросы на полное написание или переписывание работы; включать в задания обязательную

рефлексивную таблицу работы с ИИ-комментариями; оценивать наряду с финальным текстом процесс его создания – черновики, запросы, ответы модели, решения студента; обучать проверке библиографических данных; разбирать на занятиях примеры слабого ИИ-текста; вводить краткую декларацию использования ИИ; не полагаться исключительно на автоматические детекторы, применяя при сомнениях устное обсуждение текста и анализ истории черновиков. Локальные критерии допустимого использования ИИ целесообразно разрабатывать совместно со студентами, чтобы правила воспринимались как часть профессиональной этики, а не внешнее ограничение.

Заключение

Генеративный искусственный интеллект открывает для обучения академическому письму студентов-филологов возможности оперативной, развернутой и индивидуализированной обратной связи: он помогает увидеть слабые места черновика, уточнить структуру, сформулировать вопросы к аргументации и развить навыки саморедактирования. Педагогическая ценность инструмента возникает, однако, только при методически организованном использовании – после самостоятельного черновика, по прозрачной рубрике, с обязательной проверкой источников, рефлексией студента и последующей экспертной оценкой преподавателя. Для филологического образования принципиально, чтобы ИИ не подменял авторское письмо, а становился объектом критического анализа: будущий филолог должен распознавать ограничения машинного комментария – псевдоакадемическую гладкость, недостоверные ссылки, обобщенность, неверную интерпретацию текста.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования предложенной семиэтапной модели гибридной обратной связи и системы заданий при проектировании курсов академического письма на филологических направлениях подготовки. Дальнейшее исследование целесообразно направить на эмпирическую проверку модели в филологических группах с учетом жанров научного филологического письма, различий между бакалавриатом и магистратурой, а также влияния ИИ-обратной связи на развитие рефлексивной самостоятельности и индивидуального научного стиля обучающихся.

Список используемой литературы:

1. Гришак С. Н., Кокнова Т. А. Лингводидактический потенциал генеративного искусственного интеллекта в обучении академическому письму на английском языке будущих учителей иностранных языков // Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2026. – Т. 11. – Вып. 6. – DOI: 10.30853/ped20260136.

2. Дугарцыренова В. А. ChatGPT в англоязычном академическом письме: признаки машинной генерации текста в обзорах литературы студентов бакалавриата и магистратуры // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. – 2025. – Т. 22. – № 1. – С. 144–174. – DOI: 10.22363/2313-1683-2025-22-1-144-174.

3. Золотарев М. В. Искусственный интеллект как генератор обратной связи при обучении академическому письму // Вопросы методики преподавания в вузе. – 2024. – Т. 13. – № 4. – С. 57–70. – DOI: 10.57769/2227-8591.13.4.04.

4. Коренев А. А. Стратегии использования искусственного интеллекта для предоставления письменной обратной связи в обучении иностранному языку // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2024. – Т. 27. – № 2. – С. 68–77.

5. Назарова Н. В. Использование нейросетей в обучении магистрантов неязыковых специальностей навыкам академического письма на английском языке (на примере платформы LexiBot) // Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2026. – Т. 11. – Вып. 3. – DOI: 10.30853/ped20260063.

6. Орлова Т. С. Использование ChatGPT в рамках обучения иноязычному письму студентов неязыковых вузов // Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2025. – Т. 10. – Вып. 8. – DOI: 10.30853/ped20250141.

7. Сысоев П. В., Филатов Е. М. Методика обучения студентов написанию иноязычных творческих работ на основе оценочной обратной связи от искусственного интеллекта // Перспективы науки и образования. – 2024. – № 1 (67). – С. 115–135. – DOI: 10.32744/pse.2024.1.6.

8. Сысоев П. В., Филатов Е. М., Хмаренко Н. И., Мурунов С. С. Преподаватель vs искусственный интеллект: сравнение качества предоставляемой преподавателем и генеративным искусственным интеллектом обратной связи при оценке письменных творческих работ студентов // Перспективы науки и образования. – 2024. – № 5 (71). – С. 694–712. – DOI: 10.32744/pse.2024.5.41.

9. Устюжанина М. В., Костеева Д. Ю., Филипская А. В., Кухтина Я. В. Искусственный интеллект как средство обратной связи в обучении иноязычному письму студентов неязыковых вузов (на примере

английского языка) // Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2026. – Т. 11. – Вып. 6. – DOI: 10.30853/ped20260132.

10. Guo K., Wang D. To resist it or to embrace it? Examining ChatGPT's potential to support teacher feedback in EFL writing // Education and Information Technologies. – 2024. – Vol. 29. – P. 8435–8463. – DOI: 10.1007/s10639-023-12146-

«Вопросы студенческой науки»

Сборник научных статей

Выпуск №7 (119)
Июль 2026

Сохранена авторская орфография и пунктуация.

«Скиф»

Россия, г. СПб, Богатырский пр. 12, офис 315.
E-mail:info@sciff.ru
www.sciff.ru